БИБЛІОТЕКА
Историко-литературн. и Юридическихъ
Высшихъ Женскихъ Курсовъ
Н. П. РАЕВА.

Шкафъ X.
Полка K.
№ 28
Инв. 99
Годъ 912-13

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

Журнальный фонд 57468

1912

9.

Стр.

5. Петръ Великій и царевичъ Алексѣй. Статья **Д. И. Иловайскаго.**
63. Письмо Кизлярскаго губернатора **П. О. Салтыкова** къ А. П. Волынскому. 1719. } Сообщилъ П. Л. Юдинъ.
66. Самозванецъ Пугачевъ. Новооткрытыя о немъ показанія. } Сообщилъ П. Л. Юдинъ.
68. Академикъ Гмелинъ. 1774. } Сообщилъ П. Л. Юдинъ.
83. Леда. Забытое стихотвореніе **Е. А. Баратынскаго.** } Сообщилъ П. Л. Юдинъ.
85. Изъ писемъ къ издателю Р. Архива: **Кн. В. Ѳ. Одоевскаго, княгини Е. А. Долгорукой, М. А. Максимовича и К. И. Женэифова.**
102. Письмо **Екатерины Великой** къ Сенаку-де-Мейлану.
104. Ретивые исполнители. Статья **П. Л. Юдина.**
113. Указъ **графа П. Б. Шереметева** его служителю Петру Александрову.
114. Послѣ Берлинскаго конгресса: Письмо полковника **Яковскаго** графу Милютину.—Отношеніе **князя Цертелева** князю Лобанову-Ростовскому и др.
133. Князь Цертелевъ Гирсу.
133. Воспоминаніе **А. И. Васильчиковой** о 1812-мъ годѣ. Сообщила **А. А. Милорадовичъ.**
136. Передъ Турецкой войной. Князь **В. А. Черкасскій.** Письмо изъ Тульской деревни къ княгинѣ Е. Э. Трубецкой.
141. Письма **И. И. Лажечникова** къ Ѳ. А. Кони. Сообщилъ А. Ѳ. Кони.
152. Изъ Записокъ **графа Н. Е. Комаровскаго.**
159. Русская Борода 1812 г.
160. А. В. Станкевичъ. Некрологъ.
Внутри сорочки: Замѣтки **П. А. Россіева.**

Алексѣй Сергѣевичъ СУВОРИНЪ

Вѣчная ему благодарственная память грамотныхъ Русскихъ людей.

МОСКВА.
„Русская Печатня“, Садовая-Тріумфальная, д. № 14.
1912.

Замѣтки П. А. Россіева.

I.

Великій Князь Николай Михаиловичъ. Петербургскій Некрополь. Т. I (А—Г). С.-Пб. 1912. б. 8°. XX + 715 стр.

Составленный В. И. Саитовымъ и изданный по образцу Московскаго, Петербургскій Некрополь является также драгоцѣннымъ справочникомъ для писателей, ученыхъ и просто для всякаго, кто не равнодушенъ къ родному пепелищу и къ отеческимъ гробамъ. Петербургскій „городъ мертвыхъ“ выполненъ въ большемъ чѣмъ Московскій размѣрѣ, такъ какъ умѣщаетъ не только столичныя, но и кладбища окрестныя, не исключая нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ. Данный „Русскимъ Архивомъ“ 1883 года Петербургскій Некрополь (трудъ того же В. И. Саитова вошелъ въ настоящее изданіе въ исправленномъ видѣ. Да, за сей словарь нельзя не быть благодарнымъ Августѣйшему Издателю, и тѣмъ болѣе, что памятниковъ, надгробныя плиты коихъ въ Петербургѣ больше чѣмъ въ Москвѣ и кресты, исчезаютъ столько же по волѣ времени и стихій, сколько и по человѣческому нерадѣнію. Уже въ первомъ томѣ мы не нашли нѣсколькихъ именъ; напримѣръ, нѣтъ: М. Н. Баккаревича (род. 1775, † д. с. с. 1820), Л. Бакмейстера (род. 1730, † ст. сов. 22 Мая 1806), артистовъ Императорскихъ театровъ, Н. Борецкаго (Пустошкина), М. В. Величкина († 23 Января 1848), А. В. Воротникова († 4 Марта 1840). Нѣтъ и Э. И. Губера (род. 1814, † 11 Апрѣля 1847). Между тѣмъ, обласканный Пушкинымъ переводчикъ „Фауста“ былъ погребенъ на Волковомъ кл. Знаемъ, что на Преображенскомъ затерялась могила Александры Алексѣевны Муратовой (рожд. Мошковой, † 1900 г.).

II.

И. Ф. Павловскій. Краткій біографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губерніи съ половины XVIII вѣка. Изданіе Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Полтава. 1912. 8-ка, 2 + VI + 238 стр. Съ приложеніемъ портретовъ.

Неутомимый И. Ф. Павловскій составилъ, а Полтавская Ученая Архивная Комиссія издала словарь достопамятныхъ уроженцевъ Полтавской губерніи, присоединивъ жизнеописанія и тѣхъ лицъ, „которыя хотя и не родились въ ней, но, проживъ довольно долго въ ней, посвятили свой досугъ литературному труду, а многіе и до сей поры трудятся на этомъ поприщѣ“. Вышла книга очень полезная, очень нужная, и хотѣлось бы, чтобы она была заразительна для другихъ архивныхъ комиссій, которыхъ у насъ не одинъ десятокъ, а болѣе. И. Ф. Павловскому помогали: отчасти первоисточники, большей же частью обширная литература. Находить ее въ провинціи не легко: требуется много настойчивости, энергіи и возвышенной любви къ дѣлу. И все это у почтеннаго біографа въ наличности. Онъ представилъ слишкомъ 400 дѣятелей, легко сказать! Конечно, въ условіяхъ провинціальнаго книгопечатанія, Словарь не обошелся безъ типографскихъ (корректорскихъ) погрѣшностей; но эти недосмотры, несомнѣнно, замѣчены уже и самимъ авторомъ, и онъ исправитъ ихъ при второмъ изданіи, куда войдутъ и художникъ Литовченко и, хотя бы, П. А. Кулишъ и Б. Д. Гринченко, дѣятельность которыхъ не менѣе была близка Полтавщинѣ, чѣмъ, скажемъ, Бучневича или Дмитріевскаго, и другіе.

III.

В. И. Туманскій. Стихотворенія и письма. *Редакція, біографическій очеркъ и примѣчанія С. Н. Браиловскаго.* СПб. 1912. 8-ка, 434 стр.

Вас. Ив. Туманскій — типичный лирикъ 20-хъ годовъ. Свой поэтическій (конечно, не яркій) свѣтъ онъ заимствовалъ у Пушкина, назвавшаго его перо „очаровательнымъ“. То была улыбка бога, подаренная счастливому смертному... Кто теперь знаетъ стихи В. Туманскаго? Онъ написалъ ихъ изъ сотни двѣ, тогда какъ его двоюродный братъ Ѳ. А. Туманскій напечаталъ всего 8 стихотвореній у Дельвига въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“, и кто же не заучивалъ въ дѣтствѣ хотя бы „Птички“ („Вчера я растворилъ темницу“...)? Образованный и опытный издатель подготовилъ къ печати наслѣдіе давно угасшаго Парнасца († 23 марта 1860 года), а А. С. Суворинъ издалъ книгу такъ же образцово, какъ издаются теперь Академіей Наукъ Грибоѣдовъ, Кольцовъ, Лермонтовъ. Есть и снимки съ почерка, и портретъ поэта, и виды его дома, и надмогильнаго памятника. Чистая любовь, преклоненіе передъ женщиной и проникновенная любовь къ отчизнѣ—вотъ изъ чего соткана поэзія В. И. Туманскаго. Слѣдовательно, появленіе такой книги вполнѣ кстати. Изъ 66 писемъ—57 писаны двоюродной сестрѣ С. Г. Туманской-Милорадовичъ и по одному: Кюхельбекеру („...охота же тебѣ читать Шихматова и Библію. Какой злой духъ, въ видѣ Грибоѣдова,

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

1912.

III.

99
912-13

БИБЛІОТЕКИ
Историко-Литературныхъ
Юридическихъ В. К. Курсовъ
Н. П. РАЕВА.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

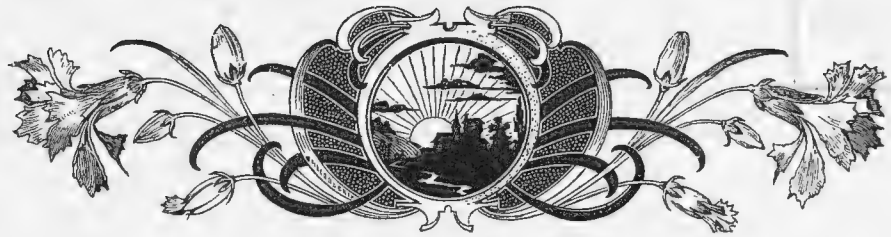
Не брошу плуга, рабъ лѣнивый. Не отойду я отъ него...

Хомяковъ.

1912.

КНИГА ТРЕТІЯ.

МОСКВА.
„Русская Печатня“, Садовая-Тріумфальная, домъ № 14.
1912.



Петръ Великій и царевичъ Алексѣй.

Источники и литература предмета.

„Объявленіе розыскнаго дѣла и суда, по указу Его Царскаго Величества на царевича Алексѣя Петровича въ Санктъ-Петербургѣ отправленнаго". 1718.—*И. Голикова* „Дѣянія Петра Великаго". М. 1788—1789.—*Его же* „Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго". М. 1790—1796.—*Мурзакевича* „Письма царевича Алексѣя Петровича". Одесса. 1849.—*Устрялова* „Исторія царствованія Петра Великаго". Томъ IV. Спб. 1863. А главнымъ образомъ томъ VI. Спб. 1859, болѣе чѣмъ наполовину занятый архивными документами.—*Погодина* „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ". Русская Бесѣда. 1860 г.—*Его же* „Царевичъ Алексѣй Петровичъ", съ прилож. документовъ, найденныхъ. *Г. В. Есиповымъ*.—„Чтенія Общ. Исторіи и Древностей". 1861. Кн. III.—*Жоржа Верне* Pierre le Grand en Hollande et à Zaandam, dans les années 1697 et 1717. Utrecht. 1865.—*Соловьева* „Исторія Россіи". Т. XVII. М. 1867.—*Костомарова* „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ". 2-й отдѣлъ гл. XVII. Спб. 1874.—*Его же* „Царевичъ Алексѣй". Древняя и Новая Россія. 1875. Январь—февраль.—*Герье* Die Kronprinzessin Charlotte von Russland. Bonn. 1875.—*Его же* „Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница". Спб. 1873.—*Вебера* Das veränderte Russland. Franckfurt-Leipzig. 1738.—*Valemа* Leben Peters des Grossen. Zweiter Band. Münster-Leipzig. 1804.—*Германа* Geschichte des russ. Staates. IV Band. Hamburg. 1849.—*Его-же* Peter der Grosse und Zarewitsch Alexei. Leipzig. 1880.—*Брикнера* Der Zarewitsch Alexei. Heidelberg. 1880.—*Валишевскаго* Pierre le Grand. Paris. 1905. Chapitre VIII.—*Бюшинга* Magazin für die neue Historie und Geographie. Th. IX, XI, XV. Halle 1775—1781.

Ограничиваюсь важнѣйшими источниками и сочиненіями. Не перечисляю менѣе важныхъ матерьяловъ и разныхъ журнальныхъ статей.

I.

Отвергнутая супруга и осиротѣвшій наслѣдникъ престола.

Какъ извѣстно, царь Петръ Алексѣевичъ, узнавъ о новомъ возмущеніи стрѣльцовъ, прервалъ свое продолжительное заграничное пребываніе и поспѣшилъ воротиться въ Москву, чтобы лично и непосредственно заняться кровавымъ стрѣлецкимъ розыскомъ. Въ послѣднихъ числахъ Августа 1698 года онъ поселился въ своемъ загородномъ Преображенскомъ дворцѣ, по сосѣдству съ излюбленной имъ Нѣмецкой слободой. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ заграничныхъ обычаевъ, онъ, не теряя времени, наглядно приступилъ къ реформѣ

Русскаго наружнаго обличія, начавъ собственноручно обрѣзывать бороды являвшимся къ нему на поклонъ степеннымъ Московскимъ боярамъ.

Посѣщая Лефорта и другихъ своихъ пріятелей въ Нѣмецкой слободѣ, Петръ особое вниманіе оказывалъ семейству виноторговца Монса, среди котораго цвѣла тогдашняя царская зазноба, одна изъ дочерей Монса, красавица Анна. Послѣ кончины любящей, заботливой матери, т.-е. Натальи Кирилловны, уже некому было сдерживать бурныя увлеченія молодого царя, съ его ничѣмъ неограниченнымъ самовластіемъ, и защитить отъ гоненія его законную супругу, Евдокію Ѳедоровну Лопухину.

Когда-то Петръ любилъ Евдокію и первенца ихъ „Алешиньку“. Во время частыхъ отлучекъ мужа она писала ему нѣжныя посланія, называя его „лапушка мой“, и слезно жаловалась, если не получала отъ него извѣстій. Но онъ уже давно охладѣлъ къ ней и привыкъ развлекаться на сторонѣ. А во время своего заграничнаго пребыванія рѣшилъ и совсѣмъ отъ нея отдѣлаться. Для этого существовалъ обычный и легкій способъ: монастырь. И вотъ царь изъ Англіи и Голландіи шлетъ дядѣ своему Льву Кирилловичу Нарышкину и ближнему боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу неоднократный приказъ: уговорить царицу къ постриженію съ помощью ея духовника. Не зная за собой никакой вины, Евдокія отказалась исполнить волю своего супруга до его возвращенія. А когда онъ возвратился и она продолжала упорствовать, царь съ свойственной ему тираніей употребилъ насиліе. Несчастную Евдокію посадили въ простую колымагу и отправили въ Суздальскій Покровскій монастырь, гдѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, противъ воли постригли въ монахини, подъ именемъ Елены. При чемъ не было назначено ни служительницъ къ ней, ни денегъ на сколько-нибудь ея приличное содержаніе, такъ что она терпѣла нужду даже въ съѣстныхъ припасахъ и обращалась иногда за помощью къ своимъ родственникамъ Лопухинымъ. Отправляя въ монастырь, отняли отъ матери сына, т.-е. царевича Алексѣя Петровича, по девятому году отъ рожденія, и передали его сестрѣ Петра, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, почему-то питавшей нерасположеніе къ Евдокіи Ѳедоровнѣ.

Напрасно услужливые историческіе писатели старались объяснить такой насильственный поступокъ царя съ своей безвинной супругой разницею ихъ вкусовъ и взглядовъ, несочувствіемъ царицы и ея родни къ излишнему преклоненію Петра передъ иноземцами и т. п. Нѣтъ, тутъ во всей силѣ сказался его необузданный нравъ, не-

признававшій для себя никакихъ нравственныхъ и семейныхъ обязанностей. Этотъ поступокъ и былъ началомъ той трагедіи, которая омрачила знаменитое царствованіе и печальныя слѣдствія которой Россія не перестала испытывать до сихъ поръ *).

На седьмомъ году царевича начали обучать грамотѣ, для чего къ нему былъ приставленъ Никифоръ Вяземскій, человѣкъ ничтожный и малообразованный. Отнявъ сына отъ матери, Петръ какъ будто озаботился его воспитаніемъ, и нѣкоторое время намѣревался для того отправить его въ Германію. Германская императрица Елеонора, супруга Леопольда, изъявляла желаніе воспитать Русскаго царевича при своемъ дворѣ и впослѣдствіи выдать за него одну изъ своихъ дочерей; но завязавшіеся о томъ переговоры окончились ничѣмъ. Затѣмъ Петръ хотѣлъ отправить сына для воспитанія въ Дрезденъ подъ покровительство своего союзника герцога Саксонскаго и короля Польскаго Августа II. Но отвлеченный начавшейся войною со Шведами, не исполнилъ сего намѣренія. Вмѣсто того онъ поручилъ образованіе сына вступившему въ Русскую службу Нѣмецкому барону Гизену (1703 г.). Баронъ представилъ царю заманчивую, разсчитанную на два года, образовательную программу, въ которую входили религіозно-нравственные предметы, Французскій языкъ, географія, ариѳметика, геометрія, исторія, политика (по Французскимъ курантамъ и Пуффендорфу) и т. д., до фехтованія, танцевъ и верховой ѣзды включительно. Высшій надзоръ за воспитаніемъ былъ порученъ царскому любимцу, полуграмотному Александру Даниловичу Меньшикову; по современнымъ нашимъ понятіямъ, сей послѣдній сдѣланъ попечителемъ наслѣдника. Въ томъ же году царевичъ впервыя участвовалъ въ военномъ походѣ на устьѣ Невы солдатомъ бомбардирской роты и присутствовалъ при взятіи Ніеншанца. По возвращеніи въ Москву, царь торжественно передалъ Гизену, какъ прекрасному, надежному воспитателю, своего сына и будущаго преемника. А въ слѣдующемъ году встрѣчаемъ царевича съ его воспитателемъ при осадѣ и взятіи Нарвы. По случаю сей побѣды царь обратился къ сыну съ увѣщаніемъ быть ему достойнымъ преемникомъ, подражать его примѣру и не щадить трудовъ для общаго блага; въ противномъ случаѣ грозилъ отречься отъ него,

*) „Не сказавъ никому ни слова, Петръ два раза ѣздилъ въ Ладожскій монастырь, что на Волховѣ, куда перевезена была Царица-монахиня, видѣлся съ нею, часа по два просиживалъ въ келіи, привозилъ ей и денегъ по двѣ тысячи рублей. Въ третій разъ также и туда же пріѣхалъ, остановился у монастырскихъ воротъ, не выходилъ изъ экипажа, призадумался, постоялъ и крикнулъ: назадъ!“ Это записано со словъ В. И. Лопухина. См. Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872, стр. 118. П. Б.

т.-е. не признать своимъ сыномъ. Если вѣрить запискѣ Гизена, на эту неожиданную и поспѣшную угрозу четырнадцатилѣтній царевичъ отвѣтилъ умно и съ чувствомъ: онъ со слезами осыпалъ поцѣлуями отцовскую руку, указывалъ на свою крайнюю молодость, обѣщалъ слѣдовать его примѣру и молилъ Бога на многіе годы сохранить здоровье знаменитаго родителя.

Повидимому, дѣло воспитанія въ рукахъ Гизена пошло недурно. Но злой рокъ или вѣрнѣе какой-либо недобрый геній царевича, въ родѣ его коварнаго попечителя Александра Меньшикова, поспѣшилъ это дѣло испортить. Уже въ слѣдующемъ 1705 году баронъ Гизенъ былъ отдаленъ отъ царевича; его отправили за границу съ разными неважными порученіями, каковы: въ Берлинѣ присутствовать при погребеніи Прусской королевы, въ Вѣнѣ поздравить императора Іосифа I съ восшествіемъ на престолъ и предложить Польскую корону принцу Евгенію Савойскому (послѣ отреченія Августа II) и т. п. Какъ будто никто другой не могъ исполнить сихъ порученій! За границей Гизенъ пробылъ около четырехъ лѣтъ. Въ этомъ случаѣ Петръ обнаружилъ явное равнодушіе къ воспитанію своего наслѣдника, при которомъ оставался наставникомъ ничтожный Вяземскій. Въ тоже время царь пересталъ брать сына съ собой въ походы и вообще замѣтно началъ держать его вдали отъ себя, сохраняя видъ грознаго, недоступнаго судіи. А коварный попечитель, живя въ Петербургѣ, какъ бы намѣренно предоставлялъ осиротѣвшему царевичу свободу проживать подъ Москвою въ Преображенскомъ, проводить время по своему усмотрѣнію, привыкать къ бражничанью и окружать себя по преимуществу лицами чернаго и бѣлаго духовенства, съ духовникомъ его Яковомъ Игнатьевичемъ во главѣ, вообще съ людьми, недружелюбно смотрѣвшими на нововведенія Петра и на его пристрастіе къ иноземцамъ. Въ числѣ такихъ людей находились и царскія сестры (отъ Милославской), между которыми особой приверженностью къ старинѣ, враждой къ брату и недобрыми внушеніями племяннику отличалась царевна Марья Алексѣевна. Единоутробная царская сестра Наталья Алексѣевна, очевидно, слѣдившая за поведеніемъ своего племянника, вдругъ извѣстила Петра, что Алексѣй пересылается съ своей матерью при посредствѣ ея родни и даже, о ужасъ, когда узналъ о приключившейся ей болѣзни, тайкомъ ѣздилъ къ ней въ Суздаль на свиданіе! Царь находился тогда (1707 г.) въ Польскихъ владѣніяхъ, въ мѣстечкѣ Жолквѣ. Онъ немедля вызвалъ къ себѣ сына и гнѣвно обрушился на него за такой проступокъ.

Изъ Жолквы царь послалъ Алексѣя въ Смоленскъ для сбора провіанта и рекрутъ, и царевичъ успѣшно трудился тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Вообще съ этого времени царь началъ занимать сына разными порученіями, относящимися къ Шведской войнѣ, каковы: укрѣпленія Московскаго Кремля, сборъ солдатъ и казаковъ, переписка съ областными воеводами и донесенія государю. Дошедшія до насъ отъ сей эпохи многочисленныя письма царевича къ царю отличаются краткостью и толковостью; но въ нихъ постоянно проглядываютъ боязнь и робость передъ грознымъ отцомъ. Между тѣмъ, по донесенію Никифора Вяземскаго, царевичъ занимается исторіей и географіей и началъ учиться Нѣмецкому языку, а съ возвращеніемъ Гизена продолжалъ Французскіе уроки; учился также фортификаціи. Нѣкоторое время между отцомъ и сыномъ какъ будто водворились добрыя отношенія. Царевичъ, по порученію отца, набралъ пять полковъ, обучилъ ихъ и въ началѣ 1709 года лично провелъ ихъ къ нему на Украйну, въ городъ Сумы; но дорогою отъ большихъ морозовъ простудился и жестоко занемогъ. Петръ встревожился, задержалъ свой отъѣздъ и назначилъ молебствія. Только когда опасность миновала, онъ выѣхалъ въ Воронежъ, куда потомъ отправился по своемъ выздоровленіи и царевичъ, чтобы присутствовать при спускѣ новыхъ кораблей. Но въ походѣ 1709 года и въ Полтавскомъ бою мы его не встрѣчаемъ. Въ томъ же 1709 году царь впервыя отправилъ сына ради образованія за границу, а именно, черезъ Краковъ и Варшаву въ Дрезденъ, гдѣ онъ долженъ былъ изучать языки, геометрію и фортификацію. Сюда онъ прибылъ уже въ слѣдующемъ 1710 году съ небольшою свитою, среди которой находились два его сверстника, сыновья такихъ вельможъ, какъ князь Юрій Трубецкой и графъ Гавріилъ Головкинъ. А во главѣ этой свиты стоялъ баронъ Гизенъ. Изъ Дрездена царевичъ ѣздилъ въ Карлсбадъ, гдѣ лѣчился водами. Повидимому, лѣчить потребовалось не одни только слѣдствія простуды, но также и слѣдствія преждевременной привычки къ неумѣренному употребленію крѣпкихъ напитковъ. Извѣстно, что самъ Петръ распространялъ и укоренялъ эту некультурную привычку въ окружающей его средѣ. Царевича не только никто не оберегалъ отъ сего зла; но есть основаніе полагать, что коварный его попечитель Меньшиковъ съ затаенными задними цѣлями поощрялъ осиротѣлаго, при живыхъ родителяхъ, юношу предаваться необузданному пьянству. По крайней мѣрѣ самъ царевичъ потомъ указывалъ на него, какъ на главнаго виновника своей пагубной привычки.

Во хмѣлю царевичъ проявлялъ не одинъ веселый нравъ, но также вспыльчивость и, подобно отцу, давалъ волю своимъ рукамъ и своему

языку. Такъ: въ трезвомъ состояніи онъ очень почиталъ и слушался своего духовника, а въ подпитіи случалось жестоко его бранить и даже драть за бороду.

По окончаніи лѣчебнаго курса Алексѣй поѣхалъ изъ Карлсбада обратно въ Дрезденъ и дорогою черезъ Саксонскія рудныя горы обнаружилъ любознательность, осматривая рудокопныя работы, при чемъ спускался въ самыя шахты. Въ Дрезденѣ онъ снова занялся науками и, судя по иностраннымъ свидѣтельствамъ, занимался прилежно. Въ этихъ занятіяхъ провелъ около года и очевидно много читалъ, пріобрѣтая книги на иностранныхъ языкахъ; этими книгами особенно могъ запастись во время своей поѣздки на знаменитую Лейпцигскую ярмарку осенью 1710 года.

Въ 1707 году Меньшиковъ къ своему титулу князя Римской имперіи получилъ еще наименованіе князя Ижорскаго и притомъ „свѣтлѣйшаго“. Въ дипломѣ на сей титулъ царь приводитъ разныя заслуги своего любимца и въ томъ числѣ „воспитаніе сына нашего, по званію высшаго управителя“. Очевидно, царь не зналъ или не желалъ знать, каково было вліяніе сего воспитателя на Русскаго престолонаслѣдника.

Изъ Лейпцига Алексѣй пишетъ въ Москву своему духовнику, что здѣсь сподобился причаститься святыхъ таинъ отъ Греческаго священника, у котораго исповѣдался посредствомъ своего подъячаго и толмача Ѳедора Еварлакова *), такъ какъ священникъ говорилъ съ нимъ по-латыни. Ко времени сего заграничнаго пребыванія вѣроятно относится очень любопытное, но безъ числа и года написанное посланіе его къ своему Московскому духовнику Якову Игнатьеву. Благочестивый, строго преданный православію, царевичъ скорбитъ о томъ, что при немъ нѣтъ Русскаго священника на случай смертнаго часа. Но, запуганный отцомъ, онъ не смѣетъ явно писать о своей нуждѣ; а потому проситъ своего духовника, чтобы тотъ тайно прислалъ къ нему какого-либо нестараго безженнаго попа, который бы переодѣлся въ Нѣмецкое платье, заростилъ гуменце или, совсѣмъ обривъ голову, надѣлъ накладные волосы и находился бы при немъ подъ видомъ служителя. Но сей рискованный планъ, повидимому, остался неисполненнымъ.

---

*) За Василіемъ Еварлаковымъ была сестра князя Меньшикова, Аграфена, мать графовъ Н. и П. Паниныхъ. П. Б.

II.

Первый Нѣмецкій бракъ Русскаго престолонаслѣдника.

Во время пребыванія царевича за границей, въ слѣдующемъ 1711 году царь женилъ своего сына.

При всемъ своемъ стремленіи къ брачнымъ союзамъ съ заграничными владѣтельными домами, Петръ лично не воспользовался возможностью вступить въ бракъ съ иностранной принцессою послѣ того, какъ заперъ въ монастырь свою первую супругу. Зато онъ усердно старался родниться съ Нѣмцами посредствомъ членовъ своей фамиліи. Такъ, двухъ своихъ племянницъ выдалъ за Нѣмецкихъ герцоговъ, Анну Іоанновну за Курляндскаго (1710 г.) и Екатерину Іоанновну за Меклембургскаго (1716), а потомъ родную дочь Анну Петровну успѣлъ помолвить съ герцогомъ Голштинскимъ. Естественно, онъ рѣшилъ также поступить въ отношеніи къ своему единственному сыну и наслѣднику, и, когда Алексѣй Петровичъ сталъ приходить въ возрастъ, царь озаботился найти ему невѣсту въ Германіи. Эту деликатную миссію онъ, повидимому, возложилъ на того же барона Гизена, когда тотъ ѣздилъ по Нѣмецкимъ дворамъ съ разными вышеуказанными порученіями.

Въ 1707 году Гизенъ нашелъ искомую невѣсту при помощи барона Урбиха, Датскаго посла при Вѣнскомъ дворѣ, перешедшаго въ Русскую службу. То была принцесса Шарлотта, внучка герцога Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго Антона-Ульриха. Старшая ея сестра, красавица Елисавета, въ слѣдующемъ 1708 г., сдѣлалась женою Австрійскаго эрцгерцога Карла, въ то время претендента на Испанскій престолъ, но уже побѣжденнаго своимъ соперникомъ Филиппомъ Анжуйскимъ, внукомъ Людовика XIV. Петръ одобрилъ выборъ и вошелъ въ сношенія съ престарѣлымъ герцогомъ Вольфенбюттельскимъ; но за крайней юностью принцессы рѣшеніе вопроса было пока отложено. Наслѣдникъ Русскаго престола, не смотря на разницу въ культурѣ, представлялъ выгодную партію для *мелкихъ* Нѣмецкихъ дворовъ и, вѣроятно, не одинъ изъ нихъ желалъ брачнаго съ нимъ союза. Партія сдѣлалась еще болѣе выгодною послѣ того, какъ Полтавская побѣда высоко подняла Русскую державу во мнѣніи Западной Европы. Теперь выборъ невѣсты значительно облегчился. Но Вольфенбюттельская фамилія постаралась закрѣпить этотъ выборъ за своей принцессой. Въ ея пользу принялась дѣйствовать и Польская королевская чета, такъ какъ Шарлотта приходилась родственницей супругѣ Авгу-

ста II и воспитывалась при ея Дрезденскомъ дворѣ. Потому-то въ Дрезденъ и былъ направленъ царевичъ во время своего пребыванія за границей. Первая его встрѣча съ принцессой, въ присутствіи Польской королевы, произошла на пути изъ Дрездена въ Карлсбадъ, недалеко отъ послѣдняго, въ городкѣ Шлакенвертѣ, весною 1710 г. Алексѣю шелъ 22 годъ, а Шарлоттѣ 18-й. Женихъ представлялъ собою высокаго худощаваго молодого человѣка съ открытымъ, довольно красивымъ лицомъ. Невѣста также была высока и худощава и, хотя оспа значительно попортила ея лицо, однако, судя по портрету, она была недурной наружности. Взаимное впечатлѣніе молодыхъ людей, повидимому, было благопріятное, и если вѣрить ихъ письмамъ, его къ отцу, а ея къ матери, они понравились другъ другу. Однако, вопросъ объ ихъ бракѣ наладился невдругъ.

По Нѣмецкимъ свидѣтельствамъ, Алексѣй Петровичъ все время своего Дрезденскаго пребыванія велъ себя съ Нѣмцами вообще очень сдержанно, а въ особенности былъ застѣнчивъ съ женскимъ поломъ. Одно изъ этихъ свидѣтельствъ передаетъ слухъ (можетъ быть исходившій отъ служителей царевича), что въ Москвѣ онъ былъ влюбленъ въ сестру своего сверстника князя Трубецкого, который теперь находился въ его свитѣ. Но Петръ выдалъ ее замужъ и тѣмъ положилъ конецъ дальнѣйшему роману или намѣренію царевича жениться на подданной. Послѣ того молодой князь Трубецкой, если вѣрить означенному свидѣтельству, возненавидѣлъ Нѣмцевъ. А потому едва ли онъ усердно помогалъ своему товарищу, молодому гр. Головкину и другимъ членамъ свиты, которые изъ угожденія Петру старались расположить царевича къ браку съ принцессой Вольфенбюттельской. Но тотъ колебался, не принималъ участія въ начавшихся переговорахъ о брачныхъ условіяхъ и даже сердился, когда Нѣмецкія газеты извѣщали, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, о его предстоящемъ бракѣ съ принцессою. Ея родные и сторонники усердно слѣдили за нимъ; въ своихъ письмахъ они сообщали, что кромѣ наукъ онъ беретъ уроки танцевъ и любитъ посѣщать Французскій театръ, хотя по-французски будто бы не понимаетъ. Въ тоже время съ неудовольствіемъ повторяли слухъ, что Дрезденскій намѣстникъ короля Августа князь Фирстенбергъ осыпалъ царевича любезностями и приглашеніями въ надеждѣ склонить его выборъ на свою дочь. Жаловались и на другія интриги, напримѣръ, въ пользу брака съ одной изъ Австрійскихъ эрцгерцогинь или съ дочерью Якова Собѣсскаго. Говорили въ своихъ письмахъ также, что царевичъ, желая выиграть время, умышленно оказываетъ большое вниманіе дочери Фирстенберга и принцессѣ Вей-

сенфельской; что онъ проситъ у отца позволенія познакомиться и съ другими Европейскими принцессами, прежде чѣмъ сдѣлать окончательный выборъ, а между тѣмъ ищетъ предлога или случая уѣхать обратно въ Москву. Прибавляли, что по отношенію къ наслѣднику престола Русскіе вообще не желаютъ иностраннаго брака, благодаря которому иностранцы, пожалуй, будутъ господствовать въ Россіи, и будто бы сама супруга Русскаго посла въ Дрезденѣ графиня Матвѣева не вѣрила въ бракъ царевича съ Нѣмецкой принцессой.

Но всѣ подобные слухи и толки не имѣли серьезнаго значенія; ибо царевичъ во всей этой исторіи съ своей женитьбой игралъ жалкую, пассивную роль. Онъ могъ только колебаться и оттягивать окончательное рѣшеніе, но измѣнить его не могъ. Надъ нимъ тяготѣла деспотичная воля грознаго отца, идти противъ которой онъ не смѣлъ и подумать.

Въ Сентябрѣ того же 1710 года Алексѣй изъ Дрездена съ частью своей свиты пріѣхалъ въ Саксонскій городъ Торгау, въ замкѣ котораго тогда проживала Польская королева съ своимъ сыномъ, наслѣднымъ принцемъ, и съ принцессой Шарлоттой. Тутъ оба престолонаслѣдника очень подружились и болѣе недѣли забавлялись охотою. Обѣдалъ царевичъ и проводилъ вечеръ обыкновенно у королевы, при чемъ былъ любезенъ съ принцессою. По ея словамъ, въ сравненіи съ первой встрѣчей были замѣтны его успѣхи въ свѣтскомъ обращеніи. На сей разъ онъ воротился въ Дрезденъ, не сдѣлавъ никакихъ объясненій. Но спустя двѣ недѣли, онъ снова пріѣхалъ въ Торгау и тутъ уже формально просилъ у Польской королевы руки принцессы Шарлотты. Его предложеніе было принято съ явнымъ удовольствіемъ. Однако, вскорѣ онъ опять воротился въ Дрезденъ къ своимъ учебнымъ занятіямъ. Начался довольно частый письменный обмѣнъ любезностями съ его будущей родней и, конечно, на Нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ Алексѣй, очевидно, пользовался помощью своихъ учителей.

Въ тоже время царевичъ велъ дѣятельную переписку съ своими Московскими пріятелями (иногда при помощи тайнописи, т.-е. особо изобрѣтенной азбуки), главнымъ образомъ, съ духовникомъ своимъ Яковомъ Игнатьевымъ. Послѣдній, узнавъ о помоловкѣ духовнаго сына съ невѣстою Лютеранкою, естественно запросилъ его, нельзя ли побудить ее къ принятію православія. На это царевичъ не разъ отвѣчалъ, что принуждать онъ не можетъ; но что жена его, когда будетъ жить въ Россіи, то, видя красоту Русскаго обряда, прекрасныя иконы и церкви, великолѣпное облаченіе духовенства и божественное пѣніе

вмѣсто музыкальнаго органа, можетъ быть, сама обратится въ нашу вѣру.

Межъ тѣмъ все еще продолжались переговоры о брачныхъ условіяхъ. Только въ Апрѣлѣ слѣдующаго 1711 года, во время похода Петра противъ Турокъ, между нимъ и уполномоченнымъ герцога Шлейницемъ въ Галицкомъ мѣстечкѣ Яворовѣ были намѣчены условія о бракѣ Русскаго престолонаслѣдника Алексѣя Петровича съ внукою герцога Антона-Ульриха, дочерью его второго сына Людовика-Рудольфа и Христины Лунзы, Шарлоттою-Христиною-Софіею. Послѣдняя въ силу этихъ условій получила право остаться при своемъ Лютеранскомъ исповѣданіи и имѣть для себя и окружающихъ единовѣрныхъ особъ обоего пола особую каплицу. Вотъ какъ легко отнесся Петръ I къ иновѣрію супруги будущаго Русскаго государя, а слѣдовательно и къ неизбѣжному народному неудовольствію по сему поводу. Въ договорномъ проектѣ царевичъ прямо и ясно именованъ наслѣдникомъ Русскаго престола. Въ семъ договорѣ намѣчалось также денежное обезпеченіе принцессы отчасти со стороны ея дѣда, а главное, со стороны будущаго свекра; но точныя цифры пока не были опредѣлены.

Вслѣдъ затѣмъ Алексѣй, по повелѣнію отца, съ своею свитой отправился въ Вольфенбюттель и здѣсь, преимущественно въ загородномъ замкѣ Зальцталѣ, прожилъ въ семьѣ своей невѣсты все время отцовскаго Прутскаго похода. Когда ея родителямъ былъ предъявленъ брачный контрактъ, составленный въ Яворовѣ, то они обратили особое вниманіе на ежегодное содержаніе, предложенное царемъ для двора принцессы, именно 40.000 рублей. Царевичъ, исполняя отцовскія инструкціи, отстаивалъ сію цифру. Однако въ концѣ-концовъ согласился на 50.000 р., на что заранѣе былъ уполномоченъ. Точно такъ же родители настояли, чтобы ихъ дочь въ случаѣ преждевременной смерти ея мужа получала не меньшее содержаніе, равно останется ли она въ Москвѣ или выѣдетъ изъ предѣловъ Россійскаго государства. По окончаніи сего вопроса контрактъ былъ подписанъ и размѣненъ обѣими сторонами. О чемъ царевичъ извѣстилъ Петра письмомъ изъ Зальцталя отъ 23 Мая, которое начиналось обычнымъ его обращеніемъ „Милостивѣйшій Государь Батюшка“, а оканчивалось обычною подписью „Всепокорнѣйшій сынъ твой и слуга Алексѣй“. Отецъ же, повидимому, рѣдко и очень сухо отвѣчалъ на письма сына, ограничиваясь формальными извѣщеніями и приказаніями.

Стѣсненный съ этой стороны, царевичъ отводилъ душу въ дѣятельной перепискѣ со своими Московскими знакомцами, въ особен-

ности съ духовникомъ Игнатьевымъ, при чемъ обнаруживаетъ большой интересъ къ ихъ дѣламъ и отношеніямъ, особенно къ перемѣнамъ и назначеніямъ въ церковномъ вѣдомствѣ, но очень скупъ на извѣстія о самомъ себѣ, о своей невѣстѣ и ея роднѣ. Имѣемъ только одно посланіе, гдѣ онъ распространился о празднованіи дня великомученика Евстафія: въ этотъ день, послѣ богослуженія и проповѣди, царевичъ и его свита учинили пиръ, на которомъ, по его выраженію, „не понѣмецки веселились, а по русски“, и здоровье своихъ Московскихъ сердечныхъ любителей подтверждали чарками и стаканами“, въ чемъ рядомъ съ „Алексѣемъ Грѣшнымъ“ подписался „іерей Іоаннъ Слонскій“. Этотъ священникъ незадолго былъ присланъ изъ Москвы въ Дрезденъ, вѣроятно, въ виду предстоящаго бракосочетанія. Изъ писемъ царевича къ духовнику видно, что онъ желалъ прибытія къ себѣ за границу самого Якова Игнатьева, но радъ былъ и Слонскому.

Въ отношеніи къ принцессѣ Шарлоттѣ въ это время Алексѣй, очевидно, былъ настолько внимателенъ и любезенъ, что въ придворныхъ кругахъ поговаривали, будто онъ искренно влюбленъ въ свою невѣсту и съ нетерпѣніемъ ждетъ дня своей свадьбы. Дѣйствительно, имѣется его письмо къ вице-канцлеру Шафирову съ просьбою ускорить этотъ день. Но причина тому могла быть иная: изъ его писемъ къ духовнику мы знаемъ, что оба они и всѣ Московскіе знакомцы мечтали о скорѣйшемъ возвращеніи царевича въ Москву.

Въ Августѣ 1711 года окончился неудачный Прутскій походъ. А въ Сентябрѣ Петръ былъ уже въ Дрезденѣ, откуда направился въ Карлсбадъ поправлять свое растроившееся здоровье. Онъ рѣшилъ не откладывать долѣе свадьбу сына, для чего хотѣлъ вызвать его съ невѣстой и ея родными туда же, въ Карлсбадъ; однако, вѣроятно по желанію Польской королевы, перемѣнилъ намѣреніе и назначилъ мѣстомъ свадьбы помянутый Саксонскій городъ Торгау. Сюда пріѣхалъ онъ 13 Октября, и на слѣдующій день въ королевскомъ замкѣ совершилось бракосочетаніе царевича со всевозможною пышностію въ присутствіи царя, стараго герцога, Польской королевы, родителей принцессы и многочисленныхъ придворныхъ особъ, Нѣмцевъ и Русскихъ. Канцлеръ графъ Головкинъ держалъ вѣнецъ невѣсты. Царь поздравилъ молодыхъ и расцѣловался съ ними. Послѣ свадебнаго пира и бывшихъ затѣмъ танцевъ онъ лично проводилъ новобрачную чету въ отведенные ей покои. А на слѣдующее утро завтракалъ у нея вмѣстѣ со своими министрами. Вообще свадьба принцессы была отпразднована съ обычными въ Германіи увеселеніями, иллюминаціями и поздравительными депутаціями. Не было недостатка и въ стихотворныхъ дивирамбахъ придворныхъ поэтовъ.

Царь послѣ того оставался почти недѣлю въ Торгау, и тутъ произошла его первая (устроенная герцогомъ Антономъ) встрѣча съ знаменитымъ Германскимъ ученымъ Лейбницемъ, съ которымъ онъ совѣтовался о способахъ просвѣтить Россію посредствомъ наукъ и искусствъ. Бракъ Русскаго наслѣдника съ Нѣмецкою принцессою и особенно сохраненіе за нею Лютеранскаго исповѣданія возбудили тогда въ Германіи надежды на распространеніе Евангелическаго ученія въ Россіи. Сему предмету было посвящено цѣлое засѣданіе королевской Берлинской Академіи Наукъ, уже въ слѣдующемъ Ноябрѣ мѣсяцѣ. Тутъ указывали на книжные интересы царевича; при его содѣйствіи разсчитывали завести въ Россіи Нѣмецкую типографію и книжную торговлю, а также сочинить подходящій къ цѣли Лютеранскій Катихизисъ и перевести его на Русскій языкъ. Однако нашлось возраженіе, отмѣтившее, что Русскіе очень интересуются мірскими науками, особенно историческими и математическими, но весьма щекотливы въ вопросахъ религіозныхъ. Одинъ изъ академиковъ замѣтилъ, что царевичъ Алексѣй даже болѣе преданъ наукамъ, чѣмъ самъ Петръ; а другой простеръ свой скептицизмъ въ отношеніи къ царю, заподозривъ его въ намѣреніи не слишкомъ распространять въ народѣ книжность и ученость изъ опасенія безпокойствъ и мятежей. Въ заключеніе рѣшили обратиться къ отцу Шарлотты, герцогу Людвигу-Рудольфу, съ письменной просьбой помочь проектированной Нѣмецкой миссіи въ Москвѣ вліяніемъ на своего зятя-царевича. Но эта просьба, повидимому, не имѣла серьезныхъ послѣдствій. Помимо несочувствія ей со стороны преданнаго православію царевича, Берлинскіе академики, очевидно, не имѣли точныхъ свѣдѣній о его собственномъ жалкомъ положеніи при отцовскомъ дворѣ.

III.

Жена и мачиха.

Въ эту эпоху на судьбу царевича все болѣе и болѣе стала вліять его мачиха Екатерина Алексѣевна.

Несмотря на обиліе разнаго рода извѣстій и указаній, сопровождавшихъ ея выступленіе на историческую сцену (а отчасти вслѣдствіе именно этого обилія и разнорѣчія), до сихъ поръ не вполнѣ выяснились происхожденіе и первые шаги Екатерины на Русской почвѣ. Рожденная гдѣ-то въ Лифляндіи отъ крѣпостной матери, принадлежавшей къ крестьянской семьѣ Скавронскихъ, повидимому, природныхъ Литвиновъ или Латышей, Марта еще въ дѣтствѣ попала въ домъ

Маріенбургскаго пастора Глюка, и потомъ исполняла роль служанки при его дѣтяхъ. Пасторъ, бывшій самъ ученымъ языковѣдомъ, воспиталъ ее въ правилахъ Лютеранской церкви, но грамотѣ не научилъ. Достигши 17-лѣтняго возраста, Марта, съ согласія Глюка, была помолвлена, а пожалуй, и успѣла обвѣнчаться съ однимъ Шведскимъ драгуномъ, служившимъ въ мѣстномъ гарнизонѣ. Въ это время къ Маріенбургу подошли Русскія войска и осадили его, подъ начальствомъ фельдмаршала Б. П. Шереметева. Когда послѣдній потребовалъ сдачи города, грозя жестокими карами въ противномъ случаѣ, храбрый комендантъ, въ виду незначительности и крѣпости гарнизона, рѣшилъ лучше взорваться, чѣмъ сдаться. Онъ тайкомъ сообщилъ о своемъ намѣреніи пастору Глюку, совѣтуя ему поскорѣе покинуть городъ вмѣстѣ съ своими прихожанами. Послѣдній такъ и сдѣлалъ: отправился съ семьей и мирными жителями въ Русскій лагерь, держа въ рукахъ Славянскую библію и полагаясь на милость побѣдителей. А отчаянный комендантъ поджогъ пороховой складъ и вмѣстѣ съ гарнизономъ взлетѣлъ на воздухъ (1702 г.). Шереметевъ обласкалъ пастора и отправилъ его съ семьей въ Москву, но приглянувшуюся ему Марту оставилъ у себя. Своимъ веселымъ нравомъ, проворствомъ и услужливостью она завоевала общія симпатіи въ Русскомъ лагерѣ. Молодую плѣнницу увидалъ прибывшій въ лагерь царскій любимецъ Меньшиковъ и заставилъ Шереметева ее уступить. Марта недолго оставалась и во домѣ Меньшикова, гдѣ она водворила лучшій порядокъ и уютность. Тутъ она обратила на себя благосклонное вниманіе самого царя, который взялъ ее во дворецъ (1703), а потомъ помѣстилъ въ число придворныхъ дѣвицъ своей сестры царевны Натальи. Въ тоже время она была перекрещена въ православную вѣру и получила имя Екатерины, по отчеству Алексѣевны. Любопытно, что сіе отчество произошло отъ имени юнаго царевича Алексѣя, который былъ записанъ ея крестнымъ отцомъ. Вмѣстѣ съ Екатериной въ Преображенскомъ, при дворѣ царевны Натальи, угождавшей брату, находились и другія фаворитки Петра, а именно: двѣ сестры Александра Меньшикова, Марья и Анна, двѣ сестры Арсеньевы, Дарья и Варвара, и Анисья Кириловна Толстая. Сохранились нѣкоторыя ихъ коллективныя письма къ царю; напримѣръ, поздравленіе „дорогого капитана“ со взятіемъ Митавскаго замка въ Октябрѣ 1705 года. Тутъ подписалось пять подругъ, въ ихъ числѣ и „Катерина сама-третья“; а въ концѣ письма прибавлено: „Петръ и Павелъ, благословенія твоего прося, челомъ бьютъ“. Оказывается, что въ 1705 году у Екатерины были отъ Петра уже двое сыновей-малютокъ (они жили недолго). Около того времени Петръ покончилъ съ Анною Монсъ, когда Меньшиковъ пред-

ставилъ ему доказательства, что она влюбилась въ Прусскаго посланника Кейзерлинга, который поэтому предложилъ ей свою руку и сердце. Петръ соизволилъ на этотъ бракъ, но приказалъ отобрать подаренныя ей помѣстья и его портретъ, осыпанный брилліантами.

Екатерина Алексѣевна постепенно взяла верхъ надъ своими вышеназванными подругами въ царскомъ расположеніи, которое все болѣе и болѣе обращалось въ глубокую сердечную привязанность. Послѣ Анны Монсъ, наиболѣе опасной ея соперницей среди этихъ подругъ являлась одна изъ сестеръ Арсеньевыхъ, именно Дарья Михайловна... Но въ 1706 году Меньшиковъ, непосредственный участникъ царскихъ развлеченій въ этомъ женскомъ обществѣ, вступилъ въ бракъ съ Дарьей Арсеньевой, конечно исполняя царскую волю. Съ выходомъ замужъ Монсъ и Дарьи значеніе Екатерины возросло и упрочилось. Постепенно она становится не только сожительницей Петра, но и его спутницей въ походахъ и путешествіяхъ. Естественно, что царевичъ Алексѣй при своихъ натянутыхъ отношеніяхъ съ отцомъ началъ прибѣгать къ покровительству и заступничеству своей крестной дочери. О томъ свидѣтельствуютъ нѣсколько сохранившихся его къ ней писемъ изъ эпохи 1708—1711 гг. Екатерина, повидимому, нерѣдко оказывала ему услуги въ этомъ отношеніи.

Въ Февралѣ 1711 года Петръ рѣшилъ закрѣпить свою сердечную привязанность церковнымъ бракомъ *). Но только весною, незадолго до Прутскаго похода, онъ всенародно объявилъ ее своей законной супругой. Короткимъ письмомъ изъ Брауншвейга, отъ 7 Мая сего года, царевичъ (тогда еще женихъ принцессы Шарлотты) поздравляетъ Екатерину съ такимъ радостнымъ событіемъ и проситъ держать его „въ прежней милости“. Съ явнымъ оттѣнкомъ грусти онъ прибавляетъ, что государя-батюшку поздравить не смѣетъ, ибо письменнаго увѣдомленія отъ него не имѣетъ, а только знаетъ о событіи по слуху. Вскорѣ потомъ въ письмахъ своихъ, вмѣсто обычнаго „мадамъ“, онъ уже именуетъ мачиху „Милостивая моя государыня матушка“. Изъ Прутскаго похода Екатерина возвратилась, пріобрѣвъ славу спасительницы царя и арміи отъ величайшей опасности. Извѣстные разсказы о ея находчивости и подкупѣ великаго визиря своими драгоцѣнностями имѣютъ легендарный характеръ; но достовѣрно то, что въ критическую минуту она поддержала духъ и энергію своего царственнаго супруга, за что онъ потомъ выражалъ ей особую благодарность.

*) Покойный И. М. Снегиревъ показывалъ мнѣ гравюру (въ малую четверть листа) съ изображеніемъ этого бракосочетанія. По бокамъ родителей стоятъ двѣ дѣвочки, и на каждой вѣнецъ. П. Б.

Наружно Екатерина относилась благосклонно къ браку царевича съ иностранной принцессой, и онъ попрежнему посылаетъ ей кроткія о себѣ извѣстія, точнѣе донесенія. Но въ ея отношеніяхъ къ Алексѣю и его супругѣ теперь явно сквозитъ какая-то холодность или натянутость. Екатерина уже подарила Петру пятерыхъ или шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ къ данному времени оставались въ живыхъ только Анна и Елисавета. Но царица естественно не теряла надежды имѣть еще и сына. Въ качествѣ уже законной и притомъ страстно любимой супруги, она могла мечтать о томъ, чтобы на него перенести право престолонаслѣдія, лишивъ этого права нелюбимаго Петромъ Алексѣя. Такою затаенною мечтою объясняется многое въ дальнѣйшей судьбѣ ея пасынка.

Еще не исполнился медовый мѣсяцъ новобрачныхъ, еще не успѣли они освоиться и привыкнуть другъ къ другу, какъ царевичъ получилъ отцовскій приказъ ѣхать въ Польскій городъ Торунь и заниматься тамъ изготовленіемъ провіанта для Русской арміи, двигавшейся къ Штетину; ибо одинъ изъ главныхъ театровъ войны со Шведами Петръ перенесъ въ Померанію, гдѣ дѣйствовалъ совокупно со своими союзниками. Недѣль черезъ пять Шарлотта пріѣхала къ мужу въ Торунь. Тутъ пришлось имъ побыть вмѣстѣ около четырехъ мѣсяцевъ, при чемъ они терпѣли нужду въ деньгахъ, такъ какъ жили на свой счетъ; а суммы, назначенныя царемъ на содержаніе принцессы и ея двора, не только были недостаточны, но и получались очень туго. Шарлотта со слезами жаловалась на то Меньшикову, который привезъ царевичу приказъ Петра ѣхать въ Померанію и состоять въ Русскомъ войскѣ, осаждавшемъ Штетинъ подъ начальствомъ свѣтлѣйшаго. Меньшиковъ далъ принцессѣ взаймы 5000 рублей, и она, разставшись съ мужемъ, поселилась въ городкѣ Эльбингѣ.

Царь и царица, остановясь проѣздомъ въ этомъ городкѣ, обласкали Шарлотту, о чемъ она радостно сообщаетъ въ своихъ письмахъ къ роднымъ. Если вѣрить симъ письмамъ, Екатерина даже отнеслась къ ней съ материнской нѣжностію и передала ей замѣчаніе своего царственнаго супруга о томъ, что Алексѣй не стоитъ такой хорошей жены. Но изъ сего лестнаго для нея отзыва принцесса съ грустью заключила, что царь не любитъ царевича и просила царицу быть его заступницей передъ отцомъ. Та обѣщала. Вообще изъ переписки съ родными видно, что принцесса доселѣ была довольна отношеніемъ къ ней мужа и считала себя счастливой. Но изъ того же источника мы узнаёмъ, что уже во время пребыванія молодой четы въ Торуни начались и семейныя размолвки. Поводомъ къ нимъ послужило случав-

шееся иногда участіе Алексѣя въ ночныхъ попойкахъ, послѣ которыхъ онъ возвращался домой только въ 3—4 часа утра, чѣмъ немало слезъ причинялъ своей женѣ.

Во время стоянки передъ Штетиномъ, въ Русскомъ лагерѣ тоже нерѣдки были попойки, въ которыхъ участвовалъ Алексѣй Петровичъ, поощряемый къ тому своимъ злымъ геніемъ, т.-е. Меньшиковымъ. Шарлотта, со словъ князя Голицына, описываетъ роднымъ одно крупное столкновеніе, при которомъ Алексѣй горячо защищалъ свою жену отъ нападокъ Меньшикова. Послѣдній устроилъ у себя пиръ для Алексѣя и высшихъ офицеровъ своего отряда. Тутъ свѣтлѣйшій позволилъ себѣ неблагопріятные отзывы о нѣкоторыхъ лицахъ, состоявшихъ при супругѣ царевича и нехорошо на нее вліявшихъ. Послѣдній возразилъ, что не боится никакого дурного вліянія, ибо жена его владѣетъ твердымъ характеромъ. А Меньшиковъ на это замѣтилъ, что она тщеславна. Царевичъ вспыхнулъ и потребовалъ не забывать разстоянія, ихъ раздѣлявшаго. Свѣтлѣйшій совѣтовалъ оставить рѣзкій тонъ и напомнилъ, что онъ его воспитатель. Алексѣй громко разсмѣялся и замѣтилъ, что теперь онъ уже не воспитанникъ и заботится самъ о себѣ. Въ дальнѣйшемъ спорѣ Меньшиковъ назвалъ принцессу надменной Нѣмкой, напыщенной своимъ родствомъ съ императоромъ, и сталъ увѣрять царевича, что жена его совсѣмъ не любитъ. Тотъ съ жаромъ началъ доказывать, что напротивъ она его очень любитъ и что онъ никому не позволитъ порицать его жену. Затѣмъ онъ пригласилъ присутствующихъ офицеровъ выпить за здоровье престолонаслѣдницы, что̀ они охотно исполнили. А князь Меньшиковъ замолчалъ и всталъ изъ-за стола съ сердитымъ лицомъ. Но пріятели князя говорили потомъ, будто бы онъ затѣялъ этотъ споръ съ добрымъ намѣреніемъ: чтобы обнаружилась любовь царевича къ своей супругѣ. Довольная симъ случаемъ, принцесса и эту версію передаетъ роднымъ съ удовольствіемъ и готова ей вѣрить.

Въ данную эпоху, т.-е. въ 1712 году, письма принцессы къ роднымъ исполнены нѣжности въ отношеніи супруга. Она сообщаетъ, что Петръ требуетъ отъ Алексѣя не уклоняться ни отъ какихъ военныхъ опасностей, и что она трепещетъ за его жизнь, въ виду предполагавшейся высадки Русскихъ на островъ Рюгенъ и возможной жестокой битвы со Шведскимъ флотомъ. Но уже въ концѣ года видимъ другое настроеніе. 26-го Ноября она пишетъ, что положеніе ея ужасно, что мужъ совсѣмъ не любитъ ея, что Екатерина ее ненавидитъ и старается вредить ей, что въ глазахъ Русскихъ всѣ Лютеране уподобляются чертямъ. Доходя до отчаянія, принцесса самовольно уѣзжаетъ изъ

Эльбинга къ роднымъ въ Вольфенбюттель. Поэтому, когда въ слѣдующемъ Декабрѣ мѣсяцѣ царевичъ, по волѣ царя, вмѣстѣ съ царицей-мачихой отправился въ Петербургъ и заѣхалъ въ Эльбингъ, онъ уже не засталъ тамъ Шарлотту.

Отсутствіе царевича изъ Россіи и пребываніе его за границей продолжались почти три года и естественно породили немалые толки и опасенія среди Русскихъ людей, несочувственно относившихся къ безпощадной реформаторской дѣятельности его отца и къ безконечной его войнѣ со Шведами. Ихъ настроеніе отразилось между прочимъ въ проповѣди или „казаньѣ“ блюстителя патріаршаго престола Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, которое онъ произнесъ великимъ постомъ 1712 г. въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ послѣ литургіи. Тутъ онъ громилъ нехраненіе заповѣдей Господнихъ, за что Богъ не даетъ Россіи вожделѣннаго мира и посѣщаетъ ее разными бѣдствіями; говорилъ противъ клеветниковъ-назирателей (фискаловъ), поставленныхъ выше судей, а въ заключеніе обратился съ молитвою къ св. Алексѣю, чтобы онъ направилъ и защитилъ своего „тезоименника, нашу едину надежду“ отъ всякаго зла и помогъ бы ему, скитающемуся по чужимъ домамъ, вскорѣ и благополучно воротиться на родину. Нѣкоторые сенаторы, присутствовавшіе на семъ казаньѣ, на другой день, пришедъ къ Стефану, начали укорять его, будто онъ возмущаетъ народъ, дерзословно касается царской чести, и грозили донести о томъ царю. Митрополитъ послалъ Петру свое казанье вмѣстѣ съ оправданіемъ, въ которомъ увѣрялъ, что не имѣлъ какого-либо зла и въ помышленіи, и просилъ разрѣшенія постричься въ Донскомъ монастырѣ. Петръ сдѣлалъ нѣкоторыя помѣтки на проповѣди, но не придалъ ей большого значенія и не рѣшился подвергнуть какому-либо наказанію почтеннаго архипастыря.

Послѣ своего долгаго заграничнаго пребыванія и ученія царевичъ воротился на родину человѣкомъ несомнѣнно до нѣкоторой степени европейски образованнымъ. Но его пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, вообще привычки, чувства, убѣжденія остались прежнія. А главнымъ преобладающимъ чувствомъ былъ все тотъ же рабскій страхъ и трепетъ передъ грознымъ отцомъ, которые заставляли лгать и изворачиваться для того, чтобы не подвергнуться его гнѣву и побоямъ. Петръ довольно милостиво встрѣтилъ сына, воротившагося изъ чужихъ краевъ, и между прочимъ велѣлъ показать какіе-то учебные чертежи. Сынъ, опасаясь, что отецъ заставитъ его чертить при себѣ и тѣмъ обнаружитъ его неумѣніе, зарядилъ пистолетъ и лѣвой рукой выстрѣлилъ въ правую ладонь. Пулька пролетѣла мимо, и только по-

рохомъ сильно опалило руку. Отецъ увидалъ опаленное мѣсто и спрашивалъ о причинѣ. Сынъ что-то ему солгалъ. Случай весьма характерный для ихъ взаимныхъ отношеній.

Только въ Маѣ 1713 года кронпринцесса Шарлотта со своей Нѣмецкой свитой, предводимой барономъ Левенвольдомъ, прибыла въ Петербургъ, гдѣ ей устроена была торжественная встрѣча. На Красномъ Кабачкѣ встрѣтили ее сенаторы съ кн. Я. Ѳ. Долгорукимъ во главѣ. Черезъ Неву перевезли ее на другую сторону въ сопровожденіи нѣкоторыхъ вельможъ въ шлюпкѣ, разукрашенной краснымъ бархатомъ и золотымъ позументомъ. На правомъ берегу приняли ее другіе вельможи, тоже разодѣтые въ золото и бархатъ. Недалеко отъ дворца ожидала ее царица, окруженная придворными дамами. Принцесса хотѣла поцѣловать ее въ платье, но та не допустила и приняла въ свои объятія, послѣ чего провела въ приготовленное и роскошно убранное помѣщеніе. Но супруга своего она здѣсь не застала. Царь незадолго передъ тѣмъ, взявъ съ собою царевича, пошелъ съ флотомъ на Або, а кавалерію послалъ берегомъ. Хотя, мѣсяцъ спустя, Алексѣй вернулся изъ похода и свидѣлся съ женой, но вскорѣ былъ снова отправленъ отцомъ въ Ладогу и Старую Русу, чтобы надзирать за рубкой и сборомъ дубоваго лѣса для кораблестроенія. Нельзя не обратить вниманія на то, что Петръ, какъ бы побуждаемый какимъ-то злымъ геніемъ, не давалъ сыну подольше побыть съ женою и поболѣе съ нею свыкнуться.

Не ранѣе Августа воротился царевичъ въ Петербургъ и зажилъ съ женою въ особомъ дворцѣ, построенномъ для нихъ у Скорбященской церкви на лѣвомъ берегу Невы, по сосѣдству съ домами царевны Натальи Алексѣевны и царицы Марѳы Матвѣевны (вдовы царя Ѳедора Алексѣевича).

Первое время своего Петербургскаго сожительства съ мужемъ принцесса писала роднымъ, что онъ очень ее любитъ, а она отвѣчаетъ ему тѣмъ же и что онъ выходитъ изъ себя, когда ей причиняютъ хотя бы малѣйшую непріятность. А непріятности сдѣлались нерѣдки, во-первыхъ, со стороны его сосѣдки и тетки Натальи Алексѣевны, а во-вторыхъ, со стороны самой царицы Екатерины. Послѣдняя съ неудовольствіемъ узнала о беременности принцессы; при своихъ частыхъ родахъ, она страшилась за своихъ дѣтей, когда ихъ участь впослѣдствіи окажется въ рукахъ Алексѣя и его супруги, которыхъ теперь держали почти-что въ черномъ тѣлѣ. Такъ, скромныя суммы, ассигнованныя на ихъ содержаніе, задерживались или выда-

вались не сполна; а потому они терпѣли постоянную нужду въ деньгахъ. Царевичъ имѣлъ въ своемъ личномъ владѣніи нѣкоторое количество селъ, деревень и земельныхъ угодій, самъ занимался хозяйствомъ и требовалъ точныхъ отчетовъ отъ управителей своихъ имѣній; однако доходовъ съ нихъ не хватало на покрытіе расходовъ. Выходя замужъ, Шарлотта, съ согласія Алексѣя, отказалась въ пользу матери отъ части своего скромнаго приданаго (простиравшаго только до 20.000 талеровъ). Но теперь, когда она напоминала ему объ этомъ согласіи, онъ не хотѣлъ о немъ помнить. На почвѣ сихъ матеріальныхъ расчетовъ между супругами возникли неизбѣжныя пререканія. А между тѣмъ немалыя средства требовались на содержаніе ихъ двора. При Алексѣѣ попрежнему состояли его бывшіе воспитатели баронъ Гизенъ и Никифоръ Вяземскій, а затѣмъ порядочное количество камердинеровъ и служителей, каковы: Богдановъ, Аѳанасьевъ, Эверлаковъ, Носовъ и др. Гораздо пышнѣе и многочисленнѣе былъ придворный штатъ его супруги Шарлотты, и притомъ штатъ чисто Нѣмецкій, устроенный по Германскимъ образцамъ. Во главѣ дамскаго отдѣленія находились принцесса Остъ-Фрисландская и гофмейстрина де-Сантилеръ; а во главѣ мужского камергеръ Биберштейнъ; къ тому же штату причислялся пользовавшійся наибольшимъ довѣріемъ принцессы гофмейстеръ баронъ Левенвольдъ; далѣе слѣдовали нѣсколько камеръюнкеровъ, два Нѣмецкихъ врача, секретарь Кильверъ и Лютеранскій пасторъ Миллеръ.

Само собою разумѣется, Нѣмецкій и Лютеранскій характеръ престолонаслѣдницы и ея придворнаго штата отнюдь не были пріятны Русскому народу, и прежде всего самому Алексѣю Петровичу. Отношенія между супругами становились все холоднѣе, взаимные упреки и ссоры все чаще. Шарлотта жаловалась на терпимыя ею огорченія (повидимому, въ особенности отъ Натальи Алексѣевны, Екатерины и Меньшикова) и требовала, чтобы мужъ шелъ къ своей теткѣ Натальѣ для объясненій. Тотъ отказывался. А когда она упрекала его тѣмъ, что въ Германіи ни одинъ сапожникъ и портной никому не позволятъ дурно обращаться съ его женою, и напоминала ему данныя обѣщанія и клятвы, царевичъ отрицался отъ нихъ; говорилъ, что она находится теперь въ Россіи, и если недовольна тѣмъ, что̀ имѣетъ, то пусть убирается назадъ въ свою Германію. Принцесса въ это время писала матери, что болѣе не можетъ скрывать истинный характеръ своего мужа и что она очень несчастна.

Взаимныя отношенія еще болѣе обострялись усилившейся привычкою царевича къ вину, вслѣдствіе чего происходили крайне пе-

чальныя сцены. Такъ, однажды онъ воротился изъ гостей совсѣмъ пьяный и отправился на половину жены. Отъ нея вскорѣ пришелъ къ себѣ въ спальню и гнѣвно сталъ говорить своему камердинеру Ивану Большому-Аѳанасьеву: „Вотъ Гаврила Ивановичъ (Головкинъ) съ дѣтьми своими жену мнѣ на шею чертовку навязали; какъ къ ней ни приду, все сердитуетъ и не хочетъ со мною говорить; развѣ умру, то ему не отплачу; а сыну его Александру и Трубецкому быть на колѣ: они къ батюшкѣ писали, чтобы на ней жениться“. Слуга замѣтилъ, что худо, если узнаютъ о такихъ его неосторожныхъ словахъ, и не только они, пожалуй, и другіе перестанутъ къ нему ѣздить.

„Плюну на нихъ, молвилъ на это царевичъ, мнѣ бы здорова была чернь. Когда будетъ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а тѣ прихожанамъ“ и т. д. Слуга смутился, слыша такія опасныя рѣчи, и молчалъ. Царевичъ посмотрѣлъ на него и пошелъ молиться въ крестовую или образную комнату. А по утру, призвавъ Аѳанасьева, спрашивалъ о себѣ, не говорилъ ли вчера напрасныхъ словъ; узнавъ, что говорилъ, тужилъ о томъ и просилъ слугу никому этихъ словъ не передавать.

Привычка къ неумѣренному винопитію крайне вредно отзывалась на его здоровьѣ. Алексѣй сталъ очень хворать, и у него заподозрили чахотку. Врачи посовѣтовали ему ѣхать на воды въ Карлсбадъ. Царь далъ свое согласіе. Отчужденіе супруговъ было уже такъ велико, что царевичъ (если вѣрить иностранному извѣстію) до послѣдняго дня таилъ отъ жены свой близкій отъѣздъ и будто бы объявилъ о немъ только тогда, когда былъ уже поданъ дорожный экипажъ. А затѣмъ во время своего полугодового отсутствія ни разу не писалъ своей супругѣ и не отвѣчалъ на ея письма. Пользуясь водами, онъ однако не терялъ времени даромъ, а пристально читалъ творенія Баронія и дѣлалъ изъ него выписки тѣхъ мѣстъ, которыя казались ему любопытны, въ особенности тѣхъ, которыя имѣли хотя бы неблизкое отношеніе къ его современности. Напримѣръ: „Во Франціи носили долгое платье, а короткое Карлусъ Великій заказывалъ *), и похвала долгому, а короткому сопротивное“. „Іустиніанъ будто писалъ къ женѣ, что онъ—глава всѣмъ (не весьма правда); а хотя бы и писалъ, то намъ его письмо не подтвержденіе“. „Хильперикъ Французскій король убитъ для отъему отъ церквей имѣнія“ и т. п.

*) Т.-е. запрещалъ. П. Б.

IV.

Дѣти, потеря жены и близость развязки.

Продолжительное отсутствіе царевича и Нѣмецкое окруженіе его супруги породили при дворѣ какіе-то неблагопріятные толки насчетъ ея беременности. Подъ вліяніемъ сихъ толковъ Петръ распорядился быть безотлучно при Шарлоттѣ до ея разрѣшенія отъ бремени тремъ Русскимъ боярынямъ: женѣ канцлера графа Головкина, женѣ генерала Брюса и Ржевской, которую царь прозвалъ „князь-игуменьей“. Въ письмѣ къ кронпринцессѣ царь объяснялъ эту мѣру предупрежденіемъ кривыхъ толковъ или „необузданныхъ языковъ“, которые, повидимому, намекали на какую-то фальшь, возможную въ предстоящихъ родахъ. Шарлотта въ письмахъ къ Петру и Екатеринѣ высказала большое огорченіе по поводу такого къ ней недовѣрія и просила только оставить при ней повивальную бабку, привезенную изъ Германіи.

12 Іюля она произвела на свѣтъ дочь, которой дала имя Наталіи, очевидно, въ честь царевны Натальи Алексѣевны, которую просила быть крестной матерью новорожденной. Судя по ласковому письму, которымъ Петръ поздравилъ свою невѣстку съ благополучнымъ разрѣшеніемъ, можно догадываться, что онъ и Екатерина были довольны именно рожденіемъ внучки, а не внука. А потому, ободренная симъ письмомъ кронпринцесса едва ли доставила имъ удовольствіе тѣмъ, что въ своемъ отвѣтѣ шутя выразила надежду подарить царю также и внука, т.-е. будущаго престолонаслѣдника.

Въ Декабрѣ 1714 года Алексѣй воротился въ Петербургъ. Первые дни по пріѣздѣ онъ былъ ласковъ съ принцессою. Но эти дни скоро миновали; царевичъ постепенно воротился къ своему обычному образу жизни, и его все рѣже видали подлѣ жены. Къ вящему ея отчаянію въ это время онъ полюбилъ молодую Чухонку, бывшую крѣпостной дѣвушкой его учителя Никифора Вяземскаго, по имени Евфросинью Ѳедорову, которую взялъ къ себѣ и съ которой не разставался. (Судя по тому, что братъ ея Иванъ Ѳедоровъ, крѣпостной Вяземскаго, отпущенный на волю, называется въ одномъ документѣ „полоннымъ“ человѣкомъ, Евфросинья могла быть, подобно Екатеринѣ, полонянкою изъ Лифляндіи). Теперь онъ такъ мало заботился о своей женѣ и своемъ домѣ, что, между прочимъ, не обращалъ вниманіе на ея просьбы исправить ея спальню, въ которую протекалъ дождь. А когда царь сдѣлалъ по сему поводу рѣзкій выговоръ, онъ упрекалъ жену въ попыткѣ подвести его подъ отцовскій гнѣвъ.

Между тѣмъ поправившееся за границей здоровье царевича стало вновь разстраиваться отъ злоупотребленія крѣпкими напитками. По обыкновенію строго соблюдая великій постъ въ отношеніи пищи, онъ въ тоже время ежедневно и неумѣренно пилъ водку.

При подобныхъ условіяхъ онъ дошелъ до такого состоянія, что однажды (въ Апрѣлѣ 1715 года) въ церкви лишился чувствъ и такъ сильно заболѣлъ, что его не рѣшились везти домой черезъ Неву, а на ночь положили въ домѣ одного иностранца. На слѣдующій день онъ все еще былъ очень слабъ; кронпринцесса явилась къ больному мужу и два дня ухаживала за нимъ, пока его можно было переправить домой. Въ это время она была уже вторично беременна. Судя по письмамъ къ роднымъ, одно только утѣшало Шарлотту въ ея горестяхъ, что мужъ очень любилъ и ласкалъ малютку Наташу. Онъ уносилъ ее къ себѣ въ комнату, укачивалъ на своихъ рукахъ и всѣхъ спрашивалъ, видали ль гдѣ ребенка красивѣе его дочери.

Вторая беременность кронпринцессы не обошлась безъ несчастнаго случая. Однажды, всходя на лѣстницу, она упала и ушибла себѣ лѣвую сторону, послѣ чего чувствовала постоянную боль, особенно въ лѣвомъ боку, несмотря на мѣры, принятыя врачами. 12 Октября она благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который въ честь дѣда былъ названъ Петромъ. Дѣдъ вмѣстѣ со своей любимой сестрой Натальей былъ его воспріемникомъ отъ купели. Первые дни родильница чувствовала себя недурно и сама начала кормить новорожденнаго. Но затѣмъ состояніе ея ухудшилось, а на девятый день было уже такъ плохо, что созвали консиліумъ, на который царь прислалъ своихъ лейбъ-медиковъ Арескина, Блументроста, Поликала и другихъ, вмѣстѣ съ княземъ Меньшиковымъ. Самъ онъ былъ тогда очень нездоровъ и не выходилъ изъ комнаты. Екатерина также не могла прибыть, ибо сама ожидала разрѣшенія отъ бремени. Консиліумъ нашелъ родильницу въ безнадежномъ положеніи. Слѣдующимъ утромъ, 21 Октября, Шарлотта, сознавая это положеніе, призвала свое довѣренное лицо барона Левенвольда и сдѣлала послѣднія распоряженія. Главное ея желаніе состояло въ томъ, чтобы воспитаніе ея дѣтей было поручено ея другу принцессѣ Остъ-Фрисландской, если на сіе будетъ соизволеніе государя; въ противномъ случаѣ просила Левенвольда лично отвезти принцессу на родину. Въ заключеніе просила передать ихъ величествамъ свою благодарность за всѣ ихъ благодѣянія. Въ тотъ же день Петръ, по просьбѣ умирающей, посѣтилъ ее, несмотря на свое нездоровье; она была еще настолько въ памяти, что поручала его отеческому попеченію своихъ дѣтей и его милостивому вниманію своихъ

служащихъ. Ночью на 22 Октября 1715 года она скончалась. По словамъ Австрійскаго резидента (Плейера) Алексѣй не отходилъ отъ постели умирающей; а когда она скончалась, нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ. Потомъ взялъ на руки обоихъ дѣтей и унесъ ихъ къ себѣ въ комнату.

Въ шестой день по кончинѣ совершились торжественныя похороны въ Петропавловскомъ соборѣ. Царь вмѣстѣ съ царевичемъ между рядами гвардіи шелъ за гробомъ, который подъ балдахиномъ несли офицеры. Въ процессіи участвовали царевна Наталья Алексѣевна, царица Прасковья Ѳедоровна (вдова Іоанна V) со своею свитою и принцесса Остъ-Фрисландская.

Такъ печально окончилось четырехлѣтнее супружество двухъ существъ, совершенно несозданныхъ другъ для друга, но связанныхъ неразрывными узами по волѣ и династическимъ расчетамъ Русскаго царя-реформатора. Помимо сихъ расчетовъ, онъ надѣялся, что Нѣмецкая принцесса окажетъ культурное вліяніе на его сына, смягчитъ его грубыя привычки и облагородитъ его строптивый нравъ. Тщетная надежда. Да едва ли благовоспитанная, но сантиментальная и слишкомъ чуждая по своимъ національнымъ интересамъ, религіи и міровоззрѣнію, Нѣмка могла оказать замѣтное и благотворное вліяніе на своего Русскаго супруга вообще, а тѣмъ менѣе въ случайные мѣсяцы, когда они жили вмѣстѣ; ибо самъ отецъ сумѣлъ такъ распорядиться своимъ сыномъ, что послѣдній изъ четырехъ лѣтъ супружества не болѣе половины сего времени провелъ подлѣ жены.

Напрасно Шарлотта въ первые дни послѣ родовъ утѣшалась тѣмъ, что она дала Русскому государству будущаго наслѣдника престола и такимъ образомъ упрочила династію. Петръ, а тѣмъ естественнѣе Екатерина, не обнаружили никакой особой радости по поводу сего престолонаслѣдника. У нихъ въ то время были иные, свои собственные, расчеты, для осуществленія которыхъ кончина кронпринцессы только развязывала имъ руки. Да и сама эта кончина, можетъ-быть, находилась въ связи съ тѣмъ горькимъ разочарованіемъ, которое постигло кронпринцессу, когда она увидала, что новорожденный царевичъ встрѣтилъ сухой, неласковый пріемъ при царскомъ дворѣ и не принесъ съ собой никакого улучшенія въ отношеніяхъ Петра съ Алексѣемъ.

Екатерина и Меньшиковъ, втайнѣ работавшіе надъ обостреніемъ сихъ отношеній, всякими наговорами и воздѣйствіями спѣшили воспользоваться благопріятнымъ для нихъ моментомъ въ смыслѣ устра-

ненія Алексѣя отъ престола. Подстрекаемый ими, великій человѣкъ снизошелъ до явнаго искаженія дѣйствительности и подписалъ своимъ именемъ длинное, многословное и казуистичное письмо, въ которомъ ему принадлежала развѣ только редакція, т.-е. внѣшняя отдѣлка.

Послѣ погребенія Шарлотты придворные чины воротились изъ Петропавловскаго собора въ домъ царевича для обычной поминальной трапезы. И тутъ внезапно, съ напускною торжественностью, въ присутствіи сановниковъ царь вручилъ Алексѣю письмо. Оно было помѣчено 11-мъ Октября, т.-е. кануномъ рожденія внука Петра Алексѣевича, слѣдовательно было написано якобы за 16 дней до его врученія; а послѣднее произошло какъ разъ наканунѣ рожденія сына самой Екатерины. Съ помощью столь явной натяжки царь получилъ возможность обращаться къ Алексѣю какъ бы къ своему единственному сыну.

Письмо озаглавлено: „Объявленіе сыну моему“.

Оно начинается указаніемъ на государственную необходимость войны со Шведами и на сопряженные съ нею наши успѣхи въ военномъ искусствѣ, которое должно составлять главную заботу правителя; а на него глядя и подначальные люди будутъ о томъ же заботиться. Но Алексѣй не показывалъ никакой охоты къ военному дѣлу. Напрасно онъ отговаривался слабостью своего здоровья. Богъ не лишилъ его разума, не совсѣмъ отнялъ и крѣпость тѣлесную. Но онъ исполненъ злого и упрямаго нрава, за который отецъ его не только бранивалъ, но и бивалъ, и сколько лѣтъ уже не говоритъ съ нимъ, и все напрасно: ему бы только сидѣть дома и ничего не дѣлать. А потому отецъ подождетъ еще немного, и, если сынъ не исправится, то лишитъ его наслѣдства, и пусть не думаетъ, что онъ у него одинъ сынъ. Если царь за отечество живота своего не жалѣлъ, то пожалѣетъ ли „непотребнаго“ сына? „Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный“.

Исправься, иначе лишу тебя престолонаслѣдія — вотъ смыслъ письма. Но въ чемъ и какъ исправиться? Въ небрежномъ воспитаніи царевича и въ его сиротствѣ болѣе всѣхъ виноватъ самъ Петръ; къ военному дѣлу его не пріучалъ какъ слѣдуетъ и въ походы бралъ съ собой рѣдко, а занималъ болѣе порученіями по части военнаго снаряженія и продовольствія, которыя сынъ исполнялъ по мѣрѣ силъ и разумѣнія. Никакою воинской частью онъ не командовалъ, и отецъ какъ бы умышленно отстранялъ его отъ такого командованія. Семейную жизнь устроилъ ему несогласную съ его чувствами и наклон-

ностями. Вредную привычку къ винопитію привилъ собственнымъ примѣромъ; а Меньшиковъ постарался ее развить; потому-то, вѣроятно, о семъ порокѣ письмо совершенно умалчиваетъ. Непомѣрною строгостью, побоями и явною холодностью оттолкнулъ его отъ себя, запугалъ и въ конецъ испортилъ его характеръ, сдѣлавшійся оттого скрытнымъ, лицемѣрнымъ, робкимъ и, пожалуй, недобрымъ. А будто бы отецъ уже нѣсколько лѣтъ съ нимъ не говорилъ, надо замѣнить словами: мало говорилъ; слѣдовательно совсѣмъ не старался своевременно его наставлять и руководить. Природа не обидѣла Алексѣя Петровича умомъ и способностями; при иныхъ условіяхъ юности изъ него могъ выдти достойный преемникъ своему геніальному отцу. Но именно этотъ отецъ и создалъ ему самыя несчастныя условія, а теперь какъ бы вошелъ въ заговоръ со своими приближенными людьми, чтобы окончательно погубить собственнаго сына.

На слѣдующій же день послѣ врученія письма Екатерина родила сына, которому дано было, такъ же какъ и сыну Алексѣя, имя Петра. Этотъ слѣдующій день тоже возбуждаетъ вопросъ, былъ ли объявленъ дѣйствительный моментъ рожденія? Или Петръ и Екатерина почему-либо надѣялись, что на сей разъ родится не дочь, а сынъ.

Какъ громомъ былъ пораженъ отцовскимъ письмомъ царевичъ; рожденіе брата смутило его еще болѣе. Онъ сталъ совѣтоваться со своими довѣренными лицами. Въ эту Петербургскую эпоху его жизни наиболѣе довѣреннымъ у него лицомъ былъ Александръ Кикинъ, незадолго попавшій въ опалу, но прощенный царемъ по ходатайству Екатерины и теперь состоявшій на службѣ при сестрѣ государя царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ. Другимъ благопріятелемъ Алексѣя является князь Василій Владимировичъ Долгорукій. Третьимъ близкимъ лицомъ—старый его учитель Никифоръ Вяземскій. Всѣ они болѣе или менѣе совѣтовали полное смиреніе предъ волею отца и письменное отреченіе отъ престолонаслѣдія.

„Давай писемъ хоть тысячу, говорилъ князь Долгорукій, вѣдь это не запись съ неустойкою, какъ мы (бояре) прежъ сего межъ себя давывали“. Алексѣй просилъ кн. Долгорукаго и графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина ходатайствовать передъ царемъ, чтобы тотъ дозволилъ ему спокойно проживать въ своихъ имѣніяхъ. Несчастный думалъ, что отцу нужно только его отреченіе отъ престолонаслѣдія. Въ этомъ смыслѣ онъ, спустя три дня послѣ погребенія жены, подалъ отцу челобитную, въ которой ссылался на свою „непотребность“ и слабость, умственную и тѣлесную, а потому отрекался отъ наслѣдія,

и тѣмъ болѣе, что у него, слава Богу, уже есть братъ. Дѣтей своихъ вручалъ въ царскую волю, а себѣ просилъ только пожизненнаго пропитанія. Близкій къ Петру князь Василій Владимировичъ Долгорукій увѣдомилъ Алексѣя, что имѣлъ разговоръ съ царемъ объ отвѣтномъ письмѣ и будто бы тотъ остался имъ доволенъ. Однако князь прибавилъ, что на сей разъ ему удалось спасти царевича: „Я тебя у отца съ плахи снялъ“, загадочно говорилъ Долгорукій.

Послѣ того нѣкоторое время царь какъ бы оставлялъ Алексѣя въ покоѣ. Очевидно онъ раздумывалъ, колебался и не принималъ еще окончательнаго рѣшенія. Въ Ноябрѣ, послѣ слишкомъ усерднаго служенія Бахусу на именинахъ адмирала Апраксина, Петръ такъ опасно заболѣлъ, что 2 Декабря причастился святыхъ таинъ. Министры и сенаторы не отлучались и ночевали во дворцѣ. Но Кикинъ дошелъ до такой подозрительности, что не вѣрилъ въ серьезную болѣзнь и внушалъ царевичу, будто отецъ притворяется, т.-е. преувеличиваетъ опасность. Разумѣется, такое притворство приписывалось намѣренію узнать, какъ будутъ вести себя сынъ и его приверженцы въ виду близкой кончины отца. Какъ бы то ни было, царь оправился и на Рождественскій праздникъ вышелъ въ церковь.

19 Января слѣдующаго 1716 года, Петръ вручилъ сыну второе еще болѣе грозное посланіе, озаглавленное „Послѣднее напоминаніе еще“. Тутъ онъ изъявляетъ неудовольствіе на неудовлетворительный отвѣтъ сына, который ссылается только на свою тѣлесную слабость, а молчитъ о своей неохотѣ. Клятвѣ его вѣрить нельзя; да если бы и захотѣлъ ее хранить, „то возмогутъ склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются“. Затѣмъ идутъ опять упреки, что сынъ не помогаетъ въ печаляхъ и трудахъ отцу, не жалѣющему для народа своего здоровья, и послѣ него, конечно, будетъ „разорителемъ“ его дѣлъ. Нельзя оставаться „ни рыбою, ни мясомъ“. Или пусть измѣнитъ свой нравъ и будетъ достойнымъ наслѣдникомъ, или да будетъ монахъ. Въ заключеніе царь требовалъ немедленнаго и рѣшительнаго отвѣта; въ противномъ случаѣ грозилъ поступить съ сыномъ, „какъ съ злодѣемъ“. Все тѣ же неуловимыя казуистическія требованія; но теперь, по крайней мѣрѣ, ясно высказывалось намѣреніе царя запереть сына въ монастырь и тѣмъ отрѣзать ему путь къ наслѣдію престола. Приверженцы Алексѣя и особенно Кикинъ внушали ему, что „вѣдь клобукъ не гвоздемъ прибитъ къ головѣ“ и что духовенство („большія бороды“, по выраженію Петра) можетъ впослѣдствіи разрѣшить его отъ монашескихъ обѣтовъ; только надо своевременно предупредить своего

духовника и старшаго архіерея, что постриженіе это невольное. Внушали, что монастырь даже представляетъ безопасное убѣжище, въ которомъ можно укрыться до поры до времени.

Алексѣй на другой же день отвѣтилъ короткой запиской, въ которой изъявилъ желаніе монашескаго чина и просилъ „о семъ милостиваго позволенія“. Краткость письма оправдывалъ своею болѣзнію. Покорность сына и готовность исполнить отцовскую волю ставили Петра въ нѣкоторое затрудненіе относительно вопроса, какъ поступить, и тѣмъ болѣе, что въ это время царь собрался во второе свое большое путешествіе за границу. Передъ отъѣздомъ онъ навѣстилъ Алексѣя, лежавшаго въ постели подъ предлогомъ болѣзни, и спрашивалъ объ его „резолюціи“. Царевичъ клялся, что желаетъ постричься. Но постриженіе, повидимому, не удовлетворяло ни царя, ни его подстрекателей, т.-е. Екатерину и Меньшикова. Онъ милостиво далъ сыну полугодовой срокъ, чтобы тотъ могъ еще подумать и затѣмъ написать о своемъ окончательномъ рѣшеніи.

Любопытно, что во всѣхъ этихъ переговорахъ отца съ сыномъ не было и помину о новорожденномъ внукѣ, какъ будущемъ возможномъ наслѣдникѣ Русскаго престола. Ясно было, что и сынъ и внукъ устранялись, чтобы перенести наслѣдіе на другого сына, только что рожденнаго отъ второго брака, т.-е. на Петра Петровича. Конечно, въ непосредственной связи съ симъ намѣреніемъ, 15-го Ноября 1715 года изданъ былъ царскій указъ, который всякому отцу предоставлялъ право назначать себѣ наслѣдникомъ любого изъ сыновей, не взирая на старшинство.

V.

Второе большое заграничное пребываніе Петра.

Это второе продолжительное пребываніе имѣло иной характеръ, чѣмъ первое, ибо происходило при другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. При первомъ путешествіи въ Западную Европу Петръ имѣлъ въ виду ознакомиться съ Европейской культурой вообще и самому на практикѣ изучить корабельное дѣло въ частности; политика лично для него стояла тогда на второмъ планѣ. Теперь наоборотъ: на первомъ планѣ имѣлись политическія задачи, вытекавшія изъ Великой Сѣверной войны, которая крайне затянулась и осложнилась. Кромѣ старыхъ своихъ союзниковъ, королей Польскаго и Датскаго, Русскій царь сумѣлъ привлечь къ борьбѣ съ Карломъ XII еще короля Прусскаго и герцога Ганноверскаго, занявшаго королевскій престолъ въ Англіи. Но, съ одной стороны, Швеція продолжала вести упорную

оборону и съ напряженіемъ всѣхъ силъ отстаивать свои владѣнія на восточномъ и южномъ побережьѣ Балтійскаго моря; а съ другой союзники, преслѣдуя каждый свои особые интересы, дѣйствовали вяло и недружно. Царь задумалъ побудить ихъ къ болѣе единодушному образу дѣйствія и перенести войну на берега самой Швеціи. Онъ явился къ своимъ союзникамъ въ ореолѣ, которымъ осѣнила его Полтавская побѣда, и въ эпоху полнаго развитія своего могущества. Но тамъ онъ скоро убѣдился, что именно это могущество и его притязанія на присвоеніе всѣхъ завоеванныхъ имъ отъ Швеціи областей возбудили нерасположеніе и подозрительность среди союзниковъ. Особенно непріятно для нихъ было его вооруженное вмѣшательство въ дѣла Сѣверной Германіи и пребываніе тамъ Русскихъ войскъ.

Это вмѣшательство нашло себѣ опору еще и въ новыхъ родственныхъ связяхъ. А именно Петръ устроилъ бракъ своей племянницы Екатерины Ивановны съ герцогомъ Меклембургскимъ Карломъ-Леопольдомъ, который развелся съ своей первой женой. Герцогъ терпѣлъ обиды отъ воюющихъ со Шведами союзниковъ, которые не уважали его нейтралитета и разоряли его страну всякими поборами, въ особенности когда предприняли осаду сосѣдняго города Висмара. Кромѣ того онъ находился въ ссорѣ со своимъ непокорнымъ дворянствомъ, которое искало себѣ поддержи у Германскаго императора и обращалось къ нему съ жалобами на своего герцога. Естественно поэтому, что Карлъ-Леопольдъ пожелалъ породниться съ Русскимъ государемъ въ надеждѣ найти себѣ могущественнаго заступника и покровителя.

Во второмъ большомъ путешествіи за границу Петра сопровождала его супруга Екатерина. 18-го Февраля они прибыли въ Данцигъ, округа котораго была занята Русскими войсками подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева. Первымъ распоряженіемъ царя явился штрафъ, наложенный на жителей за ихъ торговыя и другія сношенія со Шведами. Затѣмъ окончены были брачныя условія съ Меклембургскимъ герцогомъ; между прочимъ за Екатериной Ивановной герцогъ оставивъ свободное исповѣданіе Греческой вѣры, предоставлялъ Русскимъ войскамъ свободное передвиженіе по своимъ владѣніямъ, давалъ разныя льготы Русскимъ торговцамъ. Царь съ своей стороны обязался подавать герцогу военную помощь противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, а въ приданое племянницы обѣщалъ присоединить къ его владѣніямъ городъ Висмаръ, конечно, послѣ его взятія. 8-го Апрѣля совершилось торжественное бракосочетаніе въ томъ же Данцигѣ.

Неудовольствіе союзниковъ на дѣйствія царя, между тѣмъ, выразилось по слѣдующему поводу. Висмаръ сдался на капитуляцію Датскимъ, Прусскимъ и Ганноверскимъ войскамъ прежде, нежели Русское войско, предводимое княземъ Репнинымъ, успѣло принять близкое участіе въ осадѣ. А когда это войско прибыло, союзные генералы не впустили его въ городъ. Царь, озабоченный планомъ общей высадки на южные берега Швеціи, т.-е. въ Шонію, не захотѣлъ ссориться съ союзниками, и, напротивъ, постарался войти съ ними въ личное соглашеніе. Для того онъ устроилъ свиданіе съ Прусскимъ королемъ въ Штетинѣ, а съ Датскимъ въ Альтонѣ. Отъ Ганноверскаго курфирста Георга онъ дипломатическимъ путемъ добивался обѣщанія, чтобы тотъ въ качествѣ Англійскаго короля прислалъ на помощь Англійскую эскадру. Послѣ того Петръ отправился на воды въ Пирмонтъ для поправленія своего здоровья въ виду предстоявшей морской кампаніи. Прошедши на скоро курсъ лѣченія, въ Іюнѣ онъ уже былъ въ Ростокѣ, откуда повелъ свою галерную эскадру съ посаженною на ней Русской пѣхотой къ Копенгагену; а конница пошла сухимъ путемъ изъ Меклембурга.

Однако всѣ хлопоты Петра о высадкѣ въ Шонію не увѣнчались успѣхомъ по медлительности и нерасположенію союзниковъ. Одно время у береговъ Даніи соединились въ одинъ могучій флотъ четыре эскадры: Русская, Датская, Англійская и даже Голландская, чтобы проводить большой караванъ торговыхъ судовъ до извѣстнаго пункта, для охраны его отъ Шведскихъ пиратовъ. Въ силу своего высокаго положенія, Петръ сталъ во главѣ соединенныхъ эскадръ, поднявъ свой флагъ на кораблѣ *Ингерманландъ*. Нѣсколько дней онъ наслаждался командованіемъ этого великолѣпнаго военнаго флота, состоящаго изъ 80 кораблей.

Дипломатическія интриги продолжались, и за наступленіемъ осени высадка была отложена. Петръ успѣлъ сдѣлать небольшую личную рекогносцировку къ берегамъ Шоніи. Изъ всѣхъ союзниковъ только молодой король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ I оказывалъ полную пріязнь и довѣріе Русскому государю, и онъ же зато болѣе другихъ выигралъ отъ этого союза, получивъ значительное приращеніе къ своему королевству изъ Шведской Помераніи. Извѣстна страсть короля къ набору великановъ въ свою гвардію. Петръ подкупилъ его и съ этой стороны; въ разное время онъ подарилъ ему до 250 великорослыхъ солдатъ, взятыхъ изъ Русской арміи.

Въ Октябрѣ 1716 г. царь съ Екатериною воротился изъ Копенгагена въ Меклембургъ; а отсюда одинъ поѣхалъ въ Гавельсбергъ на

свиданіе съ Прусскимъ королемъ. Здѣсь союзъ ихъ былъ утвержденъ новымъ договоромъ, которымъ обѣ стороны обязались взаимною помощью при охраненіи своихъ завоеваній у Швеціи. Изъ Гавельсберга Петръ мимо Гамбурга направился въ любезную ему Голландію. На сей разъ она привлекала его не только своею высоко развитою промышленностью и культурою, а также дорогою памятью о первомъ своемъ путешествіи въ Западную Европу, но и тѣмъ важнымъ международнымъ положеніемъ, которое занимали тогда Голландскіе штаты, благодаря въ особенности своимъ денежнымъ богатствамъ и соединеннымъ съ ними займамъ. Гага служила посредницей и центромъ, куда сходились дипломатическія нити отъ большинства дворовъ сѣверной и средней Европы, т.-е. изъ Германіи, Даніи, Швеціи, Англіи, Франціи и Австріи. Тамъ можно было вести переговоры о достиженіи и условіяхъ столь желаннаго царю выгоднаго мира со Шведами.

6-го Декабря Петръ прибылъ въ Амстердамъ; вслѣдъ за нимъ пріѣхала большая царская свита, во главѣ которой находились канцлеръ графъ Головкинъ, подканцлеръ баронъ Шафировъ, тайный совѣтникъ Петръ Андр. Толстой и князь Василій Владимир. Долгорукій. Царь отказался отъ приготовленнаго ему Штатами роскошнаго помѣщенія, и сначала расположился въ домѣ Русскаго резидента Брандта, а потомъ занялъ квартиру крупнаго Русскаго негоціанта Соловьева *).

Политическія заботы и хлопоты, а также официальные пріемы и аудіенціи не мѣшали царю во время его пребыванія въ Амстердамѣ часто отдаваться своимъ любимымъ занятіямъ и развлеченіямъ, т.-е. посѣщать корабельныя верфи, заводы, фабрики, мастерскія художниковъ, и съ особымъ удовольствіемъ совершать по окрестнымъ каналамъ прогулки на яхтахъ и другихъ парусныхъ судахъ, при чемъ самому править рулемъ. Онъ также пользовался всякимъ случаемъ повидать тѣхъ людей, которые чѣмъ-либо были ему полезны или просто вели съ нимъ знакомство во время его перваго пребыванія въ Голландіи. Между прочимъ онъ навѣстилъ своего стараго пріятеля бывшаго бургомистра Витсена, теперь старостью и болѣзнями прикованнаго къ постели. Сдѣлалъ онъ особую поѣздку и въ городокъ Заандамъ, гдѣ побывалъ въ домикѣ, служившемъ когда-

*) Этотъ Соловьевъ, изъ простолюдиновъ, былъ дворецкимъ у Меньшикова. Петръ сдѣлалъ его барономъ. Черезъ него велись въ Голландіи наши денежныя дѣла. Онъ такъ разбогатѣлъ, что на его дочери женился обѣднѣлый Голштейнъ-Бекъ, и отъ нея, говорятъ, пошло богатство князей Барятинскихъ. П. Б.

то ему пріютомъ, и обласкалъ своего бывшаго хозяина Геррита Киста *). (Семейное преданіе послѣдняго говоритъ, что царь подарилъ ему серебряный кубокъ). Мѣстные жители замѣтили, что Петръ въ это второе пребываніе въ Голландію уже не показывалъ такого неудовольствія на собиравшуюся поглазѣть на него толпу, какое обнаруживалъ около 20 лѣтъ назадъ. Иногда онъ во весь свой огромный ростъ выпрямлялся на кормѣ судна и какъ бы хотѣлъ сказать любопытнымъ, слѣдовавшимъ за нимъ на лодкахъ: „Ну, можете смотрѣть на меня сколько вамъ угодно“. Тогда какъ окружавшіе его вельможи щеголяли роскошнымъ одѣяніемъ, ярко-красными суконными плащами и огромными париками, самъ Петръ отличался простотою своего костюма: онъ носилъ полукафтанъ сѣраго сукна съ широкимъ кожанымъ поясомъ, къ которому былъ пристегнутъ палашъ, а на головѣ черный короткій парикъ и грубая войлочная шляпа. Блѣдное лицо, со слѣдами недавной болѣзни (о которой ниже), густые черные усы и проницательный, метавшій искры взоръ невольно приковывали къ нему общее вниманіе.

Между тѣмъ супруга его Екатерина, остававшаяся въ Меклембургѣ, отправилась къ нему въ Голландію; но, будучи вновь беременна, она должна была ѣхать неспѣшно и осторожно. Вопреки расчетамъ царя устроить роды въ любезномъ ему Амстердамѣ, царица вслѣдствіе тряски и разныхъ дорожныхъ неудобствъ заболѣла и принуждена была остановиться въ городкѣ Везелѣ, въ Ганноверскихъ владѣніяхъ. Здѣсь 2-го Января 1717 года она разрѣшилась сыномъ Павломъ. Получивъ о томъ извѣстіе, обрадованный Петръ тотчасъ послалъ увѣдомленіе правительству Соединенныхъ Штатовъ и просилъ его членовъ быть крестными отцами новорожденнаго царевича; но на слѣдующій день пришла иная вѣсть: о кончинѣ младенца. Царь былъ такъ опечаленъ, что занемогъ лихорадкой и болѣлъ нѣсколько недѣль. Царица успѣла оправиться прежде него и въ началѣ Февраля прибыла въ Амстердамъ, окруженная большою свитою и торжественно привѣтствуемая депутаціями отъ правительства и города. Она могла, наконецъ, удовлетворить своему любопытству, возбужденному похвалами Голландіи ея царственнаго супруга, ея высокой культурѣ, цвѣтущему хозяйству, домашнему и общественному.

Появляясь вмѣстѣ съ супругомъ на разныхъ торжествахъ, царица рядомъ съ его простымъ костюмомъ, наоборотъ, обращала на

*) Голландцы предлагали Екатеринѣ Великой купить этотъ домикъ. Она отвѣчала, что пусть собираютъ деньги за показъ посѣтителямъ. При Александрѣ II домикъ купленъ, и содержаніе его теперь стоитъ денегъ нашему правительству. П. Б.

себя вниманіе мѣстныхъ обитателей чрезвычайной роскошью своихъ нарядовъ, въ особенности обиліемъ украшавшихъ ее брильянтовъ, жемчугу и другихъ драгоцѣнныхъ камней. (Очевидно, не даромъ по поводу тяжелаго положенія Русской арміи на Прутѣ сложилась легенда, будто Екатерина подкупила великаго визиря своими драгоцѣнностями).

Само собой разумѣется, что участіе въ торжествахъ, прогулки по каналамъ и поѣздки въ ближніе города не мѣшали Петру зорко слѣдить за политическими сношеніями и переговорами, которые вели уполномоченные имъ при разныхъ дворахъ его министры и резиденты. Болѣе другихъ недовѣрчиво относился къ его противошведскимъ замысламъ и домогательствамъ Англо-ганноверскій дворъ, который настаивалъ на выводѣ Русскихъ войскъ изъ Меклембурга. И вотъ въ томъ же Февралѣ мѣсяцѣ получается извѣстіе, что Шведскій министръ при Лондонскомъ дворѣ Гилленборгъ внезапно арестованъ и бумаги его конфискованы. Изъ этихъ бумагъ открылись тайныя сношенія Карла XII со сторонниками претендента на Англійскій престолъ, Якова III Стюарта: замышлялась даже высадка большого Шведскаго отряда въ Шотландіи для помощи Якобитамъ. Такое открытіе произвело сильное впечатлѣніе на короля Георга и, конечно, должно было побудить его къ сближенію съ Русскимъ царемъ. Послѣдній былъ крайне доволенъ симъ оборотомъ дѣлъ и тѣмъ, что Карлъ XII своимъ легкомысліемъ оттолкнулъ отъ себя Англійскаго короля. Но онъ радовался недолго. Пришло новое извѣстіе: изъ тѣхъ же бумагъ Гилленборга Англійскіе министры узнали, будто бы таже интрига въ пользу Стюартовъ проникла въ среду приближенныхъ къ царю, съ его лейбъ-медикомъ Арескинымъ во главѣ. Петръ встревожился и чрезъ своего резидента послалъ Лондонскому кабинету пространную записку, съ увѣреніями въ совершенной непричастности Русскаго двора къ означенной интригѣ и въ явной клеветѣ на Арескина. Англо-ганноверскіе министры отвѣтили резиденту, что король увѣренъ въ лживости и злонамѣренности Шведскихъ внушеній по сему предмету, однако отказывались вступить въ какія-либо соглашенія противъ Швеціи до вывода Русскихъ войскъ изъ Меклембурга. Убѣдясь въ безплодности переговоровъ съ Лондономъ, Петръ рѣшилъ обратиться въ Парижъ.

Въ Мартѣ 1717 года царь и царица выѣхали изъ Амстердама въ Гагу и остановились въ помѣщеніи Русскаго посла, князя Куракина. Тутъ ихъ привѣтствовала правительственная депутація, съ пансіонаріемъ Гейнзіемъ во главѣ; въ честь ихъ было устроено нѣсколько празднествъ. Отсюда Петръ дѣлалъ поѣздки въ Лейденъ, знаменитый

своимъ университетомъ, въ Дельфтъ и нѣкоторые другіе города. Въ Апрѣлѣ царственная чета переѣхала въ Роттердамъ. Здѣсь Петръ на время разстался съ супругой, которую не взялъ съ собой во Францію въ виду ея очень незнатнаго происхожденія съ одной стороны и предстоявшаго щепетильнаго придворнаго этикета съ другой. Въ свитѣ царя находились князь Куракинъ, Василій Долгорукій, Бутурлинъ, Толстой, Ягужинскій и пр. На Голландскихъ правительственныхъ яхтахъ онъ, съ заѣздомъ въ Дордрехтъ, переправился въ Антвертенъ, т.-е. въ Бельгію, тогда составлявшую Австрійскую провинцію. Здѣсь его привѣтствовали представители императора, и потомъ проводили черезъ Фландрію до гавани Дюнкирхена.

Петръ давно желалъ сближенія Россіи съ Франціей, которая дружила съ враждебными ему сосѣдними державами: на Сѣверѣ съ Швеціей, на Югѣ съ Турціей. Но Людовикъ XIV отчасти по этой именно причинѣ отклонялъ посѣщеніе царя, отчасти и по стѣсненнымъ въ послѣдніе его годы финансамъ, такъ какъ достойный пріемъ Русскаго государя, уже пріобрѣвшаго большую славу, требовалъ и большихъ расходовъ. Теперь же Французскій регентъ герцогъ Филиппъ Орлеанскій не счелъ возможнымъ противиться царскому визиту, тѣмъ болѣе, что около того времени появился проектъ о бракѣ вдоваго царевича Алексѣя съ дочерью герцога. Но самъ Петръ лелеялъ мысль о другомъ будущемъ бракѣ: своей дочери Елисаветы съ королемъ Людовикомъ XV, тогда еще малолѣтнимъ. Регентъ выслалъ навстрѣчу царю придворныя кареты съ маршаломъ Тессе, и Петръ въ одинъ прекрасный Апрѣльскій вечеръ прибылъ въ Парижъ.

Не буду останавливаться на его столь извѣстномъ почти шестинедѣльномъ пребываніи въ столицѣ Франціи, т.-е. на его свиданіяхъ съ регентомъ и маленькимъ королемъ, на его посѣщеніяхъ промышленныхъ и научныхъ учрежденій, дома Инвалидовъ, Сенъ-Сирской школы съ г-жей Ментенонъ включительно, на разсказахъ о томъ, какъ онъ поражалъ Французовъ своею обычною любознательностью, чрезвычайною подвижностію, простотою своихъ привычекъ и вкусовъ. Владѣя языками Нѣмецкимъ и Голландскимъ, онъ не говорилъ по-французски, и переводчикомъ ему служилъ князь Куракинъ. Межъ тѣмъ его министры Головкинъ, Шафировъ и Куракинъ вели переговоры съ Французскими министрами о союзѣ. Переговоры эти окончились только въ Августѣ мѣсяцѣ въ Голландіи. Царь по выѣздѣ изъ Франціи провелъ нѣсколько недѣль въ Спа, гдѣ лѣчился водами, а затѣмъ воротился въ Амстердамъ, гдѣ ожидала его Екатерина и гдѣ былъ заключенъ теперь союзный договоръ между тремя державами: Рос-

сіей, Пруссіей и Франціей. Договоръ отчасти торговый,а отчасти направленный къ утвержденію Европейскаго мира и прекращенію Сѣверной войны. Но съ этой стороны Французскіе уполномоченные обставили договоръ такими оговорками, что практическаго значенія онъ почти не имѣлъ. Вышеупомянутые брачные проекты также не получили никакого движенія. Важна только первая попытка сближенія Россіи съ Франціей.

Въ Амстердамѣ Петръ возобновилъ свои судоходныя прогулки, посѣщенія заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ. На сей разъ онъ особенно посѣщалъ мастерскія живописцевъ. Это искусство, какъ извѣстно, достигло тогда большого процвѣтанія въ Голландіи. Сдѣланныя царемъ пріобрѣтенія многихъ произведеній Голландской школы послужили основою роскошнаго собранія въ Петербургскомъ Эрмитажѣ. Кромѣ того Петръ нанялъ въ свою службу нѣсколько мастеровъ, а также оставилъ въ Голландіи для обученія нѣкоторыхъ Русскихъ молодыхъ людей, и тѣмъ вообще положилъ начало пересажденію Европейскихъ искусствъ въ Россію. Въ концѣ Августа онъ еще разъ посѣтилъ незабвенный Заандамъ и обитавшихъ тамъ своихъ старыхъ пріятелей. А въ Сентябрѣ царственная чета покинула возлюбленную Голландію и направилась въ Россію, гдѣ въ то время общественное вниманіе было занято бѣгствомъ царевича Алексѣя.

VI.

Бѣгство царевича Алексѣя.

По отъѣздѣ Петра за границу Алексѣй, явно устраненный отъ дѣлъ правительственныхъ, по наружности велъ мирный, спокойный образъ жизни; время отъ времени посылалъ отцу и мачихѣ краткія письма съ поздравленіемъ о днѣ рожденія или именинъ, съ извѣстіями о здоровьѣ ихъ дѣтей, а своихъ „братца и сестрицъ“; занимался хозяйствомъ своихъ имѣній, даже намѣревался прикупить къ нимъ 5000 душъ крестьянъ; очень заботился о своей возлюбленной Чухонкѣ и поручалъ разыскать въ Московскихъ бумагахъ своего учителя Вяземскаго купчія крѣпости на Евфросинію и Ивана Ѳедоровыхъ (но ихъ не оказалось). А между тѣмъ онъ ясно сознавалъ, что такое затишье въ его жизни непродолжительно, что враги не дремлютъ и гроза надвигается; ибо срокъ, данный отцомъ, не за горами. Въ отечествѣ, конечно, не было такого уголка, гдѣ бы онъ могъ укрыться отъ гнѣвнаго отца, а запереть себя въ монастырское уединеніе *) онъ отнюдь не

*) Близъ Твери, въ Жолтиковомъ монастырѣ, показываютъ приготовленную для царевича келью. П. Б.

желалъ. Сама собой по этому приходила мысль бѣжать и спастись за границу.

Въ 1715 году скончалась любимая сестра Петра, Наталья Алексѣевна. Есть извѣстіе, что передъ смертью она говорила Алексѣю о своихъ ходатайствахъ за него передъ царемъ, но что впредъ онъ уже самъ долженъ о себѣ промышлять, и лучше всего, если отдастъ себя подъ покровительство Германскаго императора. Послѣ того въ кружкѣ лицъ, преданныхъ царевичу, эта мысль продолжала работать. Въ отсутствіе царя сестра его Марья Алексѣевна, сочувствовавшая своему племяннику, отправилась лѣчиться въ Карлсбадъ. Въ ея свитѣ находился Александръ Кикинъ; онъ обѣщалъ царевичу поискать для него вѣрное убѣжище въ чужихъ краяхъ, и эти исканія сосредоточилъ около того же Вѣнскаго двора.

Царевичу не доставало только предлога для задуманнаго выѣзда за границу. И вотъ самъ Петръ даетъ ему этотъ предлогъ.

Прошло около семи мѣсяцевъ со времени второго грознаго посланія къ сыну; казалось, что, отвлеченный своимъ вторымъ путешествіемъ и важными политическими заботами, отецъ забылъ о своихъ требованіяхъ. Но очевидно какая-то близкая особа не допускала подобнаго забвенія. Въ концѣ Августа 1717 года Петръ вдругъ изъ Копенгагена шлетъ въ Петербургъ гонца съ третьимъ грознымъ посланіемъ. Онъ пишетъ, что напрасно семь мѣсяцевъ ждалъ отъ сына „резолюціи на извѣстное дѣло“, вмѣсто которой тотъ пишетъ только о здоровьѣ. А потому пусть или немедленно пострижется въ монахи или не мѣшкая пріѣзжаетъ къ отцу, чтобы принять участіе въ военныхъ дѣлахъ. И то и другое рѣшеніе представлялось царевичу гибельнымъ; а такъ какъ планъ бѣгства уже созрѣлъ, то онъ поспѣшилъ воспользоваться отцовскимъ вызывомъ и быстро собрался въ дорогу, о чемъ извѣстилъ князя Меньшикова. Послѣдній полюбопытствовалъ о его намѣреніи относительно Евфросиніи. Алексѣй отвѣтилъ, что возьметъ ее только до Риги, откуда отпуститъ въ Петербургъ. „Возьми ее съ собою“, сказалъ Меньшиковъ. Конечно царевичъ лгалъ въ томъ, что беретъ возлюбленную только до Риги. Но и Меньшиковъ, совѣтующій или, точнѣе, позволяющій съ нею не разставаться, тѣмъ самымъ намекаетъ на существованіе какого-то плана, какихъ-то коварно разставленныхъ сѣтей, въ которыхъ Алексѣй долженъ былъ неминуемо запутаться, все равно, поѣдетъ ли онъ къ отцу или убѣжитъ. Не такъ были просты Екатерина и Меньшиковъ, чтобы имъ не приходилъ въ голову соблазнъ для Алексѣя воспользоваться удобнымъ случаемъ для бѣгства. А разъ онъ имъ воспользуется, то судьба его,

какъ государственнаго преступника, опредѣлялась заранѣе и наслѣдованіе имъ престола навсегда устранялось. Возможно, что назрѣвшая заранѣе мысль о бѣгствѣ не осталась неизвѣстною близко наблюдавшему за нимъ свѣтлѣйшему князю Меньшикову.

Передъ отъѣздомъ Алексѣй побывалъ въ Сенатѣ, чтобы проститься съ сенаторами. Среди нихъ была партія, непріязненная свѣтлѣйшему, съ князьями Долгорукими и Голицыными во главѣ, а потому благосклонная опальному царевичу. Но до какой степени вельможи боялись явно обнаружить свои чувства, показываетъ примѣръ извѣстнаго правдолюбца князя Якова Долгорукова. Онъ и прежде просилъ Алексѣя не посѣщать его, потому что за сими посѣщеніями надзираютъ. А теперь, при прощаньѣ въ Сенатѣ, когда царевичъ сталъ на ухо говорить Якову Ѳедоровичу, чтобы не оставлялъ его, тотъ обѣщалъ, но попросилъ прекратить сей разговоръ, такъ какъ „другіе-де смотрятъ на насъ“.

Алексѣй постарался возможно болѣе запастись на дальнюю дорогу денежными суммами. Между прочимъ, Меньшиковъ далъ ему 1000 червонцевъ, Сенатъ ассигновалъ 2000 рублей, да проѣздомъ въ Ригѣ онъ занялъ у оберъ-комиссара Исаева 5000 червонцевъ и на 2000 руб. мелочи. Свой замыселъ онъ, повидимому, тщательно скрывалъ, и только камердинеру Ивану Большому-Аѳанасьеву открылся, что ѣдетъ не къ отцу, а въ Вѣну къ цесарю или въ Римъ. Кромѣ Евфросиньи онъ взялъ съ собою ея брата Ивана Ѳедорова и не болѣе трехъ служителей, Носова, Судакова и Меера. Довольный и полный надеждъ, онъ выѣхалъ изъ Петербурга 26 Сентября 1716 года.

По дорогѣ между Ригою и Либавою царевичъ встрѣтилъ свою тетку царевну Марью Алексѣевну, которая возвращалась изъ Карлсбада, и долго съ нею бесѣдовалъ. Тетка пожурила его за то, что онъ почти забылъ о своей матери и даже не писалъ ей, конечно, боясь отца; а насчетъ сего послѣдняго сообщила какія-то пророчества о его будущемъ примиреніи съ первой женой *) и предстоявшемъ запустѣніи Петербурга; при чемъ неодобрительно отозвалась объ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Слѣдомъ за царевной ѣхалъ Александръ Кикинъ; царевичъ увидѣлся съ нимъ въ Либавѣ. Послѣдній сообщилъ, что нашелъ ему убѣжище, при посредствѣ Русскаго резидента въ Вѣнѣ Абрама Веселовскаго: по докладу вице-канцлера Шёнборна, цесарь обѣщалъ при-

*) См. выше, примѣчаніе. П. Б.

нять царевича, какъ свояка по женѣ, и даже назначить ему содержаніе, вѣроятно, тысячи по три гульденовъ въ мѣсяцъ.

Алексѣй Петровичъ проѣхалъ Данцигъ; а за тѣмъ вдругъ свернулъ съ прямого пути въ Данію, и тайкомъ направился на Франкфуртъ на Одерѣ, оттуда на Бреславль, потомъ на Чешскую Прагу, и, наконецъ, на Вѣну, стараясь по возможности заметать слѣды и выдавая себя на почтовыхъ станціахъ и въ гостиницахъ то за Русскаго подполковника Коханскаго съ женою и служителями, то за Польскаго кавалера Кременецкаго.

9 Ноября бѣглецъ достигъ Вѣны и остановился въ гостинницѣ. На слѣдующій день поздно вечеромъ имперскій вице-канцлеръ графъ Шёнборнъ уже раздѣлся и собирался лечь въ постель, когда ему доложили, что какой-то незнакомецъ желаетъ съ нимъ говорить. Тщетно графъ отказывался принять его немедленно и откладывалъ объясненіе до утра. Незнакомецъ ломанымъ Нѣмецкимъ языкомъ настаивалъ, ссылаясь на крайне важное дѣло, о которомъ тотчасъ необходимо донести императору. Вице-канцлеръ, наконецъ, уступилъ. Слуга царевича Яковъ Носовъ (это былъ онъ) безъ всякихъ предисловій объявилъ, что Русскій царевичъ Алексѣй Петровичъ прибылъ тайно, хочетъ видѣть графа и ждетъ у подъѣзда. Шёнборнъ поспѣшилъ одѣться и принять гостя наединѣ. Алексѣй казался сильно взволнованнымъ, быстрыми шагами началъ ходить по комнатѣ и разразился потокомъ горькихъ жалобъ. Онъ говорилъ, что пріѣхалъ умолять своего шурина-императора о покровительствѣ и спасеніи, что отецъ хочетъ лишить его не только престолонаслѣдія, но и самой жизни, тогда какъ онъ передъ отцомъ ни въ чемъ не виноватъ, что отъ него требуютъ немедленнаго постриженія въ монахи, и въ заключеніе просилъ, чтобы его тотчасъ вели къ императору. Шёнборнъ старался его успокоить, увѣрялъ, что здѣсь онъ въ полной безопасности, что въ такое позднее время невозможно безпокоить государя, а вмѣсто того лучше откровенно и точно раскрыть вице-канцлеру всѣ обстоятельства, о которыхъ онъ могъ бы основательно доложить его величеству.

Выпивъ стаканъ мозельвейну и нѣсколько успокоясь, Алексѣй принялся разсказывать свою жизнь и остановился на отношеніяхъ къ нему отца, мачихи и Меньшикова. Хотя онъ не склоненъ къ военному дѣлу, однако отецъ былъ къ нему добръ, пока не пошли у него дѣти и пока царица сама не родила сына. Съ той поры она вмѣстѣ съ Меньшиковымъ всячески стала вооружать противъ него царя; въ тоже время старались его запоить виномъ до смерти; Меньшиковъ

намѣренно далъ ему плохое воспитаніе, обходился съ нимъ грубо, не заставлялъ учиться, окружалъ дурными людьми и глупцами. Хотя онъ и отказался отъ престолонаслѣдія, но вслѣдствіе страха и насилія, и притомъ только за себя, а не за своихъ дѣтей, которыхъ поручаетъ покровительству императора. Старался царевичъ оправдать и свое поведеніе относительно покойной супруги, которая-де много терпѣла отъ царя и царицы. Распространялся о крайнемъ жестокосердіи и кровожадности своего отца, который много пролилъ невинной крови и даже собственноручно; а потому умолялъ не выдавать его царю, что̀ было бы равносильно смертному приговору. Когда вице-канцлеръ заговорилъ о возможности его примиренія съ отцомъ, Алексѣй отвергалъ всякую надежду на примиреніе и съ горькими слезами просилъ открытаго покровительства со стороны цесаря. Шёнборнъ, наоборотъ, убѣдилъ его пока содержать себя втайнѣ. На томъ они разстались.

На слѣдующій день вице-канцлеръ, конечно, доложилъ обо всемъ Карлу VI. Императоръ одобрилъ его дѣйствія и немедля собралъ конференцію изъ министровъ и близкихъ людей для обсужденія вопроса, какъ поступить съ царевичемъ. По докладу сей конференціи императоръ рѣшилъ принять бѣглеца подъ свое покровительство, но держать его въ секретѣ и даже не допускать свиданія его съ ихъ императорскими величествами, и тѣмъ болѣе, что императрица была въ то время беременна. Для скрытаго его пребыванія велѣно было приготовить помѣщеніе въ Тирольскомъ замкѣ Эренбергѣ; а пока укрыли его въ одномъ мѣстечкѣ подъ Вѣной, и тутъ одному изъ министровъ поручено было въ подробностяхъ изслѣдовать его дѣло. Царевичъ еще обстоятельнѣе изложилъ исторію своихъ отношеній къ отцу, а также всѣ тѣ пункты своихъ жалобъ и просьбъ, которые онъ сообщилъ вице-канцлеру при первомъ своемъ свиданіи. Къ просьбамъ о покровительствѣ и невыдачѣ отцу онъ присоединилъ просьбу о присылкѣ къ нему Греческаго священника; ибо, строго наблюдая православные обряды и посты, онъ особенно желалъ имѣть его при наступавшихъ Рождественскихъ праздникахъ. Эта просьба однако не была удовлетворена, такъ какъ не соотвѣтствовала потребности сохранять втайнѣ его пребываніе.

Итакъ, при всей внезапности описанной выше сцены свиданія царевича съ вице-канцлеромъ, въ виду быстраго затѣмъ и благосклоннаго рѣшенія императора, можемъ догадываться, что появленіе Алексѣя въ Вѣнѣ и просьба объ убѣжищѣ не были тамъ полною неожиданностью и что сообщеніе Александра Кикина о предшествующихъ переговорахъ съ Шёнборномъ при посредствѣ Веселовскаго не

было его выдумкою. Нельзя также не отдать справедливости природному уму и наблюдательности царевича, который въ минуту вынужденной откровенности высказалъ столь вѣрный взглядъ на свое собственное положеніе и ярко очертилъ несимпатичныя стороны, присущія и ему самому, и главнымъ дѣйствующимъ лицамъ трагедіи.

Между тѣмъ Петръ тщетно ожидалъ царевича. Въ этомъ ожиданіи прошло мѣсяца полтора, и, когда уже не было сомнѣнія въ его бѣгствѣ, царь 2 Декабря отдалъ приказъ командующему Русскимъ войскомъ въ Меклембурѣ генералу Вейде послать надежныхъ людей на развѣдки. Онъ послалъ двухъ офицеровъ изъ Нѣмцевъ, которые ѣздили въ Пруссію и Австрію и ничего положительнаго не узнали. Но въ тоже время Петръ вызвалъ изъ Вѣны своего резидента Абрама Веселовскаго и поручилъ ему тайно развѣдать о мѣстѣ пребыванія сына и арестовать его, при чемъ снабдилъ собственноручнымъ письмомъ къ Карлу VI, гдѣ просилъ прислать къ нему съ резидентомъ царевича, если послѣдній обрѣтается въ цесарскихъ владѣніяхъ. Веселовскій сразу взялъ вѣрное направленіе: онъ началъ свои развѣдки съ дороги между Данцигомъ и Франкфуртомъ на Одерѣ, проѣхалъ отсюда на Бреславль, потомъ на Прагу и наконецъ, на Вѣну, вездѣ собирая свѣдѣнія о проѣзжавшихъ на почтовыхъ дворахъ и въ гостиницахъ; подъ Вѣной слѣды бѣглеца какъ будто затерялись, и пришлось нѣкоторое время ѣздить туда и сюда, чтобы ихъ найти. Но вопросъ разрѣшился очень просто: подкупленный резидентомъ чиновникъ тайной Вѣнской конференціи Дальбергъ открылъ ему, что особа, именовавшая себя Коханскимъ, дѣйствительно находится въ цесарскихъ владѣніяхъ и пребываетъ въ горной глуши, именно въ замкѣ или крѣпостцѣ Эренбергѣ въ Верхнемъ Тиролѣ, гдѣ имѣется очень небольшой гарнизонъ, и, слѣдовательно, нѣсколько Русскихъ офицеровъ легко могутъ захватить его и увезти. Веселовскій, конечно, своевременно посылалъ царю донесенія о своихъ развѣдкахъ. Крайне подозрительна та роль, которую во всемъ этомъ дѣлѣ игралъ нашъ резидентъ. Онъ, повидимому, подготовилъ царевичу убѣжище во владѣніяхъ императора; онъ же потомъ разыскалъ его въ этихъ владѣніяхъ. Тутъ съ его стороны была какая-то двойная игра, какое-то коварное участіе въ устройствѣ ловушки для несчастнаго царевича. Подозрѣніе историка находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе и въ томъ, что впослѣдствіи Веселовскій не вернулся въ Россію, а скрылся, и Петръ сколько ни старался, никакъ не могъ его разыскать. Онъ бѣжалъ въ Англію, а умеръ въ Женевѣ глубокимъ старцемъ.

Какъ бы то ни было, въ Мартѣ 1717 года царь прислалъ въ Вѣну въ распоряженіе Веселовскаго капитана гвардіи Александра Румян-

цева съ тремя офицерами. Веселовскій отправилъ Румянцева въ Тироль на развѣдки о царевичѣ. Воротясь, Румянцевъ подтвердилъ, что царевичъ дѣйствительно пребываетъ въ замкѣ Эренбергѣ, расположенномъ на высокой горѣ и охраняемомъ всего двадцатью солдатами. Веселовскій, на основаніи царскихъ инструкцій, вступилъ въ переговоры съ цесарскими министрами, особенно съ принцемъ Евгеніемъ Савойскимъ, и потребовалъ выдачи мнимаго Коханскаго. 8 Апрѣля онъ добился аудіенціи у императора и представилъ ему собственноручное письмо царя. Карлъ VI отговорился тѣмъ, что не получалъ еще донесенія о пребываніи извѣстной особы въ его владѣніяхъ и что самъ будетъ отвѣчать Русскому царю. И дѣйствительно отвѣтилъ потомъ, но въ уклончивыхъ выраженіяхъ, съ увѣреніями въ дружескихъ чувствахъ. Было ясно, что горное убѣжище царевича открыто; въ окрестностяхъ Эренберга появились подозрительныя лица: то былъ Румянцевъ со своими офицерами. При цесарскомъ дворѣ рѣшено было перевести бѣглецовъ въ болѣе надежное убѣжище. Въ Тироль поскакалъ курьеромъ секретарь Вѣнской конференціи Кейль, чтобы показать Алексѣю Петровичу письмо его отца и спросить его мнѣніе. Прочитавъ письмо, царевичъ пришелъ въ сильное волненіе; онъ плакалъ, рыдалъ и вопилъ, что поѣдетъ куда угодно цесарю, только бы тотъ не выдавалъ его отцу. Секретарь постарался увѣрить несчастнаго въ неизмѣнномъ покровительствѣ императора и предложилъ для бо́льшей безопасности немедля отправиться въ Неаполь, который со времени войны за Испанское наслѣдство принадлежалъ Австрійскимъ Габсбургамъ. Царевичъ съ радостью согласился и на другой же день раннимъ утромъ подъ видомъ Австрійскаго офицера выѣхалъ въ сопровожденіи секретаря Кейля и переодѣтой пажомъ Евфросиньи. Чрезъ Инспрукъ, Мантую, Флоренцію и Римъ путешественники благополучно 6 Мая достигли Неаполя. Несмотря на свое тяжелое, критическое положеніе, Алексѣй дорогой обнаруживалъ обычную наклонность къ неумѣренному винопитію, какъ о томъ доносилъ Кейль графу Шёнборну. Въ тоже время, несмотря на всѣ предосторожности и принятыя мѣры сохранить втайнѣ этотъ долгій переѣздъ по Тиролю и Италіи, Румянцевъ сумѣлъ не потерять изъ виду царевича и прослѣдилъ его до самого Неаполя.

На высокой горѣ, съ которой открывается обширный видъ на море и у подножія которой разстилается Неаполь, стоитъ кастель или замокъ Сантъ-Эльмо. Здѣсь былъ помѣщенъ Русскій царевичъ подъ видомъ нѣкоего Мадьярскаго графа, арестованнаго за государственное преступленіе и порученнаго надзору Неаполитанскаго вице-короля

графа Дауна. Пять мѣсяцевъ слишкомъ Алексѣй прожилъ здѣсь со своею возлюбленной Евфросиньей. Первымъ его дѣломъ было написать благодарственныя посланія цесарю и его вице-канцлеру. Затѣмъ онъ извѣщалъ Петербургскихъ сенаторовъ и своихъ Московскихъ друзей о томъ, что живъ, здоровъ и, Богъ дастъ, при лучшихъ обстоятельствахъ воротится въ отечество; получалъ и отъ нихъ вѣсти. Но конечно, не вся его переписка, проходившая черезъ руки Австрійскихъ властей, доходила по назначенію. Часть ея сохранилась въ Вѣнскомъ тайномъ государственномъ архивѣ. Тутъ между прочимъ имѣется въ Нѣмецкомъ переводѣ письмо изъ Лондона съ изъявленіемъ своей преданности отъ знаменитаго впослѣдствіи Русскаго канцлера Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, въ то время служившаго камеръюнкеромъ при дворѣ Георга I, курфирста Ганноверскаго и короля Англійскаго. Автора, конечно, спасло то, что письмо его осталось неизвѣстно Петру.

При Вѣнскомъ дворѣ господствовала увѣренность, что переѣздъ царевича въ Неаполь совершился въ глубокой тайнѣ и что его мѣстопребываніе теперь вполнѣ скрыто отъ царскихъ агентовъ. Каково же было удивленіе цесарскихъ министровъ, когда, спустя мѣсяца два съ половиною, въ концѣ Іюля въ Вѣну прибыли царскіе посланцы, тайный совѣтникъ П. А. Толстой и капитанъ Румянцевъ. Они вмѣстѣ съ Веселовскимъ получили у цесаря аудіенцію, на которой подали ему письмо отъ своего государя, помѣченное 10-мъ Іюля въ Бельгійскомъ городѣ Спа. Петръ извѣщалъ, что ему извѣстны пребыванія сына сначала въ замкѣ Эренбергѣ, а потомъ въ Неаполѣ. Вѣжливо, но твердо онъ просилъ цесаря отпустить царевича съ его посланцами и никоимъ образомъ не брать на себя роль судьи между отцомъ и сыномъ. Къ письму Толстой, согласно данной ему инструкціи, присоединилъ словесныя убѣжденія выдать ему царевича и не вступаться за него противъ родителя и самодержавнаго государя, который обѣщаетъ принять его милостиво и простить, если онъ раскается и впредь будетъ послушенъ. Въ случаѣ отказа со стороны цесаря, царь протестуетъ, сочтетъ его за тяжкую обиду и явный разрывъ, а сына всенародно предастъ отцовскому и церковному проклятію и будетъ принужденъ требовать его выдачи вооруженною рукою и т. п. Все это Толстой старался высказать въ выраженіяхъ возможно мягкихъ и учтивыхъ. Карлъ благосклонно выслушалъ его и обѣщалъ дать отвѣтъ на царское письмо.

Спустя нѣсколько дней, цесарь назначилъ комиссію изъ трехъ министровъ, чтобы обсудить вопросъ о царевичѣ. Комиссія главнымъ

образомъ высказалась, что дальнѣйшее его укрывательство небезопасно для Австрійской монархіи, ибо царь можетъ двинуть на нее свои войска, расположенныя въ Польшѣ, можетъ ворваться и въ Богемію, гдѣ (Славянская) чернь легко къ нему пристанетъ; а въ то время Австрія вела войну съ Турками. Но какъ ни хлопоталъ Толстой о выдачѣ ему царевича, благодушный и благородный Карлъ VI отказался приневоливать его къ чему-либо и желалъ только примиренія отца съ сыномъ или прощенія сему послѣднему. На этой струнѣ и началъ играть хитрый Толстой. Между прочимъ онъ сумѣлъ къ сему плану примиренія привлечь и тещу царевича герцогиню Вольфенбюттельскую, которая въ такомъ смыслѣ обращалась и къ своему зятю императору и написала посланіе Алексѣю. Наконецъ, царскимъ посланцамъ разрѣшено было ѣхать въ Неаполь и войти въ непосредственныя сношенія съ Алексѣемъ. Вице-король графъ Даунъ получилъ отъ цесаря подробную инструкцію, какъ устраивать ихъ свиданія и какъ поступать въ случаѣ того или другого рѣшенія, которое приметъ бѣглецъ. При свиданіяхъ ему поручалось наблюдать, чтобы „Москвитяне“ не могли напасть на царевича и лишить его жизни, ибо это люди „отчаянные и на все способные“.

Въ концѣ Сентября Толстой и Румянцевъ добрались до Неаполя, и графъ Даунъ устроилъ имъ первое свиданіе съ царевичемъ въ королевскомъ дворцѣ. Тутъ Толстой вручилъ ему собственноручное письмо царя, помѣченное 10-мъ Іюля 1717 года въ городѣ Спа. Въ этомъ письмѣ Петръ *божился*, что никакого наказанія сыну не будетъ, ежели послушается и возвратится; въ противномъ случаѣ грозилъ предать его вѣчному проклятію. При семъ оба посланца уговаривали его ѣхать съ ними въ отечество. Смущенный царевичъ просилъ времени подумать. Вскорѣ произошло второе свиданіе, также во дворцѣ. Въ присутствіи вице-короля Алексѣй рѣшительно отказался отъ возвращенія къ отцу. Толстой грозилъ, что царь будетъ требовать вооруженною рукою. Успокоенный графомъ Дауномъ, что цесарь противъ воли не выдастъ его отцу, Алексѣй не сдавался.

Дальнѣйшія свиданія происходили уже въ замкѣ Сантъ-Эльмо. Царевичъ продолжалъ упорствовать, но чувствовалъ, что почва подъ его ногами заколебалась и никакой твердой опоры нѣтъ. Какъ бы великодушно ни относился къ нему Карлъ VI, однако не могъ онъ простирать свое покровительство до полнаго разрыва съ могущественнымъ Русскимъ государемъ и до разлада съ собственными министрами, большинство которыхъ и особенно вліятельный принцъ Евгеній Савойскій, несочувственно относились къ сему покровительству. Да и

самъ царевичъ своимъ поведеніемъ не могъ внушить большого сочувствія, а связь его съ простой Чухонкой и желаніе вступить съ ней въ бракъ, на что обращалъ особое вниманіе Вѣнскаго двора Толстой, окончательно унижали его въ глазахъ этого двора. Пронырливый Толстой скоро узналъ, что цесарская инструкція предписывала Дауну всѣми мѣрами склонять бѣглеца къ возвращенію въ Россію и примиренію съ отцомъ; а затѣмъ ловко повелъ дѣло къ развязкѣ. Во-первыхъ, онъ подкупилъ вице-королевскаго секретаря Вейнгардта, который якобы подъ секретомъ сообщилъ царевичу, что цесарь никоимъ образомъ не будетъ защищать его оружіемъ. Во-вторыхъ, взялъ несчастнаго за самую чувствительную струну: по уговору съ Толстымъ, Даунъ изъявилъ намѣреніе отлучить отъ Алексѣя его возлюбленную. Въ-третьихъ, чтобы окончательно напугать его, Толстой сообщилъ ему, что отецъ не только собирается двинуть войска, но и самъ хочетъ пріѣхать въ Италію. Наконецъ, въ-четвертыхъ, Толстой сумѣлъ найти себѣ союзницу въ самой Евфросиньѣ, которую тѣми или другими обѣщаніями и убѣженіями склонилъ помочь ему въ его домогательствахъ. Алексѣй уже думалъ бѣжать въ Римъ и отдаться подъ покровительство папѣ; но его отговорила Евфросинья, какъ впослѣдствіи она сама о томъ заявила.

Царевичъ не выдержалъ столькихъ ударовъ и сдался. Онъ просилъ только, чтобы у него не отнимали Евфросиньи и позволили немедля жениться на ней, такъ какъ она находилась тогда въ періодѣ беременности. Толстой обѣщалъ ходатайствовать передъ царемъ объ исполненіи сей просьбы. Прежде чѣмъ покинуть Неаполь, набожный царевичъ, сопровождаемый Толстымъ и Румянцевымъ, сдѣлалъ поѣздку въ городъ Бари и поклонился мощамъ св. Николая Угодника. А въ половинѣ Октября, въ томъ же сопровожденіи, выѣхалъ изъ Неаполя въ Россію. Дорогою онъ получилъ отъ отца письмо, въ которомъ Петръ, довольный его рѣшеніемъ воротиться, снова подтверждалъ обѣщанное ему прощеніе. Въ письмѣ къ Толстому царь поручилъ передать сыну и свое согласіе на бракъ съ Евфросиньей, но только не за границей, а по пріѣздѣ въ Россію. Возлюбленная отправилась отдѣльно, въ сопровожденіи своего брата, и ѣхала медленно по причинѣ своей беременности.

VII.

Возвращеніе въ Россію и царскій розыскъ.

Въ началѣ Декабря 1717 года царевичъ со своими провожатыми поздно ночью прибылъ въ Вѣну, а на другой день раннимъ утромъ поѣхалъ далѣе и направился въ Брюнъ, тогда какъ въ своемъ послѣднемъ благодарственномъ письмѣ изъ Неаполя онъ извѣщалъ цесаря, что благодарность свою за покровительство лично принесетъ ему въ Вѣнѣ. Карлъ VI и его совѣтники, узнавъ о семъ поспѣшномъ, таинственномъ проѣздѣ, естественно догадались, что это продѣлка Толстого, который боялся, какъ бы свиданіе съ императоромъ и разговоры съ разными лицами не поколебали рѣшимости царевича воготиться къ отцу. Тотчасъ въ Брюнъ къ Моравскому генералъ-губернатору графу Колоредо былъ отправленъ курьеръ съ императорскимъ приказомъ задержать царевича подъ благовиднымъ предлогомъ, постараться видѣть его наединѣ и спросить отъ имени цесаря, дѣйствительно ли онъ возвращается добровольно, безъ принужденія и безъ страха за свою участь; въ противномъ случаѣ вновь предложить ему покровительство и пребываніе въ цесарскихъ владѣніяхъ. Но Толстой подъ разными предлогами не допустилъ графа Колоредо къ свиданію съ царевичемъ, котораго убѣдилъ также отказать въ этомъ свиданіи и спѣшить выѣздомъ изъ Брюна. А такъ какъ Колоредо заявилъ, что не отпуститъ ихъ до полученія новаго приказа изъ Вѣны, Толстой протестовалъ противъ задержки и написалъ въ Вѣну Веселовскому, чтобы тотъ хлопоталъ о разрѣшеніи отпуска. Карлъ, получивъ донесеніе Колоредо, отдалъ его на обсужденіе своимъ министрамъ. Въ ихъ совѣтѣ явно преобладало желаніе избавиться отъ царевича, отъ котораго нельзя ожидать никакой пользы (для Австріи); но чтобы соблюсти императорское достоинство, графъ Колоредо долженъ видѣть царевича и сказать ему привѣтствіе. Такъ и было поступлено. Согласно полученному приказу, графъ потребовалъ личнаго свиданія съ царевичемъ. Толстой грубо въ этомъ отказывалъ, и только послѣ угрозы войти силою въ ихъ помѣщеніе, онъ допустилъ свиданіе, но отнюдь не наединѣ, а въ присутствіи своемъ, капитана Румянцева и еще какого-то Нѣмца изъ ихъ свиты. Колоредо могъ только обмѣняться нѣсколькими любезностями отъ имени цесаря. Затѣмъ путешественники поспѣшно уѣхали изъ Брюна. Карлъ VI послалъ Петру I жалобу на грубость Толстого; а впослѣдствіи получилъ отъ царя отвѣтъ, что Толстой нисколько не виноватъ, ибо склонялъ царевича къ свиданію,

но будто бы сей послѣдній самъ тому противился. Вотъ до какой степени неправды во всемъ этомъ дѣлѣ доходилъ тогда великій Преобразователь Россіи!

Межъ тѣмъ Алексѣй Петровичъ все время обратнаго пути главную свою заботу обращалъ на страстно любимую имъ Евфросинію, и они взаимно обмѣнивались самыми нѣжными письмами. Въ Венеціи ея свита увеличилась: здѣсь поджидали ее три извѣстные намъ служителя, которые остались въ Эренбергѣ. Алексѣй пишетъ, что зѣло тому радъ, понеже ей теперь нескучно одной; да и кушанья ей по вкусу можетъ изготовить Яковъ (Носовъ), который, повидимому, былъ и поваромъ. Успокоенный клятвенными отцовскими обѣщаніями помилованія и поданною ему надеждою на бракъ съ своею возлюбленною, царевичъ уже обращается къ ней какъ къ будущей женѣ и матери своего ребенка, имѣющаго вскорѣ появиться на свѣтъ. Поэтому по пріѣздѣ въ Россію первымъ его дѣломъ было послать женщинъ для прислуги; а повивальную бабку онъ отправилъ къ ней ранѣе, изъ Данцига въ Берлинъ, гдѣ Евфросинія остановилась для отдыха Алексѣй Петровичъ сообщалъ ей свои мечты объ ихъ будущемъ семейномъ счастьѣ гдѣ-либо вдали отъ двора, въ сельскомъ уединеніи, а въ это время близкіе ему люди и его приверженцы съ горестью встрѣтили вѣсть объ его возвращеніи и повѣряли другъ другу опасенія великихъ бѣдъ какъ для него, такъ и для нихъ самихъ.

Въ первыхъ числахъ Января 1718 года царевичъ достигъ предѣловъ новозавоеванной Петромъ Лифляндіи. Теперь жертва уже не могла ускользнуть изъ рукъ палачей; а потому Толстой въ Ригѣ покинулъ царевича и поскакалъ впередъ къ государю съ подробными донесеніями. Алексѣй чрезъ Новгородъ и Тверь въ послѣдній день Января прибылъ въ Москву, гдѣ тогда находились царь и царица.

Тутъ произошла полная перемѣна декораціи.

Спустя два дня, царевича безъ шпаги, какъ арестанта, привели въ аудіенцъ-залу Кремлевскаго дворца, охраняемаго нѣсколькими батальонами гвардіи съ заряженными ружьями. Самъ царь, окруженный высшими духовными и гражданскими лицами, обратился къ Алексѣю съ суровымъ словомъ, упрекая его въ дурномъ поведеніи и преступномъ бѣгствѣ. Тотъ упалъ на колѣни и слезно просилъ прощенія. Царь, забывъ о своемъ прощеніи, уже данномъ и скрѣпленномъ клятвою, вновь обѣщалъ его, но теперь подъ условіемъ отказа отъ престолонаслѣдія и выдачи всѣхъ своихъ сообщниковъ въ совер-

шеніи бѣгства. Несчастный, какъ звѣрокъ, затравленный и пойманный въ ловушку, потерялъ всякое самообладаніе и машинально исполнялъ все, чего отъ него требовали. Онъ назвалъ имена сообщниковъ и подписалъ клятвенное отреченіе отъ наслѣдія престола въ пользу маленькаго брата своего, сына Екатерины, царевича Петра Петровича. Въ тотъ же день, 9 Февраля, изданъ былъ обширный царскій манифестъ. Здѣсь излагались вины и пороки Алексѣя, въ которыхъ онъ закоренѣлъ, несмотря на всѣ (якобы) старанія дать ему хорошее воспитаніе, приличное наслѣднику престола; вступивъ въ бракъ съ дочерью владѣтельнаго герцога, онъ не только жилъ съ нею „въ крайнемъ несогласіи“, но еще при ея жизни началъ явную связь съ „бездѣльною и работною дѣвкой“. Далѣе говорилось о напрасныхъ родительскихъ увѣщаніяхъ и трудахъ исправить сына и „обратить его на путь добродѣтели“. Манифестъ особенно останавливается на преступномъ бѣгствѣ царевича къ цесарю, котораго онъ всячески возбуждалъ противъ своего отца и едва не довелъ ихъ до войны.

Хотя за такія свои преступленія царевичъ „достоинъ былъ лишенія живота“, однако царь „его прощаетъ и отъ всякаго наказанія освобождаетъ“ (?); но „для пользы государственной“ и ради сохраненія какъ завоеванныхъ „провинцій“, такъ и всего совершеннаго „неусыпными трудами нашими“, государь лишаетъ сына своего, Алексѣя, наслѣдства престола; а „наслѣдникомъ опредѣляетъ другого сына, Петра“, и тѣ, которые „будутъ считать Алексѣя за наслѣдника“, объявляются измѣнниками отечеству и государю.

Несмотря на вторичное письменно объявленное прощеніе, вслѣдъ затѣмъ и начался жестокій судный розыскъ надъ Алексѣемъ и его сторонниками. Ему были предложены вопросные пункты касательно его бѣгства и пособниковъ. Царевичъ на эти пункты написалъ довольно подробный разсказъ съ указаніемъ на роль главнаго пособника, т.-е. Александра Кикина, потомъ на Никифора Вяземскаго, на Московскаго своего духовника протопопа Якова Игнатьева и Петербургскаго протопопа Георгія, камердинера своего Ивана Большого-Аѳанасьева, Семена Нарышкина, Ѳедора Дубровскаго; упомянулъ о сношеніяхъ своихъ съ кн. Василіемъ Владимировичемъ Долгорукомъ, Ѳедоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ, Сибирскимъ царевичемъ и нѣкоторыми другими лицами. Въ разныя мѣста поскакали курьеры, хватали большую часть оговоренныхъ лицъ и везли ихъ въ Москву на розыскъ. Въ застѣнкахъ Преображенскаго тайнаго приказа засвистали кнуты, неумолчно раздавались удары по голымъ спинамъ вздернутыхъ на дыбу и вымучивались всевозможныя относящіяся къ бѣгству царе-

вича показанія, которыя дьяки тутъ же записывали. Иногда кромѣ того подсудимые писали еще собственноручныя признанія. Болѣе всѣхъ мучили Александра Кикина; его принимались пытать нѣсколько разъ, при чемъ добивались сознанія не только въ дѣлахъ, но и въ рѣчахъ или бесѣдахъ, отдѣльныхъ фразахъ и даже въ самыхъ мысляхъ. Затѣмъ судъ, наряженный изъ высшихъ чиновъ, приговорилъ Кикина къ смертной казни (колесованію) съ отобраніемъ всего его имущества на государя *). Такому же розыску, а впослѣдствіи и смертному приговору подвергся камердинеръ царевича Иванъ Большой-Аѳанасьевъ; тому же подвергся оговоренный Аѳанасьевымъ дьякъ Ѳедоръ Вороновъ, который повторялъ слова кн. Василія Долгорукаго, сказанныя при возвращеніи Алексѣя: „Ѣдетъ сюда дуракъ царевичъ для того, что отецъ ему посулилъ жениться на Афросиньѣ; жолвъ ему, не женитьба будетъ“. Служители царевича Иванъ Меньшой Аѳанасьевъ (братъ предыдущаго), Ѳедоръ Еверлаковъ и нѣкоторые другіе подсудимые послѣ пытокъ биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь. Учитель царевича Никифоръ Вяземскій былъ пытанъ и потомъ сосланъ въ Архангельскъ. Пытанные оговаривали еще разныхъ лицъ, которыхъ хватали и подвергали разспросу, и все за разговоры или словесные отзывы о дѣлѣ царевича. Однако знатнымъ лицамъ оказывалось большее или меньшее снисхожденіе. Такъ, генералъ-лейтенантъ князь Василій Долгорукій былъ привезенъ въ Москву въ кандалахъ и подвергнутъ допросу, хотя и безъ пытки; но за него вступился его родственникъ, столь извѣстный, князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій и написалъ царю челобитную о милосердіи; самъ кн. Василій подалъ повинную грамоту. Наказаніе ему ограничилось ссылкой въ Соликамскъ (откуда впослѣдствіи былъ возвращенъ).

Царевна Марья Алексѣевна также была подвергнута допросу, конечно, безъ пытки. Но такъ какъ открылись ея тайныя сношенія съ инокиней Еленою (Евдокіей Ѳедоровной изъ рода Лопухиныхъ), то за бывшею царицей въ Суздальскій Покровскій монастырь поскакалъ Преображенскій капитанъ Скорняковъ-Писаревъ. Войдя неожиданно въ ея келью, онъ засталъ ее не въ монашескомъ, а въ мірскомъ платьѣ; перерылъ ея сундуки и нашелъ нѣсколько подозрительныхъ бумагъ, а на жертвенникѣ въ Благовѣщенской церкви писанную ектенью, которая поминала о здравіи „благочестивѣйшую великую государыню Евдокію Ѳеодоровну“. Привлеченіе къ суду Евдокіи-Елены широко распространило и усложнило судный процессъ, ибо повело

*) Преданіе увѣряетъ, что Кикинъ сказалъ Петру: Русскій умъ любитъ просторъ, а при тебѣ ему тѣсно. П. Б.

за собою арестъ многихъ связанныхъ съ нею лицъ, каковы: братъ ея Авраамъ Лопухинъ, князь Семенъ Щербатый, Суздальскій протопопъ Андрей Пустынный, ключарь Ѳедоръ Пустынный, старица-казначея Маремьяна, старица Каптелина и т. д. Изъ показаній старицъ Маремьяны и Каптелины открылась любовная связь Евдокіи Ѳедоровны съ генераломъ Степаномъ Богдановымъ Глѣбовымъ, съ которымъ она познакомилась во время его пріѣзда въ Суздаль для рекрутскаго набора. Разумѣется, Глѣбовъ былъ немедля схваченъ. Онъ сознался въ означенной любовной связи и въ полученіи отъ нея писемъ, писанныхъ старицей Каптелиной *). Сознаніе однако не спасло его отъ пытокъ, посредствомъ которыхъ тщетно вымучивали показанія о прикосновенности его и бывшей царицы къ бѣгству царевича. Изъ розыска между прочимъ открылись дружба и сношенія Евдокіи и Глѣбова съ епископомъ Ростовскимъ Досифеемъ, прежде бывшимъ архимандритомъ Спасскаго Евфимьева монастыря. Оказалось, что именно онъ поощрилъ Евдокію снять монашеское платье, покровительствовалъ ея связи съ Глѣбовымъ, поминалъ ее царицею и пророчествовалъ, что государь опять возьметъ ее къ себѣ. Арестованный Досифей былъ соборнѣ лишенъ архіерейскаго сана и названъ просто разстригою Демидомъ, а затѣмъ подвергнутъ розыску и неоднократнымъ пыткамъ. Одновременно съ нимъ такимъ же пыткамъ подвергли и брата Евдокіи Авраама Лопухина. Пытали также и князя Семена Щербатаго. Не перечисляемъ разныхъ второстепенныхъ лицъ, привлеченныхъ къ розыску по такъ-наз. Суздальскому дѣлу, т.-е. за сношенія съ бывшей царицей или услуги ей оказанныя. Въ срединѣ Марта 1718 года послѣдовалъ по сему дѣлу приговоръ: Степанъ Глѣбовъ былъ посаженъ на колъ, бывшій епископъ Досифей колесованъ, ключарь Ѳедоръ Пустынный и пѣвчій царевны Маріи Ѳедоръ Журавскій также казнены смертью. На Кремлевской площади поставили каменный четырехугольный столбъ, на которомъ положили трупы казненныхъ, и головы ихъ воткнули на желѣзные шпицы, утвержденные по сторонамъ столба. Авраамъ Лопухинъ, подобно Ивану Аѳанасьеву, пока не казненъ и отосланъ въ Петербургъ для продолженія розыска. Остальные биты кнутомъ и сосланы, при чемъ нѣкоторые, какъ князь Семенъ Щербатовъ, съ урѣзаніемъ языка и вырываніемъ ноздрей. Въ числѣ осужденныхъ женщинъ были княгиня Настасья Голицына, которую наказали батогами и сослали на прядильный дворъ, и княгиня Настасья Троекурова (сестра Авраама Лопухина), которая „по жестокомъ наказаніи“ (бита кнутомъ) сослана въ дальній монастырь.

*) Имѣются показанія о томъ, что все это выдумано, и письма— поддѣльныя. П. Б.

Сама бывшая царица Евдокія-Елена Ѳедоровна отправлена въ заточеніе въ Ладожскій дѣвичій монастырь, а царевна Марія Алексѣевна въ Шлиссельбургъ (въ слѣдующемъ году возвращена въ Петербургъ, гдѣ скончалась въ 1723 г.).

Во второй половинѣ Марта Петръ съ дворомъ и царевичемъ переѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и тамъ продолжалъ розыскъ по дѣлу Алексѣя Петровича, который былъ совершенно подавленъ этимъ розыскомъ и думалъ утопить горе въ винѣ. Въ Апрѣлѣ воротилась Евфросинья съ братомъ Иваномъ и служителями царевича. Послѣдній, въ день Святой Пасхи, на колѣняхъ умолялъ Екатерину исходатайствовать ему бракъ съ возлюбленной, но тщетно. Очевидно, несчастный все еще надѣялся на отцовское помилованіе. Служители его немедля подверглись пыткамъ и разспросамъ. Вмѣстѣ съ другими арестованными лицами посаженная въ Петропавловскую крѣпость, Евфросинія разрѣшилась отъ бремени. Тогда ее также привлекли къ розыску, но безъ пытокъ: во-первыхъ, ей были обязаны возвращеніемъ царевича, а во-вторыхъ, она почти ни въ чемъ не запиралась и давала на все откровенныя показанія, нисколько не жалѣя своего обожателя.

Допросы касались, конечно, главнымъ образомъ бѣгства, заграничнаго пребыванія и письменныхъ сношеній его какъ съ иноземными покровителями, такъ и со своими сторонниками въ Россіи. Евфросинія передала даже интимные разговоры, которые царевичъ иногда велъ съ нею объ отцѣ, о своихъ сторонникахъ, о своихъ намѣреніяхъ и надеждахъ. Напримѣръ, онъ выражалъ намѣреніе, когда станетъ государемъ, то будетъ жить зиму въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ, Петербургъ же оставитъ простымъ городомъ, также и кораблей держать не будетъ, а войско только для обороны, ибо войны ни съ кѣмъ не хотѣлъ и т. п. По поводу воли Петра учинить наслѣдникомъ сына-младенца, говорилъ: „надѣется отецъ мой, что жена его, а моя мачиха умна, а когда учиня сіе умретъ, то будетъ бабье царство! И добра не будетъ, а будетъ смятеніе: иные станутъ за брата, иные за меня“. Показанія Евфросиніи повели за собою новые большею частью письменные допросные пункты самому Алексѣю; въ отпискахъ своихъ онъ отчасти сознался, отчасти запирался.

Домогательства враговъ царевича добыть уничтожающія его показанія такимъ образомъ увѣнчались успѣхомъ. На ихъ основаніи установлено было, что онъ неискренно отказывался отъ престолонаслѣдія, а въ дѣйствительности очень желалъ наслѣдовать и не прочь

былъ искать для того иноземной помощи, напримѣръ, цесарской; разсчитывалъ и на внутреннюю смуту, т.-е. на массу недовольныхъ Петровскими жестокостями и преобразованіями, особенно на духовенство и даже на армію, и хотя никакого злодѣянія не замышлялъ противъ отца, но ожидалъ скорой его смерти, на основаніи разныхъ соображеній, напримѣръ, частыхъ недомоганій, видѣній и пророчаній.

Великій преобразователь съ свойственной ему плодовитостью въ Маѣ и Іюнѣ сочинилъ по сему поводу нѣсколько обращеній къ народу, къ духовнымъ и гражданскимъ чинамъ. Главный смыслъ сихъ обращеній заключался въ томъ, что хотя онъ и обѣщалъ царевичу прощеніе, но будто бы подъ условіемъ чистосердечнаго и полнаго во всемъ признанія и раскаянія; а такъ какъ Алексѣй не исполнилъ сего условія, то прощеніе ему не въ прощеніе. 14 Іюня онъ былъ взятъ подъ караулъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, въ Трубецкой раскатъ, гдѣ устроенъ былъ и пыточный застѣнокъ. Призванные дать свое мнѣніе архіереи и другія духовныя лица, съ митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ во главѣ, на сей разъ дали достойный духовенства отвѣтъ въ такомъ смыслѣ: если государь захочетъ наказать сына, то найдетъ соотвѣтствующіе тому примѣры въ Ветхомъ Завѣтѣ, а если соблаговолитъ помиловать, то имѣетъ тому образецъ въ самомъ Христѣ, который сказалъ; „Милости хощу, а не жертвы“. Чины гражданскіе и военные, прежде нежели дать отвѣтъ, рѣшили непосредственно допросить въ Сенатѣ какъ самого царевича, такъ и другихъ подсудимыхъ, т.-е. Абрама Лопухина, Ѳедора Дубровскаго, Никифора Вяземскаго, кн. Вас. Долгорукаго и протопопа Якова Игнатьева. Лопухинъ, Дубровскій, Игнатьевъ допрашивались подъ жестокими пытками. Ничего новаго отъ нихъ не узнали; повторялись все тѣже слухи и разговоры.

Кажется, розысками Московскимъ и Петербургскимъ, пыточный матеріалъ для обвиненій былъ уже собранъ въ достаточномъ количествѣ. Но врагамъ Алексѣя Петровича этого было мало; ни его постриженіе въ монахи, ни его заключеніе ихъ не удовлетворяли; имъ нужно было извести его, чтобы впослѣдствіи онъ никоимъ образомъ не могъ явиться претендентомъ на престолъ. И они рѣшили извести его простымъ способомъ: пытками. Хотя царевичъ въ концѣ-концовъ сознался почти во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, тѣмъ не менѣе, по приказу царя, 19 Іюня 1718 года его привели въ застѣнокъ и стали спрашивать: правду ли онъ показалъ на многихъ людей, т.-е. собственно на сказанныя тѣмъ или другимъ слова, не поклепалъ ли кого? Напримѣръ, правда-ли, что „царевна Марья вѣдала о его побѣгѣ

и говорила, что (въ народѣ) осуждаютъ отца, будто онъ мясо ѣстъ въ посты и мать (Алексѣя) оставилъ" Или: правда ли, что кн. Василій Долгорукій говорилъ: „Давай-де отцу писемъ хоть тысячу, когда-де что̀ будетъ" Или: правда ли, что на исповѣди онъ сказалъ своему духовнику Якову Игнатьеву, что желаетъ отцу смерти, а тотъ отвѣтилъ: „Богъ тебя проститъ; мы-де и всѣ желаемъ ему смерти". И такія „правда ли?" повторяются почти о всѣхъ оговоренныхъ лицахъ. Несчастнаго царевича вздернули на дыбу и отсчитали ему 25 ударовъ, чтобы получить отъ него подтвержденіе всѣхъ его показаній. Не довольствуясь тѣмъ, Петръ, спустя три дня, посылаетъ въ крѣпость Толстого допросить царевича, по какой причинѣ онъ не слушался отца и не боялся за то наказанія, а наслѣдія престола добивался „не послушаніемъ, но иною дорогою". Какъ ни странны были подобные вопросы послѣ столькихъ розысковъ и пытокъ, Алексѣй Петровичъ пишетъ на нихъ отвѣтъ со ссылками на дурное вліяніе поповъ и чернецовъ, на свое злонравіе и на свою преступную надежду получить вооруженную помощь отъ цесаря. Очевидно, если записи показаній вѣрны дѣйствительности, паревичъ съ отчаянія или по принужденію самъ писалъ на себя все, что̀ отъ него требовали его враги, только бы его болѣе не мучили. Тщетная надежда. 24 Іюня его опять повели въ застѣнокъ и дали 15 ударовъ, снова поставивъ вопросы: „Все ли написалъ правду, не поклепалъ ли кого, не утаилъ ли чего?"

Между тѣмъ Петръ назначилъ для него верховный судъ изъ 127 человѣкъ. Сюда вошли знатнѣйшіе чины, начиная съ князя Меньшикова, генералъ-адмирала графа Апраксина, канцлера графа Головкина, кончая капитанами и поручиками, изъ коихъ нѣкоторые были совсѣмъ неграмотные. Верховный судъ 24 Іюня единогласно приговорилъ царевича къ смертной казни, что̀ согласовалось, конечно, съ волею самого царя.

Казалось бы, Петру оставалось или всѣмъ завѣдомо исполнить смертный приговоръ, или смягчить наказаніе, или совсѣмъ помиловать. Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, ни третьяго. Спустя два дня послѣ приговора, а именно 26 Іюня въ 7-мъ часу пополудни царевичъ скончался. Таково было офиціальное извѣстіе. Но какъ и почему скончался, о томъ строго сохранялась непроницаемая тайна. А вслѣдствіе тайны дано было широкое поприще для всякаго рода слуховъ и догадокъ. Поэтому и явилось такое разнообразіе въ извѣстіяхъ современниковъ и ближайшаго потомства о смерти царевича. Такъ, Ганноверскій резидентъ Веберъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ (Das

Veränderte Russland) даетъ сентиментальный разсказъ о томъ, что объявленіе смертнаго приговора вызвало у царевича апоплексическій ударъ, что царь посѣтилъ умирающаго сына, снисходя къ его мольбамъ, далъ ему прощеніе и благословеніе и ушелъ, заливаясь слезами. Австрійскій резидентъ Плейеръ доносилъ своему начальнику, что царевичу отрубили голову мечомъ или топоромъ. Голландскій резидентъ Яковъ де-Би доносилъ своему правительству, что Алексѣй Петровичъ умеръ отъ растворенія жилъ. Англійскія записки Генриха Брюса сообщаютъ, что ему поднесенъ былъ напитокъ съ ядомъ. Сомнительное письмо Александра Румянцева къ Д. Н. Титову повѣствуетъ, какъ онъ, Румянцевъ, вмѣстѣ съ Бутурлинымъ, Толстымъ и Ушаковымъ задушили подушкою царевича по приказу царя. Наконецъ, въ одномъ Французскомъ изданіи XVIII столѣтія приведено извѣстіе, будто самъ царь топоромъ отрубилъ голову сыну.

Всѣ приведенныя сейчасъ извѣстія о смерти Алексѣя болѣе или менѣе недостовѣрны. Настоящій свѣтъ на эту трагическую кончину проливаетъ „Записная книга С.-Петербургской гарнизонной канцеляріи“. Она лаконически отмѣчаетъ, что 26 Іюня въ 8-мъ часу пополуночи въ крѣпости собрались самъ царь, кн. Меньшиковъ, кн. Долгорукій, Головкинъ, Апраксинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Стрѣшневъ, Толстой, Шафировъ и Бутурлинъ. „И учиненъ былъ застѣнокъ“. Въ 11 часовъ власти разъѣхались, а „въ 6-мъ часу пополудни царевичъ, Алексѣй Петровичъ, преставился“. Въ полномъ согласіи съ симъ извѣстіемъ находятся „Поденныя записки дѣламъ князя Меньшикова“, которыя говорятъ о томъ, какъ этотъ день провелъ свѣтлѣйшій, однако безъ упоминанія о застѣнкѣ. Во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ вѣроятно: царевичъ подвергся третьему пыточному розыску, и на сей разъ смертельному. Чего еще, какихъ признаній отъ него могли добиваться его судьи и палачи, хотя и придумали новые вопросные пункты по поводу его выписокъ изъ Баронія? Конечно, добивались уже не признаній, а самой смерти. Только эта смерть могла упрочить наслѣдіе престола за маленькимъ сыномъ Екатерины и успокоить опасенія за свою будущую судьбу какъ Екатерины, такъ и Меньшикова. Тогда какъ первая показывала видъ печали, послѣдній даже не скрывалъ своего удовольствія послѣ кончины царевича. Самъ Петръ по наружности оставался равнодушнымъ, а на слѣдующій день 27 Іюня, день Полтавской побѣды, праздновалъ дневнымъ пиромъ и вечернимъ увеселеніями. Тѣло царевича 28 числа вынесли изъ крѣпости въ ближайшій деревянный Троицкій соборъ. А 29-го Петръ праздновалъ свои именины спускомъ новаго корабля и пиромъ до

поздней ночи. 30-го, наконецъ, торжественно похоронили Алексѣя въ крѣпостномъ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ его супругой Шарлоттой *).

Розыскъ, т.-е. допросы и пытки, и послѣ смерти царевича продолжался съ неослабной энергіей и закончился только въ Декабрѣ. Одни изъ подсудимыхъ (Абрамъ Лопухинъ, Вороновъ, Яковъ Игнатьевъ, Иванъ Аѳанасьевъ, Дубровскій) были казнены, и отрубленныя головы ихъ воткнуты на желѣзныхъ спицахъ вокругъ каменнаго столба. Другіе биты кнутомъ съ урѣзаніемъ языка и рваніемъ ноздрей.

Евфросинья за ея предательство получила свободу вмѣстѣ съ частью Алексѣева имущества, удостоилась милостей и, если вѣрить одному извѣстію, вышла замужъ за офицера, служившаго въ томъ же Петропавловскомъ гарнизонѣ.

VIII.

Заключеніе.

Само собой разумѣется, что такое сложное событіе, какъ дѣло царевича Алексѣя, вызывало разнообразные взгляды, сужденія и отношенія въ исторической литературѣ.

Академикъ Устряловъ посвятилъ сему дѣлу большой томъ съ приложеніемъ свыше 200 документовъ, извлеченныхъ изъ Русскихъ государственныхъ архивовъ, а также изъ Вѣнскаго Тайнаго Архива, и большею частію впервыя обнародованныхъ. Но, преслѣдуя чисто-фактическую сторону сего дѣла, онъ воздержался отъ какихъ-либо положительныхъ выводовъ и даже отъ догадокъ относительно закулисной его стороны, а тѣмъ менѣе коснулся его государственнаго значенія. За то другой академикъ, Погодинъ, въ своемъ Отчетѣ объ изданномъ Устряловымъ дѣлѣ царевича, проникнутъ явною симпатіей къ послѣднему и близко подходитъ къ истинѣ, заподозривъ въ гоненіи на него интригу нѣкоторыхъ близкихъ къ царю лицъ, главнымъ образомъ, Екатерины и Меньшикова. Третій академикъ, Соловьевъ, наоборотъ, съ явнымъ несочувствіемъ относится къ Алексѣю, видитъ въ немъ опасное орудіе Московской реакціи противъ Петровскихъ преобразованій и склоняется на сторону того мнѣнія (оно же высказано самимъ Петромъ), которое полагаетъ, что царь пожертвовалъ сыномъ для спа-

*) Лишь въ прошломъ году найдено тѣло царевича Алексѣя Петровича въ колокольнѣ Петропавловской крѣпости. П. Б.

сенія своихъ реформъ, т.-е. ради блага государственнаго. Почти той же точки зрѣнія держится Костомаровъ. Четвертый академикъ, В. О. Ключевскій, въ IV выпускѣ своего „Курса Русской исторіи“, посвященномъ по преимуществу Петру Великому, совсѣмъ пропустилъ дѣло царевича, и только въ параграфѣ о „престолонаслѣдіи Петра I“ онъ замѣтилъ: „Спасая свое дѣло, отецъ во имя его пожертвовалъ и сыномъ“, слѣдовательно, безъ всякихъ разсужденій, примкнулъ къ мнѣнію Соловьева. Къ тому же мнѣнію, конечно, присоединились писавшіе спеціально объ этомъ дѣлѣ историки-Нѣмцы, именно: Марбургскій профессоръ Эрнестъ Германъ и въ особенности Дерптскій профессоръ А. Брикнеръ; послѣдствія показали, что устраненіе Алексѣя Петровича отъ престола болѣе всего принесло пользу Нѣмецкимъ интересамъ. Брикнеръ не безъ паѳоса ставитъ Петра передъ задачей: или пожертвовать сыномъ, или поставить на карту свои реформы, судьбу своихъ жены и рожденныхъ отъ нея дѣтей, интересы государства, народа и, можетъ быть, судьбу всей Россіи. Упомяну еще Польско-французскаго писателя К. Валишевскаго, который въ большомъ томѣ, посвященномъ Петру Великому, съ обычною своею развязностью и болтливостью передаетъ подробности по дѣлу царевича и даже приводитъ неблагопріятный для Петра отзывъ объ этомъ дѣлѣ Вольтера; но, оставаясь равнодушенъ къ его трагической развязкѣ, онъ не даетъ ему историческихъ объясненій и выводовъ.

Никто, однако, изъ названныхъ историковъ не остановился на этой развязкѣ съ точки зрѣнія ея дѣйствительныхъ послѣдствій, не попытался дать всему дѣлу настоящее мѣсто въ Русской исторіи и не оцѣнилъ всей его важности по отношенію къ дальнѣйшимъ судьбамъ Русскаго народа и государства. Почти у всѣхъ оно является какимъ-то непріятнымъ эпизодомъ въ знаменитомъ царствованіи, и только.

Что же такого таинственнаго и неожиданнаго узналъ Петръ вслѣдствіе варварскихъ истязаній сына, его близкихъ и его сторонниковъ? Да почти все тоже, что̀ доходило до него и изъ другихъ источниковъ. А именно: что многіе Русскіе люди сѣтовали на крайнюю жестокость и деспотичность царя, на страшную тяжесть безконечной Шведской войны, на его пристрастіе къ иноземцамъ, на его рѣзкое неуваженіе къ старымъ Русскимъ обычаямъ и преданіямъ, на его презрительное отношеніе къ церковной іерархіи и т. п. Естественно, эти люди питали надежду, что послѣ Петра произойдутъ перемѣны, когда на престолъ взойдетъ наслѣдникъ его Алексѣй Петровичъ, обнаруживший приверженность къ Русской старинѣ вообще и особую

привязанность къ православной церковности; а потому втайнѣ желали, чтобы перемѣна царствованія наступила возможно скорѣе. Самъ Алексѣй, пренебрегаемый, гонимый, угрожаемый лишеніемъ свободы и даже жизни, конечно въ сердцѣ своемъ питалъ тоже желаніе. Но всѣ старанія розыска обвинить его въ попыткахъ устроить заговоры и мятежи противъ отца являлись совершенно несоотвѣтствующими дѣйствительности. Всѣ подобныя обвиненія основывались только на разговорахъ людей недовольныхъ, на слухахъ, случайно сказанныхъ фразахъ и т. п. Алексѣй до того былъ забитъ и такъ боялся отца, что не представлялъ для него ровно никакой опасности и дрожалъ только за собственное существованіе. Карать же его за то, что онъ былъ плохо воспитанъ, что у него былъ другой характеръ, чѣмъ у отца, иныя наклонности и привычки и даже нѣсколько иное міровоззрѣніе, такая кара является величайшею несправедливостью. Въ плохомъ воспитаніи, въ устраненіи отъ государственныхъ дѣлъ и отчужденіи отъ отца прежде всего и болѣе всего виноватъ самъ отецъ, рано лишившій сына и материнскихъ попеченій, и собственной родительской любви и оставившій его въ извѣстномъ окруженіи людьми старорусскаго закала. А кто же привилъ ему пагубную привычку къ черезмѣрному винопитію, какъ не самъ царь собственнымъ примѣромъ и не главный его наперсникъ Меньшиковъ, намѣренно спаивавшій порученнаго его руководительству царевича? Затѣмъ, выдвинутыя главнымъ основаніемъ казни, пресловутыя опасенія за судьбу Петровскихъ преобразованій въ случаѣ воцаренія Алексѣя не выдерживаютъ исторической критики. Полный возвратъ къ старинѣ отнюдь не былъ возможенъ: такъ далеко продвинулась Русь и въ политическомъ, и въ географическомъ отношеніи. Отмѣна регулярной арміи прямо была немыслима; а высказанное намѣреніе упразднить флотъ было пустою фразою, брошенною въ интимномъ разговорѣ съ возлюбленною въ горькія минуты, когда человѣкъ способенъ заговариваться и нести всякій вздоръ; отрезвленіе не замедлитъ, какъ скоро тотъ же человѣкъ станетъ лицомъ къ лицу съ желѣзной дѣйствительностью и вопіющими потребностями своей страны. Вспомнимъ, что къ Балтійскому морю и заведенію тамъ флота стремился уже дѣдъ царевича высокочтимый имъ Алексѣй Михайловичъ. Итакъ, всѣ выставленныя выше причины нисколько не оправдываютъ Петра въ его варварской казни царевича и въ попраніи имъ клятвенно даннаго и подписаннаго царскаго слова помиловать сына, если тотъ вернется въ отечество. Ясно, что не эти причины руководили окончательнымъ царскимъ рѣшеніемъ; а тутъ дѣйствовала интрига такихъ близкихъ и заинтересованныхъ лицъ, какъ Меньшиковъ и Екатерина, которые не считали

свое будущее положеніе обезпеченнымъ, пока оставался въ живыхъ царевичъ Алексѣй.

И великій человѣкъ легко поддавался этимъ интригамъ противъ его нелюбимаго сына отъ перваго брака, въ пользу другого,—отъ любимой второй супруги.

Историческая Немезида не замедлила поразить Петра въ самое сердце: въ 1719 году умеръ объявленный имъ наслѣдникомъ престола маленькій царевичъ Петръ Петровичъ. Хотя наслѣдство по всѣмъ правиламъ должно было перейти опять къ внуку, Петру Алексѣевичу, но сынъ опальнаго казненнаго царевича Алексѣя, очевидно, не пользовался расположеніемъ дѣда, и царь въ 1722 году издалъ указъ о томъ, что Русскій государь, въ силу своей неограниченности, можетъ назначить себѣ преемникомъ кого угодно. Но, какъ извѣстно, Петръ скончался, не успѣвъ никого назначить, и Русскій престолъ сдѣлался игралищемъ въ рукахъ придворныхъ партій и петербургской гвардіи; о желаніи Русскаго народа въ такихъ случаяхъ Петербургъ уже не спрашивалъ. Какъ, уважаемый Петромъ и сродный ему по жестокости и кровопійству, Иванъ Грозный убійствомъ старшаго сына прекратилъ династію Св. Владимира и тѣмъ вызвалъ смутное время на Руси, такъ и Петръ убійствомъ своего первенца прекратилъ династію Романовыхъ (т.-е. ея мужескую линію), и за нимъ послѣдовало подобіе смутнаго времени, пока престолъ не укрѣпился за потомствомъ его дочери, Анны. Подобно Грозному, онъ своими пытками и казнями сломилъ всѣ попытки къ отпору его нововведеніямъ и довелъ царскую власть до ничѣмъ неограниченнаго самовластія; вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе испортилъ народный характеръ, усиливая въ немъ раболѣпіе. А главное, своимъ пристрастіемъ къ иноземцамъ, полнымъ униженіемъ родовой Русской аристократіи, отмѣною Боярской думы (разумѣя вмѣстѣ съ нею и Освященный соборъ) и водвореніемъ бюрократіи, переполненной на верхнихъ ступеняхъ Нѣмцами, онъ приготовилъ Нѣмецкое господство на Руси. Онъ устранилъ сына, и вмѣсто послѣдняго, спустя только 5—6 лѣтъ послѣ кончины царя, управленіе Россіей захватила группа Нѣмецкихъ дѣльцовъ, съ проходимцемъ-Бирономъ во главѣ. Этотъ проходимецъ, какъ правитель Россіи, есть всецѣло слѣдствіе Петровскихъ преобразовательныхъ крайностей: послѣ Алексѣя Михайловича онъ былъ невозможенъ, а послѣ Петра сдѣлался не только возможностью, но и дѣйствительностью. Нѣмецкое господство воспользовалось именно указанными сторонами Петровой дѣятельности, чтобы легко устранить всякое себѣ противодѣйствіе, т.-е. воспользовалось всею полнотою неограниченной верховной власти,

униженіемъ родовой знати и церковной іерархіи, а также раболѣпными привычками, внѣдренными Русскому обществу при помощи застѣнка и топора.

Наступившее вслѣдъ за кончиной Преобразователя подобіе смутнаго времени не уничтожило его главныхъ преобразованій, военныхъ, правительственныхъ и общественныхъ, и ясно показало, какъ неосновательны были его опасенія на случай перехода власти въ руки царевича Алексѣя. Наоборотъ, послѣдствія сыноубійства создали именно ту политическую атмосферу, которая постоянно ослабляла дальнѣйшее дѣйствіе произведенныхъ реформъ и мѣшала Русскому государству, т.-е. Восточной Европѣ, стать на равную ногу съ Западной въ смыслѣ Европейской культуры. Прошло 200 лѣтъ со времени этихъ реформъ, а Россія не догнала Европу и является почти такою же отсталою по культурѣ какъ и въ его время. Петръ страстно стремился къ морю и завоевалъ Балтійскіе берега; но, и 200 лѣтъ спустя, эти берега остаются не-Русскими. Основанный имъ на Чухонской окраинѣ, удаленный отъ Русскаго центра, Петербургъ не только ихъ не обрусилъ, но въ семъ отношеніи даже сдѣлалъ шагъ назадъ, подаривъ Чухонцамъ завоеванную Петромъ и его дочерью Елисаветою Выборгскую губернію и поставивъ Русскую народность ниже Чухонской въ правахъ гражданства. Однимъ словомъ, недостатокъ національной политики въ теченіе Петербургскаго періода имѣетъ своимъ началомъ излишнее преклоненіе Преобразователя передъ иноземщиной и крайне неуважительное отношеніе къ своей коренной народности, къ ея вѣковымъ преданіямъ и обычаямъ, многіе изъ коихъ заслуживали болѣе бережнаго съ ними обращенія, а не жестокихъ пытокъ и казней, или глумленія надъ ними всепьянѣйшаго собора, безпощаднаго брадобритія и т. п. Петръ далеко не оцѣнилъ громадныхъ жертвъ, принесенныхъ народомъ ради завоеванія Балтійскихъ береговъ, не оцѣнилъ преданнаго, даровитаго Русскаго племени, которое сумѣло бы безъ особаго принужденія усвоить себѣ дѣйствительно нужныя и полезныя преобразованія, и только страстная натура царя, его нетерпѣливость, тираннія и не всегда присущее умѣнье отличить необходимыя реформы отъ несущественныхъ вызывали въ народной средѣ ропотъ и духъ противорѣчія, доходившій иногда до явнаго неповиновенія, особенно со стороны приверженцевъ стараго церковнаго обряда, которые видѣли въ немъ даже Антихриста. Культурный разрывъ наружно европеизованныхъ высшихъ классовъ съ народною массою, а также недостатокъ единенія царя съ кореннымъ Русскимъ народомъ начались именно съ Петра Великаго. Этотъ недостатокъ единенія поддерживался и

усиливался, благодаря въ особенности Нѣмецкимъ бракамъ, каковые явились одною изъ наиболѣе упрочившихся Петровскихъ реформъ.

Повторяю, никто другой какъ Петръ приготовилъ наступившее вслѣдъ за нимъ подобіе извѣстной смутной эпохи начала XVII вѣка. Жалкій, забитый царевичъ Алексѣй обнаружилъ не малую наблюдательность и даже недюженный природный умъ нѣкоторыми своими сужденіями (конечно, въ близкой ему средѣ), объ отцовскихъ дѣйствіяхъ и мѣропріятіяхъ. Между прочимъ, онъ мѣтко предсказалъ скорое наступленіе *бабьяго царства* и предчувствовалъ грядущее господство на Руси Нѣмцевъ. Насильственное устраненіе его отъ престола болѣе всего принесло пользу симъ послѣднимъ, а для Русскаго народа отнюдь не было благодѣяніемъ. Конечно, безпримѣрная дѣятельность и геніальность Петра навсегда стяжали ему наименованіе *Великаго* и провели рѣзкую грань между старымъ, Московскимъ, и новымъ, Петербургскимъ, періодами Русской исторіи. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ Петровская эпоха послужила переходною ступенью отъ патріархальнаго и національнаго Московскаго самодержавія къ бюрократичному и космополитичному Петербургскому абсолютизму.

Исторія оцѣниваетъ такія богатырскія личности не только по ихъ задачамъ, стремленіямъ и побѣжденнымъ препятствіямъ, но также и по важнѣйшимъ послѣдствіямъ ихъ дѣятельности. И наше поколѣніе, когда почти всѣ таковыя послѣдствія достаточно выяснились, съ большею основательностью и безпристрастіемъ, чѣмъ предыдущія поколѣнія, можетъ подводить историческіе итоги дѣяніямъ великаго Преобразователя земли Русской и указывать не только лицевую, но и оборотную ихъ сторону.

Д. Иловайскій.

Съ позволенія глубокоуважаемаго маститаго историка, заимствуемъ эту статью изъ 45—47 листовъ его „Кремля“. Читатели цѣнятъ въ ней и обширную ученость, и трезвость сужденій, и благородное изящество безъискуственной рѣчи. П. Б.

ПИСЬМО П. С. САЛТЫКОВА КЪ А. П. ВОЛЫНСКОМУ *).

1719 г.

Превосходительный господинъ и высокоповелительный губернаторъ. Мой государь Артемій Петровичъ. Уже я вашему превосходительству давно извѣстилъ, что указъ царскаго величества изъ Сената о бытности вашему превосходительству въ Астраханской губерніи губернаторомъ я получилъ и давно объ отдачѣ надлежащія по указомъ вѣдомости отъ Казанской [губерніи чинилъ, По тому царскаго величества указу, неотмѣнно отъ меня въ Казани писано тако жъ, что и въ Казанскую губернію. Опредѣленъ на мое мѣсто губернаторомъ же бояринъ Алексѣй Петровичъ Салтыковъ и что канцеляріи и подъячихъ и прочіе служители отъ меня ему отданы, въ ономъ письмѣ упомянуто, которое письмо, надѣюсь, до рукъ вашего превосходительства уже дошло. А сего Іюля 6 дня получилъ я Великаго Государя грамоту изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о вспоможеніи съ Терка Кумыцкому владѣльцу Алдигирею-Шевкалу, и понеже Терекъ опредѣленъ быть подъ вѣдѣніемъ вашего превосходительства въ Астраханской губерніи, того ради оную грамоту при семъ письмѣ къ вашему превосходительству (прилагаю ?) и о пріемѣ той грамоты и объ опредѣленіи по ней благоволите ваше превосходительство учинить по указу Царскаго Величества.

вашего превосходительства нижайшій слуга

Петръ Салтыковъ.

Іюля 19 дня
л. 1719.

Къ письму приложена нижеслѣдующая подлинная грамота **).

---

*) Письмо это отыскано мною въ разрозненныхъ бумагахъ Астраханскаго губернскаго архива. Оно точно установляетъ начало дѣятельности А. П. Волынскаго въ званіи „царскаго генералъ-адъютанта“ и губернатора вновь учрежденной Астраханской губерніи, входившей до 1719 г. въ составъ губерніи Казанской. Очевидно. Волынскій уже тогда пользуется большою силою: „ближній бояринъ“ Казанскій губернаторъ Салтыковъ относится къ нему съ особливымъ почитаніемъ. П. Ю.

**) Эта грамота впервыя появляется въ печати: ея нѣтъ ни въ Актахъ Историческихъ, ни въ Полномъ Собраніи Законовъ. П. Ю.

Отъ великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца въ нашу отчину въ Казань ближнему боярину и губернатору нашему Казанскому Петру Самойловичу Салтыкову съ товарищи.

Указали мы великій государь по прошенію подданнаго нашего Кумыцкаго владѣльца Алдигирея Шаѳкала, чрезъ посланнаго его Мамета Алапхачеева къ намъ учиненному, когда на него будутъ приходить войною какія орды и онъ Кумыцкій владѣлецъ будетъ отъ себя писать на Терекъ къ коменданту нашему и требовать себѣ отъ пришедшихъ на него ордъ о вспоможеніи войски нашими, и дабы онъ Терскій комендантъ ему въ такомъ случаѣ войски нашими Яицкимъ, такожъ и казаками Терскими и Гребенскими, по возможности вспомогалъ и ни до какого раззоренія не допускалъ, по его, яко въ подданствѣ нашемъ и въ вѣрности быть обѣщающагося, охранялъ; тако жъ и впредь сего обыкновенію къ нему пѣхотный караулъ съ пушками и съ потребнымъ числомъ на оныхъ аммуниціи и пушкарей посылать и въ потребной случай тотъ караулъ и умножать. И тебѣ, ближнему боярину нашему и губернатору, послать отъ себя къ нему Терскому коменданту нашъ великаго государя указъ, чтобъ онъ о томъ вспоможеніи ему Алдигирею чинилъ противъ вышеписаннаго нашего великаго государя указу. А что у него Терскаго коменданта въ томъ чинится будетъ, о томъ бы къ намъ великому государю писалъ, а отписки свои велѣлъ подавать въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, государственному нашему канцлеру и кавалеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину, да государственному подканцлеру тайному совѣтнику барону Петру Павловичу Шаѳирову. Писано на Котлинѣ островѣ при Кронштотѣ, лѣта ҳаѱѳі (1719) году, Іюня въ день. Баронъ Петръ Шафировъ. Иванъ Губинъ. Секретарь Иванъ Абрамовъ.

Сообщилъ П. Л. Юдинъ

САМОЗВАНЕЦЪ ПУГАЧОВЪ.

Новооткрытыя о немъ показанія.

Немногимъ, навѣрно, извѣстно, что Пугачовъ побывалъ на Кавказѣ, среди Терскихъ казаковъ, прежде чѣмъ стать во главѣ Яицкаго мятежа. Объ этомъ обстоятельствѣ, очевидно, не вѣдали ни кн. Щербатовъ, ни Пушкинъ, ни Дубровинъ, ни другіе изслѣдователи Пугачовщины, такъ какъ нижеслѣдующія показанія о немъ находятся въ Ставропольскомъ и въ особенности въ Кизлярскомъ архивахъ. Хотя эти показанія отрывочны, однако они проливаютъ иной свѣтъ на жизнь самозванца.

Вышепоименованные изслѣдователи Яицкаго мятежа называютъ Пугачова Донцомъ. Даже въ появившихся современно оглашеніяхъ къ народу, въ манифестѣ 13 Декабря 1773 года и изданной, спустя два года, сентенціи 10 Января, именуется онъ „бѣглымъ казакомъ съ Дона, скитавшимся предъ симъ въ Польшѣ“. Въ дѣйствительности же Емелька отнюдь не бѣгалъ съ Дона (въ настоящемъ смыслѣ слова), а въ Польшѣ едва ли когда-нибудь и бывалъ. Въ началѣ своей дѣятельности онъ даже не состоялъ въ числѣ Донцовъ, а числился въ Терскомъ *семейномъ* войскѣ [1]).

При устройствѣ въ 1770 г. на Кавказѣ Моздокской линіи, было повелѣно переселить туда 517 казачьихъ семей съ Волги [2]), которыя были устроены на Терекѣ пятью станицами. Кромѣ того для стрѣлянія изъ пушекъ туда перевели 250 такъ называемыхъ „сказочныхъ“ казаковъ съ Дона, поселивъ ихъ по 50 семей въ каждую новозаведенную станицу. Желающихъ идти въ новый благодатный край оказалось однако больше, чѣмъ было назначено Сенатскимъ указомъ.

Вслѣдствіе этого 21 человѣкъ перешли въ Терское семейное войско, гдѣ и размѣстились въ трехъ его станицахъ: Бородинской, Дубов-

---

[1]) На Кавказѣ было два Терскихъ войска—Семейное и Кизлярское.

[2]) См. нашу статью „Съ Волги на Терекъ“ („Русскій Архивъ“, 1901, вып. 9-й).

ской и Каргалинской, возбудивъ предъ войсковымъ атаманомъ Павломъ Татаринцевымъ ходатайство о зачисленіи ихъ въ служилые казаки этого войска. Но атаманъ, не имѣя власти сдѣлать просимаго, представилъ 12 Января 1772 года донесенія станичныхъ атамановъ на утвержденіе Кизлярскому коменданту полковнику Ѳедору Ивановичу Паркеру. Первымъ въ доставленномъ спискѣ былъ показанъ „не имѣющій письменнаго вида“ Емельянъ Ивановъ, прибывшій съ Дона [1]). Всѣхъ ихъ потребовали въ Кизляръ, гдѣ 16 Января подвергли въ комендантской канцеляріи допросу. Въ сохранившихся распросныхъ сказкахъ о Емелькѣ сказано такъ:

„Донского войска Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачовъ, отъ роду ему тридцать лѣтъ, уроженецъ Донского войска, въ Зимовейской станицѣ, изъ казачьихъ дѣтей, а отецъ его родной, бывшій Донского войска казакомъ, Иванъ Михайловъ, сынъ Пугачовъ, по возвращеніи Россійской арміи изъ Пруссіи [2]) и будучи при домѣ своемъ, назадъ тому лѣтъ съ семь [3]), волею Божіею умре, а онъ, Емельянъ, въ прошломъ 771 году, съ выкомандированными по указу Государственной Военной Коллегіи изъ Донского войска въ Моздокскій край къ поселенію сказочными казаками, имѣя родственника изъ числа тѣхъ сказочныхъ, племянника двоюроднаго Харитона Малахчеева, обще съ нимъ перешедъ, жительствомъ по сіе время находился въ Терскомъ семейномъ войскѣ, въ которомъ и нынѣ въ казаки опредѣленнымъ быть желаетъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что комендантъ Паркеръ удовлетворилъ просьбу Пугачова. Въ спискѣ, составленномъ Терской войсковой канцеляріей 1 Января 1773 года на полученіе денежнаго и хлѣбнаго жалованія, въ числѣ рядовыхъ казаковъ войска этого подъ № 129 значится „Емельянъ Ивановъ“ съ своей женой Прасковьей Ѳоминишной. Дѣтей не показано. По существующему положенію, полагалось ему на годъ: деньгами 12 руб., муки 6 четвертей, и столько же овса, крупъ 3 четверика.

О дальнѣйшей судьбѣ Пугачова Кизлярскіе архивы молчатъ. Но по словамъ покойнаго генерала Попко, пользовавшагося, для составленія книги „Терское войско съ стародавнихъ временъ“, Ставрополь-

---

[1]) Кизлярскій архивъ 1772 г., вяз. 205, зак. 7.

[2]) Изъ сего явствуетъ, что въ Польшѣ былъ не Емельянъ, а его отецъ Иванъ Пугачовъ.

[3]) Значитъ, приблизительно въ 1764 году.

скимъ старымъ архивомъ, Емелька еще на Терекѣ хотѣлъ „учинить“ возмущеніе и главенствовать тамошними казаками.

Казачество Терское было недовольно управленіемъ тогдашняго войскового своего атамана Татаринцева. На мѣсто его недовольные хотѣли избрать атаманомъ Емельку съ тѣмъ, чтобы онъ отправился немедля въ Петербургъ и исходатайствовалъ утраченныя войскомъ привилегіи. Пугачовъ поѣхалъ, но по дорогѣ приверженцы Татаринцева схватили его и представили коменданту Моздокской крѣпости, полковнику Иванову. Обвиненный въ смутѣ и нарушеніи войскового порядка Емелька былъ посаженъ въ тюрьму, откуда, при помощи своихъ избирателей, ему удалось бѣжать вмѣстѣ съ бывшимъ на часахъ солдатомъ Венедиктомъ Лаптевымъ. Онъ пробрался на Яикъ, гдѣ и учинилъ возмущеніе.

Павелъ Юдинъ.

Въ Саратовѣ у господина Покровскаго (управлявшаго отдѣленіемъ Волжско-камскаго банка) хранилась медаль Пугачева и нынѣ у его вдовы, въ Рыбинскѣ. Видавшій ее П. І. Юдинъ пишетъ намъ о ней слѣдующее: Пугачевская медаль величиною въ обыкновенный полтинникъ, серебрянный; на лицевой сторонѣ осьмиконечный старобрядческій крестъ и вокругъ него подпись церковно-славянскими буквами: Божіею милостію мы Петръ „Г.“; на обратной сторонѣ въ срединѣ такими же буквами прямо надпись. „Жалую сію полтину за вѣрность“.

Кто выбилъ Самозванцу эту медаль?

АКАДЕМИКЪ ГМЕЛИНЪ.

Гмелинъ Самуилъ-Готлибъ-Георгъ, сынъ лѣкаря, родился въ Тюбингенѣ 23 Іюня 1745 года и обучался въ тамошнемъ Университетѣ. Пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія въ наукахъ, особенно въ Естественной Исторіи, доставили ему званіе профессора. Въ 1767 году онъ былъ вызванъ въ Россію С.-Петербургскою Академіею Наукъ, а въ слѣдующемъ *) отправленъ императрицею Екатериною II съ четырьмя студентами, аптекаремъ и живописцемъ въ южныя губерніи для физическаго описанія тѣхъ мѣстъ.

Гмелинъ поѣхалъ въ Астрахань черезъ Москву, Воронежъ и Азовъ. Осматривалъ (1770 и 1771 г.) пристани Каспійскаго моря и сосѣдственныя Персидскія провинціи, подробно описалъ ихъ; желая сдѣлать новыя открытія, углубился въ западную часть Персіи, наполненную разбойниками. Съ великимъ трудомъ и опасностію совершилъ онъ изъ Энзели (небольшого городка Гилянской провинціи) путешествіе къ южному берегу Каспійскаго моря; едва въ Декабрѣ 1773 года пробрался къ Сальяну, городу, лежащему на устьѣ рѣки Куры. Оттуда поѣхалъ онъ въ Баку и Кубу, гдѣ принятъ былъ очень хорошо Али-Фецъ-ханомъ Ширванскимъ. Тамъ, дождавшись провожатыхъ, двадцати Терскихъ казаковъ, онъ отправился съ ними въ Кизляръ и уже находился отъ сего города не далѣе пяти дней ѣзды, какъ захваченъ былъ въ плѣнъ (5 Февраля) горскимъ владѣльцемъ Усмей-Ханомъ. Жестокое обращеніе, худая пища, несносный климатъ и утрата нѣсколькихъ путевыхъ записокъ, равно собранныхъ рѣдкихъ естественныхъ произведеній, привели въ уныніе духъ несчастнаго плѣнника, совершенно разстроили здоровье, ослабленное и безъ того странствованіемъ утомительнымъ: Гмелинъ скончался въ неволѣ 27 Іюня 1774 года, на тридцатомъ году отъ рожденія. Товарищи его бѣдствія успѣли переслать въ Кизляръ нѣсколько рукописей сего неустрашимаго путешественника; остальныя тетради съ великимъ трудомъ были исторгнуты изъ рукъ варваровъ.

*) Т.-е. въ годъ, когда началась первая война Екатерины Великой съ Турціей. П. Б.

Записки путешествій Гмелина для изслѣдованія трехъ Царствъ Естества изданы Академіею Наукъ съ 1770 по 1784 годъ, въ четырехъ частяхъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Русскій переводъ напечатанъ въ 1771—1785 годахъ съ рисунками. (Изъ Словаря Историческаго преосвященнаго митрополита Кіевскаго Евгенія о писателяхъ Россійскихъ и чужестранныхъ, въ Россіи водворившихся).

*

№ 185, получ. 22 Генваря 1774 года.

Въ Кизлярскую комендантскую канцелярію сообщеніе [1]).

По прибытіи моемъ въ Кизляръ, долженъ буду я въ семъ мѣстѣ съ своею експедиціею на нѣсколько времени пребываніе имѣть. Итакъ Кизлярскую комендантскую канцелярію покорно прошу назначить для моей свиты четыре удобныя квартиры, а для меня самого прошу пятую ту, на которой прежде сего стоялъ господинъ профессоръ Гильденштетъ [2]).

Самуель Гмелинъ.

Изъ Баки, 1774 Генваря 5 дня.

* *
*

№ 24, получ. 23 Января 1774 г.

Въ Кизлярскую комендантскую канцелярію сообщеніе.

Должность, на меня положенная, требуетъ, чтобъ я, окончивъ по восточному берегу Каспійскаго моря путешествіе, сухимъ путемъ чрезъ Персію въ Россію возвратился. Но какъ путь мой, предлежащій между Дербентомъ и Кизляромъ, опасенъ и безъ довольнаго числа военныхъ людей едва возможенъ, того ради Кизлярскую коммендандскую канцелярію всепокорнѣйше прошу благоволить прислать команду вооруженныхъ людей, конхъ я въ Дербентѣ ожидать буду. Въ прочемъ я не осмѣливаюсь опредѣлять числа людей для сего препровожденія за тѣмъ, что Кизлярская коммендандская канцелярія лучше, нежели я, знаетъ, чего великость опасности требуетъ, и сколько числомъ людей надобно у тѣхъ народовъ, чрезъ конхъ области мнѣ ѣхать должно будетъ. О семъ только я всепокорно прошу, чтобъ въ сколько возможной прислать скорости, дабы я безъ нужды, а особливо въ зимнее время, очень долго ихъ въ Дербентѣ ожидать принужденъ не былъ.

---

[1]) Это сообщеніе и нижеприводимыя бумаги извлечены П. Л. Юдинымъ изъ Кизлярскаго комендантскаго архива. П. Б.

[2]) Проф. Гильденштетъ былъ одновременно командированъ отъ Академіи Наукъ для описанія Сѣвернаго Кавказа. По приказанію Кизлярскаго коменданта Штендера, его сопровождали два Кизлярскихъ казака. П. Ю.

Сіе сообщеніе посылаю я изъ Бакинскаго порта съ нарочнымъ для сего дѣла Кизлярскимъ Армяниномъ Рустаномъ.

Самуель Гмелинъ.

1774 Генваря 5 дня.

*

№ 45, получ. 13 Февраля 1774 г.

Отъ ген.-маіора Демедема Кизлярскому коменданту Штендеру отъ 12 Февраля изъ Щедрина.

Государь мой! На рапортъ вашего высокоблагородія, сего числа ко мнѣ присланной, въ отвѣтъ изъясняюсь. По причинѣ задержанія слѣдующаго изъ Персіи господина доктора и профессора Гмелина Хандацкимъ владѣльцемъ Уцміемъ-Амиръ-Амзою, Андреевскимъ, Аксайскимъ и прочимъ подданнымъ, наистрожайше подтвердя, запретить, чтобъ на помощь къ Кубинскому Фетъ-Али хану и къ Аварскому хану не ѣздили, для чего и съ моей стороны къ тѣмъ Андреевцамъ и Аксайцамъ писано. Шамхалу жъ то самое написать изволите, что имъ позволенія дать теперь по причинѣ сдѣланнаго захвата не можно, о чемъ и отъ меня такъ же соотвѣтствовано, по пріѣздѣ-жъ Андреевскихъ владѣльцовъ, сколько возможно принуждая ихъ, чтобъ они совершенно его профессора и съ находящимися при немъ людьми, какъ онъ за нихъ задержанъ, выручили, а равно и къ нему Уцмію написать претендателно, чтобъ онъ неотмѣнно онаго профессора отправилъ сюда со всѣмъ, что при немъ есть, а есть ли ослушенъ будетъ, то и сіе включить, что конечно Россійской дворъ сего его Уцмія противнаго поступка совершенно не оставитъ безъ изысканія, о чемъ и отъ меня къ нему писано. Однако жъ наиболѣе въ семъ случаѣ стараться вамъ долженствуетъ. Что жъ по пріѣздѣ къ вамъ тѣхъ Андреевскихъ владѣльцевъ произойдетъ, меня увѣдомить, во ожиданіи чего пребываю съ своимъ къ вамъ почтеніемъ.

Вашего высокоблагородія, государя моего, покорный
слуга Иванъ де-Медемъ.

*

№ 80. Получено 11 Марта 1774 года.

Указъ Ея Императорскаго Величества изъ Астраханской губернской канцеляріи по иностранной экспедиціи г-ну полковнику, кавалеру и Кизлярскому коменданту Штендеру.

Минувшаго Февраля 22 числа сего года Нѣжинской мѣщанинъ Николай Ренталь поданнымъ въ губернскую канцелярію рапортомъ представилъ, что получилъ онъ письменное извѣстіе отъ находящагося

въ Кизлярскихъ батальонахъ секундъ-маіора Храблева, яко отправленный отсюда, по Высочайшему соизволенію, по Каспицкому морю Физической экспедиціи гд-нъ профессоръ, а его Ренталя зять, Гмелинъ взять въ горы на баранту владѣльцомъ Уцміемъ, что подтвердилъ ему Ренталю и пріѣхавшій нынѣ изъ Кизляра корпуса его высокопревосходительства гд-на генералъ поручика и кавалера Ивана Ѳедоровича Демедема присланной отъ него капитанъ Луксъ. Того ради, по указу Ея И. В. и по опредѣленію Астраханской губернской канцеляріи, велѣно ко упоминаемому владѣльцу Уцмію подъ приличными видами писать, и писано, съ требованіемъ, чтобы онъ благоволилъ, по его къ Россійской сторонѣ доброжелательству, помянутаго профессора Гмелина, какъ посланнаго туда по Высочайшему соизволенію, изъ удержанія со всею свитою высвободить, и приказалъ, буде онъ профессоръ еще свою комиссію не докончилъ, то и оную ко окончанію привесть ему дозволилъ и имѣлъ всякое вспоможеніе, для чего подъ видомъ того здѣшняго къ нему дружелюбія послано къ нему алаго сукна восемь аршинъ, штофу золотого восемь аршинъ, да ближнимъ его узденямъ тремъ человѣкамъ по четыре аршина. А чтобъ во исходатаиствованіи его профессора изъ рукъ того Уцмія просьбами своими приложили все усердныя стараніи свойственникомъ его Уцмія доброжелательной къ здѣшней сторонѣ Кубинской и Дербентской Ѳетхъ-Али-ханъ да, по дружелюбію съ нимъ Уцміемъ, горской владѣлецъ Тиссіясъ Бамотамъ, а ихъ поощрили бы Тарковской шемхалъ и горской владѣлецъ Буинагъ Баматъ, для чего и къ нимъ подъ претекстами таковыя жъ просительныя письма отправлены, а находящемуся въ Кабардѣ съ корпусомъ его в. пр-ву гд-ну генералъ-поручику и кавалеру Ивану Ѳедоровичу Демедему сообщить, а къ вамъ послать указъ и требовать, по ближайшему вашему къ Уцмію пребыванію, о высвобожденіи его профессора и съ своей стороны, по благому вашему разсужденію, всеусильней той къ нему Уцмію употребить просьбы, къ чему какіе есть ему Уцмію свойственники и дружелюбцы свѣдущіе есть, пристойнымъ образомъ склонить, для чего по часту, какъ ему Уцмію, его родственникамъ и дружелюбцамъ напоминать, и какія на то отъ кого отзывы быть могутъ, въ губернскую канцелярію давать знать. Какого-жъ содержанія помянутыя письма, съ нихъ для вашего свѣдѣнія при семъ прилагаются копіи, съ чемъ совсѣмъ ради скорѣйшаго доставленія отправленъ отсюда нарочной, и когда оной въ Кизляръ прибудетъ, то, принявъ вамъ отъ него депеши и подарки, и со оными, а при томъ буде случится къ кому просительныя о профессорѣ письма, и отправить все оное, по надлежащему порядку, для доставленія каждому своего безъ всякаго время продолженія изъ дворянъ или жъ изъ горскихъ кня-

зей кого вы за способнаго признать можете, съ надежнымъ къ тому человѣкомъ, а лучше-бъ кто изъ князей былъ познатнѣе, и съ достаточнымъ наставленіемъ, предписавъ ему во ономъ во первыхъ ѣхать ему ко владѣльцу Уцмію, которому какъ письмо и подарки и узденямъ его доставить вѣрно, ежели жъ чрезъ то онъ Уцмій ко освободѣ профессора Гмелина окажется склоннымъ и дѣйствительно отпуститъ, въ такомъ случаѣ къ прочимъ ханамъ посланныхъ писемъ уже не отвозить, а привесть ему оныя въ Кизляръ, откуда и сюда доставить, а буде онъ Уцмій на уволненіе не согласится, въ такомъ уже случаѣ по адресу кому которое слѣдуетъ доставить вѣрно, безъ всякаго продолженія времени, и гд-ну полковнику, кавалеру и Кизлярскому коменданту учинить о томъ по сему Ея И. В-ва указу, а къ гд-ну генералъ-поручику и кавалеру Демедему объ ономъ сообщено. Марта 7 дня 1774 года.

Михаилъ Барановъ.

(Губернаторскій товарищъ Астраханскаго губернатора).
Регистраторъ подканцеляристъ Іванъ Бакаевъ.

Копія.

Высокодостойный и высокопочтенный гп-динъ Дербенской и Кубинской Өетхъ-Алп-ханъ.

На сихъ дняхъ здѣшнему правительству извѣстно быть стало, что свѣдущій вашему высокопочтенству находившейся въ Персіи посланной туда по Высочайшей волѣ Ея Императорскаго Величества, Всеавгустѣйшей Монархини Всероссійской, Всемилостивѣйшей Государыни нашей отъ Императорской академіи наукъ къ прибавленію надобности натуралной исторіи знающей и ученой человѣкъ, гд-нъ профессоръ Гмелинъ своиственникомъ вашего высокопочтенства почтеннымъ гд-номъ Тарковскимъ владѣлцемъ Уцміемъ захваченъ въ баранту и содержится при немъ безъ всякой причины; а какъ онъ гд-нъ профессоръ въ ваши и Тарковскіе предѣлы отправленъ по всевысочайшей волѣ Ея И. В-ва, въ такомъ случаѣ, вѣдая вашего высокопочтенства къ сторонѣ всемилостивѣйшей нашей Государыни оказуемое издревле добросердіе и благоугожденіе, дабы онъ гд-нъ профессоръ, яко отправленной, по Ея Императорскому соизволенію, на далнѣйшее время въ предудержаніи не оставался, а какъ неискорѣе желаемое Ея И-мъ В-мъ исполнено и сюда доставлено было, здѣшнее правителство принужденнымъ нашлось вашего высокопочтенства дружески просить объявленному гд-ну профессору Гмелину у свойственника вашего почтеннаго гд-на Тарковскаго владѣльца Уцмія свободность исходатайствовать, и ежели чего

имъ гд-номъ профессоромъ, по возложенной на него комиссіи, въ предѣлахъ его почтеннаго владѣлца Уцмія не окончено, приказано бъ было докончить и спросить съ тѣмъ, чтобъ ему почтенному гд-ну профессору, какъ и отъ вашего высокостепенства происходило вспоможеніе чинено было, за кое отъ него опредѣляемымъ его почтеннаго владѣльца людемъ и заплачено быть имѣетъ, чемъ ваше высокопочтенство паче перваго доказать можете Ея Величеству свою усердность, за каковую во исполненіе всевысочайшей Ея И. В-ва воли оказанную вами и своиственникомъ вашимъ почтеннымъ владѣльцемъ Уцміемъ по дружбѣ къ нашей сторонѣ изъ благоусердія услугу всемилостивѣйшая наша великая государыня соизволитъ принять за благое угожденіе и не оставитъ оказать высочайшее свое снисхожденіе, о чемъ изъ здѣшняго правительства къ нему почтенному господину Уцмію, такъ же и Тарковскому шемхалу и брату вашего высокопочтенства почтенному владѣльцу Буйнагъ-Баматову писано. Ожидаемъ всякаго отъ вашего высокопочтенства удовольствія. Со особливѣйшимъ нашимъ къ вамъ почтеніемъ навсегда пребываемъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской всемилостивѣйшей великой Государыни нашей Императрицы губернаторскіе товарищи коллежскій совѣтникъ Михаилъ Барановъ, князь Николай Долгоруковъ.

28 Февраля 1774 года.

*

Письмо ген.-поручика Демедема Кизлярскому коменданту Штендеру отъ 3 Апрѣля 1774 г. изъ Моздока.

На рапортъ вашего высокоблагородія, вчерашній день ко мнѣ присланный, въ наставленіе предписывается.

Нѣтъ другого способа во освобожденіи задержаннаго профессора Гмелина съ командою, какъ только употребить къ тому Андреевскихъ владѣльцевъ, а особливо Темира Хамзина, которыхъ ваше высокородіе извольте съ полученія сего немедленно, не доводя вдаль, къ нимъ послать и призвать въ Кизляръ, употребя къ сему дѣйствительному исполненію мой совѣтъ: по пріѣздѣ тѣхъ Андреевскихъ владѣльцевъ въ Кизляръ, объявить имъ, чтобъ они совершенно того профессора старались выручить, какъ онъ особливо изъ-за нихъ, а ни за что другое и задержанъ, ибо они способъ къ сему освобожденію достаточный имѣютъ, яко то, чтобъ они употребляли въ сіе особливо Тарков-

скаго шемхала, брата Беззубова, который ему, Темиру, довольный другъ, а ему, Беззубому, объявленный Уцмій, сей послѣдній, ничего безъ него не можетъ въ прочихъ дѣлахъ дѣлать. А безъ того въ выручкѣ онаго безполезно. Если Темиръ посылкою своею къ нему не согласитъ шемхалова брата и не выручитъ профессора, задержать его и еще хотя одного съ нимъ владѣльца въ Кизлярѣ, а чрезъ то скорѣе можно желаемое въ пользу получить, объявя между прочимъ имъ: есть ли они къ сему употребятъ дѣйствительность и высвободятъ профессора, то за то получатъ высочайшую милость и награжденіе, нежели ему, Уцмію, какъ варвару, тридцать тысячъ давать денегъ, и что вы по сему предъуспѣете, меня увѣдомить, однакожъ, сіе дѣло дѣлать какъ скоро можно, не отлагая далѣе.

Иванъ Де-Медемъ.

*

Письмо Гмелина, полученное 24 Апрѣля 1774 г.

Его высокоблагородію господину полковнику и кавалеру и Кизлярскому коменданту Иванъ Ивановичу фонъ-Штендеру.

Казанищенскій владѣлецъ Дисисъ-Магметъ, при отъѣздѣ своемъ отъ Усмея, призвавъ меня, объявилъ, что онъ у Усмея меня выпросилъ и чтобы я точно былъ увѣренъ, что онъ черезъ десять дней пріѣдетъ опять сюда, и меня непремѣнно возметъ, а между тѣмъ временемъ долженъ онъ поговорить съ Темиръ-Булатъ Черкасскимъ и есть ли то готово, что ему Темиръ-Булатъ обѣщалъ, то онъ немедленно меня возметъ; при томъ меня просилъ, чтобъ я объ этомъ къ вамъ и Темиръ-Булату Черкасскому написалъ, что я и ученилъ, прося ваше высокоблагородіе, чтобы вы его удовольствовали обѣщаніями, какихъ обстоятельства потребуютъ и какія безъ дальнихъ слѣдствій учинить можно. А Уцмей на представленіе словесное дворянина Филатова отвѣтствовалъ, что ему отпустить меня не можно прежде, нежели судъ съ Андреевцами по ихъ законамъ и обычаямъ отъ вашего высокоблагородія учиненъ будетъ, а о деньгахъ сказалъ, что онъ это представилъ для того, что, можетъ-быть, Андреевцамъ легче покажется деньги отдать вмѣсто Терекеменскихъ Татаръ. Когда же ему Филатовъ представилъ, что Темиръ Андреевскій ему братъ, и что они по дружбѣ и братству могутъ между собою разобраться безъ дальнихъ ссоръ и захватовъ Россійскихъ людей, Уцмей на то сказалъ, что это правда, что онъ ему братъ, но онъ много захватывалъ ихъ людей за баранту, однако не получилъ своихъ Терекеменцовъ, а какъ

недавно увѣдомился, что Андреевцы наши подданные, то онъ нашихъ Россійскихъ людей захватилъ, надѣясь, что Россія принудитъ Андреевцевъ его удовольствовать. О всемъ семъ Филатовъ и студентъ Михайловъ вамъ обстоятельнѣе донесутъ. Чтожъ до меня касается, я не могу понять, для чего Уцмей отъ Россіи требуетъ то, что находится у его брата, и не знаю, который меня обманываетъ, Уцмей или Дисисъ-Магметъ. Есть ли сей послѣдній правду мнѣ обѣщалъ, то ваше высокоблагородіе покорнѣйше прошу его обѣщаніями удовольствовать и склонить къ тому, чтобы онъ меня немедленно взялъ, ибо время медленности не требуетъ. На Уцмея Фетъ-Али ханъ войною идетъ, и Уцмей уже по лѣсамъ ночуетъ, со дня на день непріятеля ожидая. Я опасаюсь, чтобъ въ этомъ смятеніи, отъ Уцмея въ отчаяніи, или отъ сборищнаго варварскаго, изъ разныхъ народовъ состоящаго, Фетъ-Али ханова войска какого зла мнѣ съ людьми не причинилось. При томъ разсудите, какая остановка во всѣхъ дѣлахъ, до должности моей касающихся, отъ долговременнаго моего здѣсь пребыванія происходитъ. Есть ли же на Дисисъ-Магмета надежды нѣтъ, то паки принуждать усильнѣйшимъ образомъ Андреевцевъ, всему моему несчастью виновныхъ, чтобы меня выручили. Многіе Андреевцы сюда пріѣзжаютъ, и не знаю для чего ложные слухи распускаютъ, будто Крымъ у насъ отнятъ, Моздокъ и Кизляръ и Казань взяты; также извѣстно, что многіе изъ Терекеменцовъ, въ Андрееву деревню ушедшихъ, хотятъ паки къ Уцмію возвратиться; такъ же изъ Андреевой деревни слухъ палъ, будто вы просили Шамхала и Фетъ-Алихана, чтобы или украсть, или силою взять, что Уцмей самъ Филатову объявилъ. При томъ Темиръ Андреевскій Уцмею другъ, а Шамхалъ непріятель, да и Шамхалъ радъ, что меня задержали и не выпускаютъ. Всѣ сіи обстоятельства вашему высокоблагородію извѣстнѣе, нежели мнѣ; мнѣ только остается въ заключеніе васъ покорнѣйше просить, чтобы какимъ-нибудь образомъ скорѣе меня выручить для вышеписанныхъ обстоятельствъ.

Профессоръ Гмелинъ.

Изъ Берекея 20 дня Апрѣля 1774 года.

*

Извѣстно вашему высокоблагородію, что я въ началѣ сего года изъ города Баку приличнымъ сообщеніемъ просилъ васъ, дабы благоволили, какъ мнѣ въ силу инструкціи моей изъ Дербента въ Кизляръ сухимъ путемъ ѣхать непремѣнно должно, прислать мнѣ въ Дербентъ такую военную команду, какую довольною разсудить для безопаснаго меня провожденія отъ Дербента до Кизляра, при томъ я

упомянулъ, не получивши такой команды или отвѣта, что сухимъ путемъ ѣхать опасно, изъ Дербента не выѣду. На мою просьбу вы согласились, прислали мнѣ команду, въ 25-ти человѣкахъ состоящую, и при ней отвѣтъ на мое сообщеніе, въ которомъ, между прочимъ, о Уцмеѣ писали, чтобы я его, по причинѣ его отзывовъ, приласкалъ подарками. Отзывъ на Россійскомъ языкѣ значитъ отвѣтъ или отказъ; а какіе эти отзывы были, того не упомянуто; а о опасности ни слова также не было упомянуто. Такимъ образомъ, положась на ваше знаніе, команду и мурзъ, отъ васъ присланныхъ, отправился я изъ Дербента и Хайдатскимъ Уцмеемъ пойманъ и ограбленъ, конвой почти весь и мурзы отпущены, а я удержанъ за баранту, о чемъ Уцмей и писалъ тогда къ вамъ. Хотя отъ Уцмеева владѣнія до Кизляра въ 8 дней удобно взадъ и впередъ съѣздить можно, однако отъ васъ черезъ семнадцать дней письмо къ Уцмею прислано, которымъ вы требовали, чтобы онъ меня немедленно отпустилъ, писано такъ же было и отъ его превосходительства господина генералъ-поручика и кавалера Ивана Федоровича де-Медема о томъ же но Уцмей совсѣмъ отказалъ и письменно вамъ объявилъ, что не токмо меня не отпуститъ, но и всякихъ Россійскихъ людей, черезъ его владѣніе проѣзжающихъ, ловить и удерживать будетъ, пока двухсотъ семей Терекеменцовъ и осмидесяти Жидовъ, за тридцать предъ симъ или болѣе лѣтъ отъ него въ Андрееву деревню бѣжавшихъ, не получитъ. При томъ и я къ вашему высокоблагородію писалъ, изъяснивъ вамъ бѣдность моего состоянія и прося о скоромъ избавленіи, но въ три недѣли никакого отъ васъ отвѣта не получилъ. Между тѣмъ Уцмей мнѣ объявилъ, что онъ за Терекеменцовъ своихъ можетъ деньги взять, и тридцатью тысячами рублевъ доволенъ будетъ; при томъ требовалъ, чтобы я объ этомъ написалъ, и самъ отъ себя письмо о томъ же къ вамъ послать обѣщалъ, что и учинено; и я послалъ къ вамъ студента моей экспедиціи Ивана Михайлова, чтобы словесно вамъ все состояніе дѣла изъяснилъ; при томъ и письменно вамъ требованіе Уцмеево объяснилъ, прося такъ же, чтобы вы, по благоразумію вашему, меня освободить постарались. Какъ я ожидалъ Михайлова возвращенія, пріѣхалъ къ Уцмею посланный отъ Андреевскихъ владѣльцовъ Казанищенскій владѣлецъ Дисисъ-Магметъ требовать меня отъ Уцмея и ему объявилъ, что онъ за мною только пріѣхалъ и не отъѣдетъ, пока меня не выпроситъ. Въ тотъ день, когда онъ отъ Усмея поѣхалъ, по утру онъ Дисисъ - Магметъ меня позвалъ и мнѣ чистосердечно, повидимому, объявилъ, что онъ съ Уцмеемъ дѣло о моей свободѣ окончилъ, что черезъ десять дней назадъ пріѣдетъ и меня возьметъ. Черезъ восемь дней потомъ Михайловъ пріѣхалъ, и съ нимъ дворянинъ Филатьевъ,

съ письмами отъ васъ къ Уцмею посланной, но оба они никакой помощи мнѣ не привезли, выключая малое число провіанта и обстоятельное извѣстіе о состояніи дѣла моего. Ибо Уцмей дворянину о выпускѣ моемъ, именемъ вашимъ просящему, отказалъ и требовалъ, чтобы люди его ему были отданы. По пріѣздѣ дворянина на другой день, т. е. 21 Апрѣля, Уцмей въ горы меня отвести приказалъ, въ деревню Маджалисъ, гдѣ я и теперь нахожусь въ крайней бѣдности, и шестую уже недѣлю ожидаю вашего вспоможенія, но тщетно, а что впредъ послѣдуетъ, не знаю. Между тѣмъ должность моя и дѣла государственныя, мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества порученныя, понуждаютъ меня объявить вамъ слѣдующее. Хотя всѣ Академическія, Астрономическія и Физическія экспедиціи особливымъ благоволеніемъ наслаждаются отъ ея Императорскаго Величества и всѣ имяннымъ высочайшимъ ея повелѣніемъ учреждены и отправлены по государству; однако мнѣ порученная особливую милость и матернее попеченіе Ея Императорскаго Величества чувствовать счастіе имѣлъ; ибо кромѣ онаго общаго о всѣхъ экспедиціяхъ имяннаго повелѣнія, во всѣ губерніи посланнаго, Ея Императорское Величество о моей экспедиціи два особливыхъ имянныхъ указа къ бывшему Астраханскому губернатору Бекетову послать благоволила; первый о отправленіи меня въ Персію, а другой,—чтобы меня отправить на восточный берегъ моря Каспійскаго, въ которомъ Ея Императорское Величество бо́льшее, нежели матернее, къ моей экспедиціи благоволеніе оказать изволила; ибо, между прочимъ, Астраханскому губернатору повелѣла, дабы онъ мнѣ объявилъ, чтобы въ бытность мою на восточномъ берегу далѣе отъ берега не удалялся; дабы хотя я и попадусь въ варварскія руки, можно было меня возвратить. Но тамъ стараніемъ Астраханскаго губернатора и губернской канцеляріи не токмо никакого несчастія мнѣ не приключилось, но и великая честь во всѣхъ мѣстахъ оказана. Изъ сего слѣдуетъ, что когда Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая самодержица наша, Астраханскій губернаторъ и губернская канцелярія толикое попеченіе о безопасности, предосторожности и выгодахъ моей експедиціи приложили, то правда требуетъ, чтобы всякій Россійскій комендантъ равное стараніе возымѣлъ, а особливо ваше высокоблагородіе, потому что вы приняли на себя изъ Дербента въ Кизляръ препроводить. Но вмѣсто того, чтобы мнѣ теперь быть въ Кизлярѣ или Петербургѣ, сижу четвертый уже мѣсяцъ въ крайней бѣдности, нищетѣ и отчаяніи за препровожденіемъ и стараніемъ вашимъ. Ибо есть ли бы вы въ Дербентъ ко мнѣ команды оной малой не прислали и написали, что ѣхать опасно сухимъ путемъ, я бы обратно въ Баку отправился на судно мое и

теперь давно бы былъ въ Россіи. Но понеже такъ сдѣлалось, и я пойманъ отъ Уцмея, отъ первыхъ дней Февраля мѣсяца, по сіе время можно бы изыскать способъ къ моему освобожденію, и вы имѣли изрядный, но не знаю для чего его упустили, а именно: Андреевскихъ владѣльцевъ задержать и по тѣхъ поръ не пускать, пока бы я возвратился. Ибо за нихъ я задержанъ, и такъ праведно было за меня ихъ задержать. Но какъ прошедшаго возвратить не можно, и что̀ уже сдѣлано, того передѣлать нельзя, то я ваше высокоблагородіе покорно прошу отъ сего времени больше обо мнѣ попеченіе возымѣть, нежели прежде, и мое дѣло причесть къ другимъ вашимъ дѣламъ, которыя поважнѣе обыкновенныхъ, и наконецъ исторгнуть меня изъ рукъ непріятельскихъ, въ чемъ, дабы вы успѣть могли, предложу вамъ способъ, который самъ Уцмей, въ ужасъ отъ Фетъ-Али-хана и шамхала приведенный, мнѣ подалъ. За десять дней предъ симъ прислалъ онъ ко мнѣ Андреевскаго у него для обученія дѣтей живущаго попа объявить, что онъ отъ Андреевцевъ ни людей своихъ, ни денегъ не требуетъ, а только хочетъ, чтобы они съ нимъ попрежнему въ союзѣ жили, и въ случаѣ нужды вспоможеніе давали; что ежели Андреевцамъ Россія дозволитъ, онъ обѣщаетъ меня отпустить. И такъ мнѣ предложилъ, чтобы я отъ себя человѣка съ письмами послалъ къ вамъ и самъ своего послать обѣщалъ; но прежде хотѣлъ послать къ Дисисъ-Магмету просить совѣта. Посланный отъ Дисисъ - Магмета третьяго дня пріѣхалъ и объявилъ, чтобы Уцмей на Андреевцевъ не надѣялся. И такъ онъ послать людей къ вамъ отказалъ. Но какъ я его просилъ, чтобы онъ мнѣ дозволилъ своего человѣка послать и дать знать вамъ о его требованіи; онъ согласился. Сей случай я употребилъ въ пользу и посылалъ къ вамъ того же студента Ивана Михайлова, который вамъ всѣ обстоятельства изъяснитъ. Впрочемъ, мое мнѣніе есть слѣдующее. Изъ всѣхъ рѣчей и обстоятельствъ видно, что Андреевцы хотятъ съ нимъ въ дружбѣ жить и вспоможеніе давать; такимъ образомъ можно имъ дозволить, чтобы они въ этихъ дѣлахъ сами между собою разбирались, какъ вы о Терекеменцахъ къ Уцмею писали; есть ли же не хотятъ подлинно, какъ Уцмей сказалъ, то ничего другого не остается, какъ ихъ усильно принудить, чтобы меня возвратили; понеже я за нихъ содержусь въ плѣну. Впрочемъ все на ваше разсужденіе оставляю; только васъ увѣряю, что каждая недѣля моего здѣсь пребыванія великія препятствія въ дѣлахъ моей экспедиціи причиняетъ, или, лучше сказать, совсѣмъ оныя остановила; отъ чего коликой ущербъ казнѣ государственной, а особливо Академіи Императорской, сами вы разсудить можете. Наконецъ, ваше высокоблагородіе прошу, дабы вы благоволили такія мнѣ вспоможенія въ

сей крайней бѣдности оказать, какихъ студентъ Михайловъ моимъ именемъ отъ васъ просить будетъ, а особливо посылать ко мнѣ всякую недѣлю извѣстія и нужный провіантъ, ибо Уцмей посланныхъ не задерживаетъ; при томъ есть ли что темно вамъ въ сообщеніи семъ попадется, онъ вамъ изъяснитъ, и все, о чемъ онъ васъ словесно или письменно просить будетъ, за мою истинную просьбу почитайте, а особливо извѣстія частыя и провіантъ посылать, есть ли мнѣ избавленіе не скоро послѣдуетъ, ибо нѣтъ ничего бѣднѣе, какъ сидѣть у непріятеля въ гладѣ и отчаяніи. А вамъ никакого труда не состоитъ дворянина сюда послать съ нужными вещами.

Самуель Гмелинъ.

Изъ Маджалиса съ Кавказскихъ горъ.
23 Мая 1774 года.

*

При указѣ отъ 24 Іюня 1774 г. Астраханская губернская канцелярія прислала Кизлярскому коменданту Штендеру, адресованное на его имя, письмо отъ графа Никиты Ивановича Панина.

№ 209. Получено 1 Іюля 1774 года въ Кизлярѣ.

Государь мой Иванъ Ивановичъ!

Задержаніе, учиненное совсѣмъ неожиданнымъ образомъ профессору Гмелину на проѣздѣ его изъ Персіи владѣльцемъ Хайдатскимъ Уцміемъ, хотя и неизвѣстно теперь здѣсь въ какихъ обстоятельствахъ остается, но по принятымъ къ выручению его со стороны вашей мѣрамъ, о которыхъ вы донесли сюда совокупно какъ и о самомъ семъ случаѣ, чаятельно долженъ былъ уже сей варварскій владѣлецъ требованіи ваши о томъ принять въ достойное уваженіе.

Такимъ образомъ и ожидается вскорѣ отъ васъ извѣстіе, что захваченный профессоръ, о изторженіи котораго изъ рукъ варварскихъ и уничтоженіи тѣмъ произшедшаго въ сосѣднихъ вашего края народахъ соблазна, вы по долгу вашего званія все возможное стараніе по нынѣ употребили, дѣйствительно уже получилъ свободу, или же по крайней мѣрѣ вскорѣ освобожденъ будетъ, въ противномъ же случаѣ, еслибъ Хайдатскій владѣлецъ еще, ни на что несмотря, непреклоннымъ былъ, вы находитесь въ подвигѣ къ тому его убѣдить и принудить продолжаемыми сильными увѣщаніями или посредствомъ владѣльцевъ Кумыцкихъ, которые должны о томъ стараться, какъ здѣшніе подданные и какъ относящіяся къ нимъ единственно Хайдатскаго владѣльца претензіи и поводъ ему подавшіе къ тому насильному поступку.

Между тѣмъ приложенное при семъ письмо къ помянутому профессору препоручаю я вамъ, государь мой, гдѣ бъ онъ нынѣ ни находился, доставить къ нему наивѣрнѣйшимъ образомъ, употребя къ тому такое средство, какое наилучше за благо изобрѣтете по вашему на мѣстѣ усмотрѣнію.

Я пребуду въ прочемъ съ особливымъ къ вамъ уваженіемъ и доброжелательствомъ, государь мой, вашего высокоблагородія графъ Н. Панинъ.

Въ Санктъ-Петербургѣ
4 Іюня 1774 года.

*

Въ Кизлярскую комендантскую канцелярію.

Какъ я больше уже года нахожусь въ чужихъ краяхъ и съ перваго дня Октября 1774 года со всею моею экспедиціею жалованья не получалъ, того ради Кизлярскую комендантскую канцелярію покорно прошу, дабы благоволила въ силу приложеннаго при семъ изъ статсъ-конторы указа на всю мою экспедицію за двѣ трети, то-есть съ перваго дня Октября 1773 года по первый день Іуня нынѣшняго, выдать жалованіе, кое я поручилъ принять студенту моей экспедиціи Ивану Михайлову, который въ пріемѣ оныхъ денегъ и распишется, а двутретнее всѣхъ чиновъ, въ экспедиціи моей находящихся, жалованье составляетъ сумму тысячу четыреста семь рублей шестьдесятъ шесть копѣекъ, которое число и прошу выдать оному студенту. Изъ деревни Маджалиса Маія 28 дня 1774 года. Профессоръ Гмелинъ.

*

Коменданту Штендеру.

Уцмей на ваши ласковыя письма не склоняется, но еще больше гордится и грозитъ, какъ вы изъ письма его увидите, и дворянинъ Тарасовъ вамъ разскажетъ. Чего онъ требуетъ, я не знаю, только думаю, что лучше его удовольствовать поскорѣе и меня взять; есть ли онъ только требуетъ, чтобы Андреевцы къ нему на помощь пришли, то можно имъ сіе дозволить съ тѣмъ, чтобы я немедленно былъ отданъ, и въ Петербургъ отписать, что для сей нужды это имъ дозволено. Я нахожусь при смерти, а Уцмей грозитъ не знаю что̀ сдѣлать надо мною, а дѣлать ему осталось двѣ крайности: или умертвить меня гладомъ, либо оружіемъ или продать. Обо всѣмъ васъ обстоятельно увѣдомитъ дворянинъ Тарасовъ; я вамъ только напоминаю, чтобы полезное было для Россіи, чтобы варвары воевали противъ варваровъ, и другъ друга погубили, нежели, чтобы я пропалъ. Итакъ я думаю лучше бы дозволить или приказать Андреевцамъ идти на помощь къ Уцмею, нежели приказывать имъ отказываться отъ дружбы Дисисъ-

Магмета и Али-Султана, чего Уцмей не боится; ибо знаетъ, что они за Россію не станутъ съ нимъ воевать и, можетъ-быть, Андреевцы притворно съ ними подружились, а внутреннѣ въ томъ же союзѣ находятся, и будутъ тайно помощь посылать. Всего бы лучше было всѣхъ Андреевскихъ владѣльцевъ и лучшихъ узденей, зазвавъ въ Кизляръ, посадить въ аманатный дворъ съ такимъ объявленіемъ, что по тѣхъ поръ выпущены не будутъ, пока я не пріѣду въ Кизляръ, и приказать имъ посылать своихъ лучшихъ людей къ Уцмею разбираться по своимъ законамъ и его удовольствовать или деньгами, или людей его отдавъ, или трактаты съ нимъ заключа; а имъ сказать, что Россія за нихъ тридцать тысячъ денегъ не отдастъ.

Профессоръ Гмелинъ.

Изъ Ахметъ-Кенпся,
11 дня Іуля 1774 года.

*

Г. полковнику и Кизлярскому коменданту Ив. Ив. Штендеру отъ оставшейся господина профессора экспедиціи физической, сообщеніе.

По кончинѣ господина профессора Гмелина, какъ я со всею находящеюся тамъ коммандою выпущенъ былъ, дошедши до Тарху [1]), понеже казаки пѣшкомъ идти болѣе силы не имѣли, принужденъ я былъ нанять девять лошадей за двадцать пять рублей со всѣмъ и съ проводниками, съ такимъ условіемъ, чтобы имъ въ тотъ же день, какъ пріѣдемъ, отдать помянутое число денегъ. А какъ оныя лошади для казаковъ единственно наняты, и я никакихъ денегъ не имѣю; того ради ваше высокородіе покорно прошу, дабы благоволили приказать объявленное число денегъ выдать Тарковскимъ онымъ людямъ, коихъ при семъ вашему высокоблагородію представляю [2]).

Академіи наукъ студентъ Иванъ Михайловъ.

Августа 1 дня
1774 года.

---

[1]) Тарки, резиденція шамхала Тарховскаго, нынѣ находится въ Дагестанской области. П. Ю.

[2]) О выдачѣ просимыхъ денегъ комендантская канцелярія обратилась (1 Іюля) въ воеводскую канцелярію; но послѣдняя выдать ихъ отказалась, потому якобы, что въ наличности такой суммы въ „рентеріи“ нѣтъ, а если есть серебряною монетою 850 руб. конфискованныхъ денегъ, то оныхъ воеводская канцелярія „къ отпуску учинить безъ позволенія главной команды не можетъ“ а „у здѣшнихъ купцовъ заимообразно сыскать не у кого“. За всѣмъ тѣмъ, разсуждала канцелярія, „рѣченному студенту въ пріемѣ и росписке въ шнуровой книгѣ должно имѣть у себя отъ профессора вѣрющее письмо, кое должно сообщено быть въ документѣ“ Вслѣдствіе этого Кизлярскій воевода адресовался въ Астрахань. Указъ изъ губернской канцеляріи немедленно о выдачѣ денегъ съ строгимъ выговоромъ воеводѣ полученъ въ Кизлярѣ уже тогда, когда Гмелина не было уже въ живыхъ. П. Ю.

*

Какъ съ начала плѣненія господина профессора Гмелина до самой кончины его разные способы употреблены были освобожденію его, и между тѣмъ разные денежные расходы потребны были, и при томъ и Астраханская губернская канцелярія прислала нѣкоторые подарки для выручения его, и хотя ваше высокоблагородіе сами отпи́шите обо всемъ семъ въ Императорскую Академію Наукъ и въ другія пристойныя мѣста, однако должность требуетъ, чтобы и оставшаяся теперь безъ предводителя Академическая физическая экспедиція рапортомъ представила въ Академію о кончинѣ господина профессора и о всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ до экспедиціи касающихся, такъ же и о денежныхъ расходахъ, кои ваше высокоблагородіе употребили для выручения его на счетъ его экспедиціи. Того ради ваше высокоблагородіе покорно прошу, дабы благоволили приказать дать къ намъ въ экспедицію извѣстіе, сколько денегъ для выручения господина профессора употреблено на счетъ экспедиціи, и въ какихъ вещахъ состоятъ оные подарки изъ губернской канцеляріи присланные, и какой цѣны они стоятъ, чтобы можно было безъ ошибки рапортомъ отъ экспедиціи представить о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ въ Императорскую Академію Наукъ.

Академіи Наукъ студентъ Иванъ Михайловъ.

Августа 2 дня 1774 года.

*

Понеже два только человѣка насъ до экспедиціи покойнаго господина профессора Гмелина принадлежащихъ находится, а именно: я студентъ и рисовальщикъ Бауръ, и дѣла здѣсь никакого болѣе не имѣемъ; того ради прошу покорнѣйше ваше высокоблагородіе отправить насъ въ будущую недѣлю въ Астрахань, и для того дать намъ одну двуконную арбу за казенные прогоны, кои прошу здѣсь подводчикамъ заплатить, и сверхъ сего приказать для провожанія и безопасности опредѣлить намъ надлежащій конвой до Астрахани.

Академіи Наукъ студентъ Иванъ Михайловъ.

Августа 2 дня 1774 года.

ЛЕДА *).

Забытое стихотвореніе Е. А. Баратинскаго.

Въ странѣ роскошной, благодатной,
Гдѣ Евротейскій древній токъ
Среди долины ароматной
Катится свѣтелъ и широкъ,
Вдоль брега Леда молодая,
Еще не мысля, не мечтая,
Стопами тихими брела.

*

Ужъ близокъ полдень; небо знойно.
Кругомъ все пусто, все спокойно,
Рѣка прохладна и свѣтла;
Брега стрегутъ кусты густые...
Покровы пали на цвѣты,
И Леды прелести нагія
Прозрачной влагой приняты.
Легко возлегшая на волны,
Легко скользитъ по нимъ она;
Роскошно пѣнясь, перси полны
Лобзаетъ жадная волна.

*

Но зашумѣлъ тростникъ прибрежный,
И лебедь стройный, бѣлоснѣжный
Изъ-за него явился ей.
Сначала онъ, чуть зримый окомъ,
Блуждаетъ въ оплывѣ широкомъ
Кругомъ возлюбленной своей;
Въ пучинѣ часто исчезаетъ,
Но сокрываясь отъ глазъ
Изъ водъ глубокихъ выплываетъ
Все ближе къ милой каждый разъ.

*) Подражаніе стихамъ Парни Léda.

*

И вотъ плыветъ онъ рядомъ съ нею,
Ей смѣлость лебедя мила:
Рукою нѣжною своею
Его осанистую шею
Младая дѣва обняла.
Онъ жмется къ дѣвѣ, онъ украдкой
Ей перси нѣжныя клюетъ;
Онъ въ пѣснѣ радостной и сладкой
Какъ бы красѣ ея поетъ,
Какъ бы поетъ живую нѣгу!
Межъ тѣмъ влечетъ ее ко брегу.

*

Выходитъ на берегъ она.
Уставъ, въ тѣни густого древа
На мураву ложится дѣва,
На длань главою склонена.
Межъ тѣмъ не дремлетъ лебедь страстной.
Онъ на колѣняхъ у прекрасной
Нашелъ убѣжище свое;
Онъ сладкозвучно воздыхаетъ,
Онъ влажнымъ клевомъ вопрошаетъ
Уста невинныя ея...

*

Въ изнемогающую дѣву
Огонь желанія проникъ:
Уста раскрылись; томну клеву
Уже отвѣтствуетъ языкъ;
Ужъ на глаза съ живымъ томленьемъ
Набросивъ пышные власы,
Она нечаяннымъ движеньемъ
Раскрыла всѣ свои красы...
Пріютъ свой прежній покидаетъ
Тогда нескромный лебедь мой;
Онъ томно шею обвиваетъ
Вкругъ шеи дѣвы молодой;
Его напрасно отклоняетъ
Она дрожащею рукой;
Онъ завладѣлъ—
Затрепеталъ крылами онъ,
И вырывается у Леды
И дѣтства крикъ, и нѣги стонъ.

(Мнемозина 1825 г.). Сообщено В. Я. Брюсовымъ. П. Б

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ ИЗДАТЕЛЮ „РУССКАГО АРХИВА“.

I. Князя В. Ѳ. Одоевскаго.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Петръ Ивановичъ. Пришлите мнѣ, сдѣлайте милость, если можно, съ симъ почталіономъ десяточекъ экземпляровъ бѣлыхъ „Старинной пѣсни“ [1]). Добрые люди шлютъ мнѣ книги со всѣхъ сторонъ—надобно отдаривать.

Кто такой Прохоровъ, сочинитель драмы „Мастеровой“? Если это первый опытъ молодого человѣка, то мы можемъ поздравить себя съ пріобрѣтеніемъ огромнаго таланта.

Вамъ душевно преданный.

Кн. В. Одоевскій.

Вторникъ, 9 Апрѣля 1863 г.

*

Вотъ вамъ, почтенѣйшій и любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, корректура „съ приличною вашему изданію начинкою“. Извините, что задержалъ: для многаго надобно было рыться въ моей памяти; особенно затруднила меня хронологія писемъ Гоголя.

За нѣкоторыя исключенія не посѣтуйте; они были необходимы... еще бы бѣсъ не радовался и песъ хвостомъ не вертѣлъ. О живыхъ нельзя говорить какъ о мертвыхъ.

По причинѣ начинки, усерднѣйше прошу о корректурѣ уже въ страницахъ. Душѣ моей противно являться въ публику неряхою: вѣдь она, какъ справедливо называлъ инвалидъ Скобелевъ, „матушка-командирша“. Ненависть моя къ опечаткамъ такова, что я ихъ поправляю вездѣ, гдѣ ни попадутся, даже въ книгахъ; но рука моя утомилась въ одной недавно отпечатанной въ типографіи Чуксина въ

---

[1]) Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 г. кн. Одоевскій помѣстилъ съ своими замѣчаніями старинную пѣсню, относящуюся къ насильственному постриженію царицы Евдокіи Лукъяновны. П. Б.

Москвѣ: „Книга чудесъ“, перев. Хотинскаго. Посмотрите курьеза ради, напр., на стр. 16, 17, 21, 29 и проч., гдѣ внесены въ текстъ даже примѣчанія корректора для наборщика; а ужъ техническія, вообще иностранныя слова, безъ милосердія. Эту книгу стоитъ купить для сохраненія.

Всегда душевно уважающій кн. В. Одоевскій.

6 Апрѣля 1864.

*

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, податель сихъ строкъ нашъ извѣстный синологъ Константинъ Андріяновичъ Скачковъ. Какъ увидите изъ его записки, у него есть собраніе Китайскихъ книгъ, кои онъ желалъ бы сбыть. Въ Москвѣ нѣтъ Китайскихъ книгъ. Не купитъ ли ихъ ваша Библіотека? [1]) Цѣна ихъ небольшая и, вѣроятно, владѣлецъ согласится и на разсрочку. Достойно было бы Библіотекѣ Чертковской ввести и эту новость въ ручей нашего просвѣщенія. Какъ бы то ни было, вамъ вѣроятно будетъ пріятно познакомиться съ Константиномъ Андріяновичемъ.

Вамъ душевно преданный кн. В. Одоевскій.

24 Сентября 1864.

Парижъ 1863. 20/8 Января.

II. Княгини Е. А. Долгорукой [2]).

Долго я не могла собраться въ свою очередь отвѣтомъ на письмо ваше, Петръ Ивановичъ, но не по какой-нибудь прихотливости нрава; а просто потому, что какъ-то особенно не здоровилось; тяжело и грустно было на душѣ все это время. Праздники всегда возбуждаютъ воспоминаніе о всемъ утраченномъ, о всемъ былomъ, чего ужъ нѣтъ, а на

---

[1]) Т.-е. библіотека Чертковская, которою тогда я завѣдывалъ. Конечно предложеніе не могло быть принято; но было пріятно знакомство съ К. А. Скачковымъ (товарищемъ М. Н. Каткова по Московскому университету). Онъ прожилъ много лѣтъ въ Китаѣ и, подобно Іакинѳу Бичурину, сдѣлался лицомъ вылитый Китаецъ. Такъ сильная народность претворяетъ въ себя пришельцевъ. Изъ Китайской письменности въ Чертковской библіотекѣ имѣется Новый Завѣтъ въ Китайскомъ переводѣ. Его подарилъ библіотекѣ преосвященный Гурій Симферопольскій, бывшій настоятелемъ нашей Пекинской миссіи. П. Б.

[2]) Княгиня Екатерина Алексѣевна Долгорукая (род. 19 Февраля 1811, † 14 Августа 1872 г.), единственная дочь Алексѣя Ѳедоровича Малиновскаго. Мать ея, родственница и воспитанница княгини Дашковой, была родомъ Исленьева, а дѣдъ по отцу протоіерей и катихизаторъ Московскаго университета Ѳедоръ Авксентьевичъ. Княгиня походила на него не только умомъ, но и наружностью, крайне невзрачною (какъ видно по гравированному портрету его). Княгиня получила отличное книжное образованіе и еще въ 1818 г. отецъ напечаталъ и издалъ въ Москвѣ переведенную ею на Нѣмецкій языкъ статью свою о памятникѣ Минину и Пожарскому. Впослѣдствіи она подружилась съ Лермонтовымъ, товарищемъ ея мужа князя Рос-

чужой странѣ, между совершенно чуждыми людьми, одиночество въ старости едва ли не чувствительнѣе. Просто, хандра нашла. Спасибо вамъ за доброе и любезное писаніе и за вѣсти о Москвѣ. Если вѣрить слухамъ и газетнымъ статьямъ, то у насъ на Руси все просіяло лучемъ надежды, спокойствія и благоденствія. Дай Богъ! А какъ посмотришь здѣсь на существующій порядокъ послѣ всѣхъ переворотовъ, благородныхъ стремленій и сумасбродныхъ низверженій: то право перестаешь вѣрить въ осуществленіе прогресса. Свѣтло, чисто на улицѣ, обѣды отличные, квартиры разукрашенныя, библіотеки, музеи доступны всѣмъ; но вездѣ виднѣется страшная нищета и развратъ рядомъ съ роскошью и фразами о добродѣтели, учтивость вмѣсто чувства, алчность и зависть, общіе двигатели всѣхъ дѣйствій. Нѣтъ, Парижъ мнѣ не по нутру, Германія во сто разъ лучше. Мѣсяца черезъ полтора собираюсь выѣхать посмотрѣть на Италію, главное на Римъ. На-дняхъ происходило здѣсь торжественное Ouverture des chambres: кареты, напудреные кучера и лакеи въ атласныхъ кафтанахъ, а солдатовъ неисчисленное число. Умеръ l'évêque de Paris.; calamité religieusee [1]) просто привратили всю въ какую-то театральную; даже покойника нарумянили. Было бы смѣшно, если не было бы такъ грустно и пошло. Но я ужасно разворчалась, извините.

Скажу вамъ лучше про себя. Живемъ мы тихо и покойно, цѣлое утро занимаемся въ лабораторіи и посѣщаемъ лекціи, дочь рисуетъ, а я по утрамъ хожу въ древнія зданія и церкви; по вечерамъ чаще сидимъ дома въ троемъ, а иногда бываемъ въ театрѣ. Вотъ театръ, такъ правда, что прелесть! Наша квартира тоже въ двухъ шагахъ. Гулять есть гдѣ, и гулять можно всю зиму. Погода стоитъ все теплая, много кустарниковъ покрытыхъ листьями, букеты фіалокъ продаютъ на улицахъ. Въ концѣ Іюля ожидаю сюда старшаго сына съ семьей [2]). Вы ни слова не написали мнѣ о вашемъ Алёшѣ; надѣюсь, что Софья Даниловна здорова, совершенно оправилась и пополнѣла, поклонитесь ей

тислава Алексѣевича по службѣ ихъ въ Царскосельскомъ лейбъ-гусарскомъ полку, и съ Пушкинымъ, супруга котораго была Московскою подругою ея молодости. Лермонтовъ раскрывалъ передъ нею тайны души своей, а отъ умиравшаго Пушкина не отходила она по цѣлымъ часамъ и, стоя на колѣняхъ у его ложа, слышала его послѣдніе завѣты женѣ и друзьямъ. Понятно, какъ дорого мнѣ было знакомство ея, обратившееся въ дружбу. Подъ очарованіемъ ея бесѣды пропадало впечатлѣніе внѣшней невзрачности, и съ нею можно было проводить цѣлый рядъ часовъ достопамятныхъ. Живучи въ Швейцаріи, она перевела по французски повѣсть Коханской „Кирилъ Петровъ и Настасія Дмитрова“ и напечатала въ какомъ-то журналѣ. П. Б.

[1]) Скорбь благочестія.

[2]) Князя Владимира Ростиславича съ первою его супругою Полторацкою. П. Б.

отъ насъ, мы часто васъ вспоминаемъ. Увидимся ли еще разъ на бѣломъ свѣтѣ, а все-таки не забывайте и пишите. Что Елагины? Потрудитесь переслать мое письмецо Авд. Петровнѣ. Разскажите, что̀ дѣлается у васъ и около васъ. Желаю блестящаго успѣха „Русскому Архиву“. *) Прощайте, будьте въ теченіе новаго года счастливы и здоровы, сколько вамъ того желалось.

Ек. Долгорукая.

III. М. А Максимовича.

29 Марта 1863 г. М. Гора.

Письмо ваше отъ 9 Генваря, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ, давно уже у насъ на Горѣ и порадовало насъ обоихъ извѣстіемъ объ успѣхахъ вашей жизни.

Библіотекарство и редакторство ваше также меня повеселило о васъ, зане вы теперь въ своей тарелкѣ, а это имѣетъ первостепенную важность въ нашей жизни; потому желаю душевно, чтобы вы и оставались на этомъ даже до послѣдней возможности. Говорю это вслѣдствіе опыта надъ собственною жизнію, которую, оторвавши отъ Ботаническаго Сада за Сухаревой, гдѣ бы и быть ей, не улажу даже до нынѣ, даже и на прекрасной Горѣ моей, и все порываюсь ежегодно въ Бѣлокаменную, чтобы тамъ и дожить вѣку.

Объявительнымъ листкомъ о „Русскомъ Архивѣ“ я даже полюбовался; но самаго Архива еще не получалъ, а дожидаю съ нетерпѣніемъ. Буду непремѣнно вашимъ сотрудникомъ и вкладчикомъ, вотъ только съ наступленіемъ весны прикоснусь къ моимъ бумагамъ, покрытымъ такимъ слоемъ пыли, что и взглянуть противно, не только браться руками. Такъ именно есть, безъ преувеличенія. Ваши воспоминанія о Пушкинѣ я читалъ съ удовольствіемъ еще въ „Русской Рѣчи“. Не знаю, написать-ли мнѣ о немъ для васъ тутъ, а пока что̀, не хотите ли взять у М. Н. Лонгинова то мое воспоминаніе о Мицкевичѣ, что̀ я читалъ въ засѣданіи Общества Л. Р. Сл., да и напечатать въ Архивѣ, если годится? Но я все таки напишу или отыщу что нибудь и здѣсь для вашего изданія, которое я радъ буду получать. Кромѣ „Чтеній“ и „Дня“ ничего современнаго не получаю, уже и не вижу давно. Да еще попросилъ бы я васъ, какъ участника въ Обществѣ Л. Р. Сл., выслать мнѣ его изданія, особенно пѣсни И. В. Кирѣевскаго, которыхъ имѣю только 4-ый дополнительный выпускъ, по

*) Это былъ первый годъ „Русскаго Архива“. П. Б.

милости О. Ѳ. Кошелевой дошедшій до меня, вмѣстѣ съ сочиненіями И. В. Кирѣевскаго, въ подарокъ къ нынѣшнему 1863 году. А что Общество, даетъ ли что и глаголетъ-ли?... Желалъ бы знать.

Вотъ какой я—судите, какъ хотите; и напишу, да не отсылаю... И такихъ непосланныхъ писемъ набралось бы многое множество, еслибъ ежегодно я не предавалъ ихъ уничтоженію.

Уже и весна кончается, а я не дотрогивался до моихъ запыленныхъ бумагъ и книгъ. Раза три принимался писать для васъ о Пушкинѣ, да не клеится, а потому все таки предлагаю вышепомянутую статейку о Мицкевичѣ. Да что же вы не пришлете мнѣ „Архива“ своего?... Можетъ быть, чтеніе его и подвинуло бы меня немедленно посотрудничать, въ знакъ благодарности за него. А когда бы вы взглянули теперь на Днѣпровскую панораму съ Михайловой Горы... Такъ бы и задремали сладко подъ сѣнью облитыхъ, какъ молокомъ, и благоухающихъ акацій, подъ жужжаніемъ пчелъ, шмелей и всей родни ихъ, берущихъ обильную медовую дань съ этихъ прекрасныхъ и уже большихъ деревьевъ, моими руками насаженныхъ.

Обнимаю васъ крѣпко.

IV. К. И. Жензифова*).

Въ первую мою поѣздку за границу, жилъ я въ Ноябрѣ 1858 года въ Прагѣ, гдѣ познакомился съ Шафарикомъ и Эрбеномъ, ходилъ къ Палацкому (одинъ только разъ, такъ какъ онъ держалъ себя высокомѣрно и увѣрялъ меня, будто наше Запорожское казачество есть учрежденіе Чешское), но сблизился съ Ганкою, который остался для меня до сихъ поръ образцовымъ дѣятелемъ по освобожденію народнаго духа отъ чужеземщины, и по его примѣру старался я потомъ работать въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ. Мнѣ довелось быть однимъ изъ учредителей Славянскаго Благотворительнаго Общества, и самое разрѣшеніе собираться, подписанное тогдашнимъ попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа Н. В. Исаковымъ, сохранилось въ моихъ бумагахъ. По вызову Общества стали пріѣзжать въ Москву Болгарки и Болгаре, и въ числѣ сихъ послѣднихъ изъ Битоле поступили въ Московскій Университетъ математикъ Константинъ Никочъ Станишевъ и словесникъ Константинъ Ивановичъ Жензифовъ.

П. Б.

*

Повторять ли мнѣ, добрый Петръ Ивановичъ, то, что̀ не разъ я высказалъ въ прежнихъ моихъ письмахъ? Увѣрять ли васъ въ томъ, что я люблю и уважаю васъ всѣхъ „отъ мала до велика“ искренно и

*) Помѣщаются не въ хронологическомъ порядкѣ, а по отысканію въ старыхъ бумагахъ. П. Б.

отъ глубины моей души? Я вамъ благодаренъ за многое, которое я только чувствую, но высказать не умѣю. При нашихъ теперешнихъ отношеніяхъ, при нашемъ короткомъ знакомствѣ, видя, что вы меня принимаете въ вашемъ домѣ не какъ знакомаго, а какъ близкаго родственника, безъ малѣйшихъ опасеній относительно моей честности и пр., и пр., все вышесказанное кажется лишнимъ. Однакожъ, я думаю, что вамъ неизвѣстно одно обстоятельство. Это то, что я васъ боюсь. Съ перваго разу моего вступленія въ вашемъ домѣ я почувствовалъ какую-то боязнь, которая до сихъ поръ не отказалась отъ меня. Но вы не подумайте, именемъ любезнаго Алеши [1]) заклинаю васъ, что это обыкновенная боязнь—т.-е. не принимайте это слово въ дурномъ смыслѣ, потому что эта моя боязнь не разрушающая, а напротивъ, укрѣпляющая мою нравственность, и многіе мои недостатки исчезли подъ вашимъ вліяніемъ. А именно я боюсь въ томъ, заслуживаю ли я вашего вниманія. Не оскорбилъ ли и не оскорблялъ ли чѣмъ нибудь какъ васъ, такъ и душевно уважаемую мною С. Д.? Ей я обязанъ черезъ васъ передать мою глубокую признательность за нѣкоторыя чрезвычайно мѣткія и умныя замѣчанія и совѣты данные мнѣ ею... Сегодня Иванъ Сергѣевичъ [2]) по поводу одного моего выраженія, сказалъ мнѣ, что я скорѣе воспитанникъ вашъ, а не другого... Такъ будьте же моимъ воспитателемъ, моимъ наставникомъ. Представьте себѣ, что у васъ есть племянникъ, который нуждается въ вашихъ совѣтахъ и наставленіяхъ. Вѣдь вамъ извѣстно, что у насъ существуютъ особенныя отношенія младшаго къ старшему, сына къ отцу, племянника къ дядѣ, и т. д. Я желаю узнать отъ васъ, гожусь ли я къ чему-нибудь, или я негодный человѣкъ и пропадшій? Могу ли я и годенъ ли я быть знакомымъ и съ другимъ домомъ, извѣстнымъ вамъ (для моего развитія), если представится случай, или нѣтъ? Вы не щадите меня ради Бога, но просто-за-просто браните меня, когда вы замѣчаете, что я отступаю отъ прямой дороги обязанностей, и не думайте ради Бога, что разсержусь на ваши замѣчанія, да и вообще я не способенъ сердиться. Я убѣжденъ, что человѣка можно исправить, изъ нечестнаго сдѣлать его честнымъ, изъ злого сдѣлать добраго и пр., пока онъ молодъ, а юношеская моя возрость еще не прошла. Я довольно дико смотрю на этотъ Божій свѣтъ. Не можете ли вы указать почвы, болѣе для меня благопріятной, болѣе крѣпкой? Мнѣ нужно работать, и работать безъ отдыха, если я хочу успокоить мой раздраженный мозгъ,

---

[1]) Это старшій мой сынъ, умершій 20 Ноября 1864 г. Стихи къ нему Жензифова напечатаны въ одномъ изъ Болгарскихъ изданій. П. Б.

[2]) Аксаковъ. П. Б.

въ которомъ вертятся разные черви. Нѣтъ ли въ вашей библіотекѣ Славянскихъ книгъ, изъ которыхъ можно будетъ извлекать разныя свѣдѣнія неизвѣстныя Русской библіографіи?[1]). Вотъ я бы занялся этимъ дѣломъ нешуточно. Впрочемъ, и то сказать, у меня такъ много работы, такъ много, что можно и повредить себѣ. Однакожъ, Петръ Ивановичъ, слову и конца нѣтъ, и поэтому остальное доскажу на словахъ когда-нибудь, потому что я странный человѣкъ, чуть ли не чудакъ въ глазахъ другихъ; но, оканчивая письмо, чувствую, что мнѣ легче...

Весь вашъ К. Жензифовъ.

1863 г. Января 25. Москва.

*

Село Васильевское. 1863. Іюня 20-го [2]).

Немного поздно я принимаюсь за перо отвѣтить на ваше короткое, но многоговорящее письмо. Во-первыхъ, добрѣйшій Петръ Ивановичъ, я вамъ очень и очень благодаренъ, что вы такъ немедленно исполнили мою просьбу, отправивъ мое письмо къ Іезберу, присовокупивъ къ нему, что̀ слѣдовало, и вѣроятно вы заплатили за него на почту; ибо такимъ образомъ оно вѣрнѣе достигло своего назначенія. Изъ газетъ я узналъ, что уже вышелъ 4-ый № Славѣнина. О, какъ бы вы обязали меня, если бы вамъ можно будетъ достать его; потомъ съ Яковомъ послали бы его къ Ивану Сергѣевичу, а онъ вмѣстѣ съ „Днемъ“ прислалъ бы ко мнѣ. Вороновъ опять расхвалилъ вашъ Архивъ въ „Голосѣ“, который такъ прекрасно и такъ кстати отдѣланъ „Днемъ“. Вашъ Катковъ торжествуетъ, и должно быть онъ находился на вершинѣ своего счастія, удостоившись обѣда въ Англійскомъ клубѣ. Прекрасна его статья о Польшѣ въ „Русск. Вѣстн.“, и вообще его статьи въ настоящее время идутъ „какъ езть ко щамъ“... Теперь перехожу передать вамъ многое и лишнее, между которымъ, быть можетъ, вкрадется и не лишнее, т.-е. вопреки совѣта даннаго мнѣ вашими домашними не писать и не дѣлать глупостей, я надѣлалъ уже кучу глупостей, и если угодно вашимъ пусть выслушаютъ ихъ, а если не угодно пусть уничтожатъ мое глупое письмо, но вы своимъ письмомъ сказали мнѣ, что ваши такъ и ждутъ описанія моего житья-бытья. Итакъ начинаю. Вы и всѣ ваши уже знаете кое-что о немъ изъ втораго моего письма, и поэтому нечего мнѣ повторять сказанное, т.-е. часы и звонки для чая,

---

[1]) По-моему совѣту Жензифовъ началъ составлять Бѣлорусскій словарь. П. Б.

[2]) Жензифовъ жилъ тамъ для обученія дѣтей графини А. А. Барановой. П. Б.

завтрака, обѣда, опять чая тѣже самые, и погода у насъ таже самая т.-е. прескверная, что̀ ни день, то и перемѣна. Такъ какъ въ продолженіи двухъ и болѣе недѣль главнаго моего хозяина *), съ которымъ вы безъ сомнѣнія видѣлись, не было при насъ, то я имѣлъ нѣкоторую возможность жить по возможности по моимъ понятіямъ, другими словами, я имѣлъ возможность нападать и возражать на все то, что̀ мнѣ казалось гадкостію, внѣшнею полировкою т.-е. образованностію по нынѣшнему понятію, которая, сколько я понимаю, ужъ рушилась, но все-таки не совершенно, еще не искоренилась. Во-первыхъ, меня бѣситъ эта глупая привычка говорить на иностранномъ языкѣ, и то не съ иностранцами, а со своими домашними, съ сестрою, съ дѣтьми и пр. безъ всякой необходимой надобности, такъ что, говоря по русски приходится слушать, извѣстное лицо, коренное Русское затрудняется, даже хуже меня, при передачѣ мыслей, и спрашиваетъ какъ по русски перевести такое-то Французское или Нѣмецкое слово. Еще существуетъ какое-то пренебреженіе своимъ роднымъ языкомъ, какое-то неотчетливое, безсознательное хладнокровіе къ своему родному языку. Мои хозяева до того хохочутъ, когда я возражаю противъ всякой иностранной привычки говорить или ѣсть, или сидѣть, или быть съ головою, по образу такого-то образованнаго общества. Вѣдь пріѣхалъ же къ намъ какой-то знаменитый Англичанинъ Лонгъ (по моему обыкновенный человѣкъ какъ и всѣ люди), и ему все позволяется; т.-е. онъ ѣсть и пьетъ, какъ ему угодно, спитъ, какъ ему угодно, одѣтъ, какъ ему хочется, съ галстухомъ или безъ него, съ рубашкою или безъ нея—все равно. А сдѣлай кто-нибудь изъ насъ тому подобное, т.-е. явись къ обѣду безъ галстуха, и то безъ всякаго умышленія, и бѣдный удостоится разныхъ замѣчаній и пр. и пр... Меня тревожитъ мысль: почему этотъ Англичанинъ говоритъ только на своемъ родномъ языкѣ и заставляетъ трехъ изъ моихъ хозяевъ совершенно отказаться отъ своего? Почему этотъ мистеръ Лонгъ не выучился другому какому-нибудь Европейскому языку, отставляя въ сторону грубый неотесанный нашъ мужицкій языкъ? Или если онъ знаетъ кромѣ своего Англійскаго и другіе языки, извѣстные и моимъ хозяевамъ, то почему этотъ господинъ Лонгъ, и знать не хочетъ о нихъ, а хочешь не хочешь долженъ говорить съ нимъ по англійски, конечно, зная его?.. Но что тутъ толковать объ этомъ, пусть дѣлаетъ каждый какъ ему заблагоразсудится, а когда мнѣ заблагоразсудится не такъ, а иначе, то почему это будетъ глупостію? Всѣ люди глупы, сказалъ Грекъ, кто въ большей, кто въ меньшей степени, вотъ и вся

*) Т.-е. князя Черкасскаго. П. Б.

разница между умными и глупыми людьми. Уже заранѣе было приказано прислугѣ, что пріѣдетъ гость, что онъ Англичанинъ, что онъ чистоплотный, чтобы не подумали, чтобы, чтобы... дорисуйте сами вы остальное. Пріѣхалъ онъ... но вотъ и вспомнилъ я въ эту минуту Пальмерстона и Редклифа и Турцію и Сербію и Черногорію, и его послѣдній ультиматумъ къ намъ т.-е. къ вамъ о Польшѣ, и сердце мое кипитъ злостію, ненавистью, местію и гнѣвомъ, на всякаго Лонга и прочихъ Англичанъ. Чортъ бы ихъ побралъ, этихъ всѣхъ, подлыхъ и преподлыхъ государственныхъ мужей Англіи, которые ничто иное, какъ ханжи въ отношеніи къ политикѣ, ханжи въ дипломатіи, ложно-религіозные, ложно-либеральные, ложно-гуманные, ложно-человѣколюбивые, ложно-сострадательные, до высшей степени эгоисты... Чортъ съ ними! Я не хочу писать вамъ объ нашемъ Англичанинѣ, хотя онъ совершенно невинный въ этомъ отношеніи...

Вы знаете, что теперь Петровскій постъ. При началѣ его, поднятъ былъ вопросъ объ этомъ постѣ, и я какъ-то выразился въ пользу поста, и поэтому мы пользуемся постною пищею по Середамъ и по Пятницамъ. Одна изъ здѣшнихъ гувернантокъ, къ несчастію Русская, особа, для которой не могу найти опредѣленія, ибо она не то умная, не то что глупая, не то что хитра, не то дура, однимъ словомъ ни рыба ни мясо, ни къ селу ни къ городу,—удивилась, услышавъ мое согласіе на постное кушанье и мою защиту относительно поста; но она успокоилась, узнавъ, что я сынъ священника, и такимъ образомъ эта гувернантка, которая Богъ знаетъ чему учитъ дѣтей, т.-е. она ничему не учитъ ихъ, по моей милости ѣстъ постное два раза въ недѣлѣ. Я вамъ уже писалъ, что мои хозяева—люди прекрасные, умные и даже ученые, въ особенности младшая, которую я называю старшей въ первомъ письмѣ моемъ къ вамъ. Есть у моей хозяйки прекрасныя дѣти.

*

Я очень сожалѣю, Петръ Ивановичъ, что вы не оставались вчера вечеромъ подольше у Ивана Сергѣевича; ибо я увѣренъ, что вы бы вывели меня и моего товарища отъ невыгоднаго для меня затрудненія, которое я долженъ былъ скрыпя сердца вытерпѣть въ присутствіи N. N., человѣка, сидѣвшаго за ужиномъ, гдѣ Болгарское имя никогда еще не было опозорено такъ безчеловѣчно, какъ теперь, и все же, по милости Погодина, и... къ несчастію того лица, передъ именемъ котораго, какъ вамъ извѣстно, я благоговѣю. Я не въ состояніи описать

вамъ все то, что̀ я вчера вечеромъ долженъ былъ перечувствовать. Всю прошедшую ночь провелъ какъ сумасшедшій и теперь еще не успокоился. Вамъ случалось ли когда-нибудь видѣть—какъ не женщины, а мужчины? Я сегодня послалъ письмо Погодину, во что бы то ни стало избавить насъ отъ этого незаслуженнаго нами позора, напечатать письмо въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ своего имени, что въ этомъ дѣлѣ совершенно невинно страдаетъ имя Болгаръ. Въ противномъ случаѣ, я самъ непремѣнно напечатаю и разъясню все какъ было, хотя я этого не хотѣлъ. Но, что же дѣлать, когда иначе нельзя избавиться отъ позора? Вы бы меня чрезвычайно одолжили, если вамъ возможно, поѣхать къ Погодину и поговорить ему, что онъ долженъ непремѣнно взять назадъ у извѣстнаго ему негодяя бумаги, скрѣпленныя его подписью и подписью Аксакова, въ силу которыхъ онъ позоритъ насъ... Вчера этотъ негодяй былъ у Кошелева и у Ю. С. Самарина, а сегодня онъ собирается къ Елагину. Вчера за ужиномъ и Кошелевъ и Самаринъ объявили объ этомъ всѣмъ присутствующимъ. Само собою разумѣется, что ни Кошелевъ, ни Самаринъ не виноваты, объ этомъ и рѣчь не можетъ быть. Я самъ принесъ это мое письмо къ вамъ, а силъ не хватило зайти къ вамъ.

Вашъ Жензифовъ.

1863 г. Декабря 7. Москва.

*

Пятница (28 Февраля) 2 ч. пополудни. Москва. 1864 годъ.

Я не знаю, успѣла ли крылатая молва долетѣть до Петербурга и сообщить вамъ новую Московскую новость, которая произвела разнаго шуму и толковъ въ Московскихъ гостинныхъ. Ясно, вы еще не знали объ этой новости, то позвольте мнѣ передать ее вамъ. Въ Середу, т.-е. 26 Февраля въ Петровскомъ паркѣ происходила въ 8 час. утра слѣдующая сцена. Соредакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и профессоръ Московскаго Университета П. М. Леонтьевъ имѣлъ поединокъ съ г. Гончаровымъ. Поводомъ этого поединка была извѣстная вамъ исторія, напечатанная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ о Московской Городской Думѣ. Катковъ, не знаю, чѣмъ и какъ оскорбленный, послалъ къ Гончарову г. Щебальскаго вызвать перваго на поединокъ; этотъ, со своей стороны, принялъ предложеніе. Дрались же на пистолетахъ Гончаровъ и Леонтьевъ. Секундантомъ Леонтьева былъ Щебальскій, а Гончарова—Пушкинъ-сынъ (т.-е. Пушкина). Итакъ, въ Петровскомъ паркѣ, въ 8 часовъ утра, отмѣривъ 15 шаговъ разстоянія, стали враги другъ противъ друга. Стрѣлялъ первый Гончаровъ, котораго выстрѣлъ вышелъ невѣренъ, т.-е. промахнулся; пришла оче-

редь Леонтьеву, котораго оружіе не выстрѣлило, т.-е. пистолетъ осѣкся. Въ это время секунданты предложили враждующимъ сторонамъ примириться; предложеніе было принято и тѣмъ и другимъ, и такимъ образомъ оба они остались въ живыхъ и возвратились во свояси невредимыми... Вчера же Катковъ напечаталъ, что онъ совершенно удовлетворенъ, но не сказалъ, что и другая сторона удовлетворена, вслѣдствіе чего надобно ожидать новаго объясненія въ Московскихъ газетахъ объ исторіи дуэли и всего происшествія... Можетъ быть, поединокъ дѣло хорошее, но, по моему мнѣнію, онъ ясный признакъ и свидѣтельство того, что онъ самъ себя обманываетъ, говоря, что у насъ (въ Европѣ) есть просвѣщеніе, когда я рѣшаюсь лишить жизни другого, лишь бы мнѣ не сознаться въ чемъ-нибудь... Но я не хочу больше распространяться объ этомъ, ибо я ушелъ бы слишкомъ далеко. Всетаки меня удивляетъ дружба Леонтьева съ Катковымъ: она достойна, или лучше сказать, выше всякой похвалы, и велика...

Вчера же похоронили бренное тѣло покойной Вѣры Сергѣевны [1]). Эта процессія тянулась съ 10 час. утра до 3 час. пополудни. О, если бы вы видѣли старушку Великую Аксакію, въ церкви при послѣднемъ цѣлованіи съ безчувственнымъ тѣломъ, то нельзя было не поплакать. Я провожалъ тѣло до самой гробницы; сидѣлъ же со Станишевымъ и съ Иванъ Сергѣевичемъ въ одной каретѣ и когда проѣзжали мимо Кремля, то вдругъ отъ куда ни возмись явился Гильфердингъ. Тутъ я и Станищевъ вышли изъ кареты, пересѣли въ сани Гильфердинга, а этотъ сѣлъ въ карету съ Аксаковымъ. Такимъ образомъ мы доѣхали до Симоновскаго монастыря. Послѣ окончанія всего обряда, когда Великая Аксакія уѣзжала, то приказала одной изъ дочерей своихъ сказать Ивану Сергѣевичу, чтобы онъ непремѣнно взялъ меня съ собой въ своей каретѣ, что̀ и было исполнено. Это меня до того тронуло, что я ея не забуду до послѣдняго моего дыханія. Я за это мысленно отъ всей души молился Богу, чтобы Онъ ниспослалъ облегченіе и утѣшеніе. Повѣрьте мнѣ, что это такъ. Больше я ничего не могъ пожелать ей. Прибавлю еще, что я бы другому не сообщилъ эти подробности...

*

1864. Іюня10 [2]). Москва.

Теперь мое Діогенское жилище (я сравниваю его съ прошлогоднимъ жилищемъ въ Васильевскомъ) находится на Спиридоновкѣ, въ

П. Б.

[1]) Старшей дочери въ семьѣ Аксаковыхъ.

[2]) Я проводилъ лѣто 1864 года въ Порѣчьѣ, гдѣ занимался бумагами графа Сергія Семеновича Уварова. Живо и благодарственно помню про гостепріимство, ко-

домѣ Клевезаль, рядомъ съ жилищемъ предоброй матери предобраго сына, т.-е. Аксаковыхъ, которые сегодня перебрались въ свою деревню по желѣзной дорогѣ къ Троицкой Лаврѣ (имя деревни не припомню, но вы знаете ее), и разумѣется Иванъ Сергѣевичъ часто будетъ возвращаться въ Москву, по дѣламъ „Дня“. Хотя я часто видался съ Иваномъ Сергѣевичемъ, но обѣдать къ нимъ не ходилъ съ извѣстнаго вамъ времени, и вотъ наша Великая Аксакія удивилась, такъ-сказать, моему упрямству. Разумѣется, какъ только узналъ я, что мое отсутствіе... нѣтъ не то хотѣлъ сказать я, а вотъ это, какъ только узналъ, что Великая Аксакія уже духомъ бодрѣе и сравнительно немного веселѣе, третьяго дня я обѣдалъ у нихъ. Весело было мнѣ смотрѣть на эту мать-старуху посреди четырехъ дочерей и сына, молодца-богатыря, но зачѣмъ этотъ богатырь Русской маски и Русскаго ума, какъ-то не намѣренъ оставить по себѣ такого же богатыря для Русской маски и ума?. Его добрѣйшая мать-старуха, которую я уважаю (да кто можетъ или способенъ бы былъ не уважать ее!) отъ всего сердца и души, велѣла мнѣ ѣздить къ нимъ въ деревню какъ можно почаще. Да врядъ ли я поѣду; впрочемъ, быть можетъ, я поѣду разъ или два, ибо въ продолженіи почти-что 6 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я живу въ Москвѣ, я еще не сподобился видѣть Троицкой Лавры. Что̀ за лѣнивая или, справедливѣе сказать, что̀ за странная натура у Славянина вообще: онъ или останется равнодушнымъ ко всему, въ томъ числѣ и къ тому, что̀ для него родное и близкое, или же онъ совершенно отдастся чужому, заморскому, и всетаки о своемъ и знать не хочетъ...

Если тамъ, въ вашей деревнѣ, получается „День“, то вы безъ сомнѣнія прочли передовыя статьи Ивана Сергѣевича о Нѣмцахъ, Туркахъ, Грекахъ, Болгарахъ и проч. Какъ ни страшны для меня теперь и Турки, и Греки, какъ ни черными кажутся мнѣ и сами мои Болгары, но меня что-то тянетъ туда, какой-то таинственный голосъ все твердитъ да твердитъ мнѣ, что надо ѣхать на родину, несмотря на то, что я напередъ знаю, какого рода жизнь дожидается тамъ меня. Невольное ли это влеченіе, или голосъ совѣсти и мой долгъ этого требуетъ? Всего вѣроятнѣе второе. Такъ и быть. Какъ только сброшу съ себя своего рода Университетское иго, то въ одинъ изъ осеннихъ ненастныхъ дней скажу вамъ прощайте... Да, хотя и говорятъ, что будущее человѣка покрыто мракомъ неизвѣстности, но

торое было оказываемо какъ мнѣ, такъ и семьѣ моей въ прекрасномъ Порѣчьѣ. Въ Москвѣ дѣла по Чертковской библіотекѣ были мною переданы К. И. Женвифову.

П. Б.

я предвижу напередъ свою будущую жизнь въ Болгаріи или въ Македоніи, потому что Болгарская земля вся черная, и вся наполнена всякой мерзости — плодъ вѣковѣчнаго ига, и то, что́ сказалъ великій Русскій человѣкъ Хомяковъ о Россіи, то я скажу о Болгаріи, разумѣется съ извѣстными измѣненіями, но ни на волосъ не измѣняя стихотворенія Хомякова. Но кто намъ дастъ очистительнаго сна?.. Но обо всемъ этомъ мы потолкуемъ еще впереди, и я вамъ напишу въ другой разъ, потому что не сейчасъ же я ѣду въ Болгарію или въ Венгрію, а если уѣду, то уѣду осенью, и между тѣмъ мнѣ предлагаютъ мѣсто въ Московской Семинаріи... Вообще говоря, изъ насъ должны ѣхать на родину трое: я, Караковскій и Боньевъ.

Кстати нѣсколько словъ о Боньевѣ. Вамъ извѣстно, что Боньевъ воспитанникъ графа Уварова. Вчера Боньевъ являлся къ управляющему графа г. Лазаревскому съ просьбой, чтобы Лазаревскій далъ ему деньги въ послѣдній разъ, т.-е. деньги для отъѣзда. Лазаревскій сказалъ Боньеву, что онъ не можетъ дать ему деньги безъ разрѣшенія графа; Боньевъ написалъ объ этомъ графу и письмо для доставленія отдалъ Лазаревскому, который сегодня ѣдетъ къ графу. Нѣтъ сомнѣнія, что благородный графъ прикажетъ Лазаревскому выдать Боньеву денегъ въ послѣдній разъ, сколько заблагоразсудится графу. Но я желалъ бы, Петръ Ивановичъ, чтобы вы замолвили словцо графу объ этомъ дѣлѣ при удобномъ случаѣ, потому что очень можетъ быть, что графъ забудетъ распорядиться объ этомъ, а между тѣмъ Боньевъ не можетъ обратиться къ Славянскому Комитету, потому что касса его у добраго Ивана Сергѣевича почти что окончательно опорожнилась, между тѣмъ какъ Ивану Сергѣевичу приходится двоихъ (Желѣзкова и Христовича), окончившихъ курсъ въ Военномъ Училищѣ, въ Москвѣ, отправить черезъ недѣлю на Кавказъ, другого (Карапаевскаго) въ концѣ этого мѣсяца въ Болгарію, а тамъ черезъ три мѣсяца наступитъ очередь и мнѣ; словомъ сказать, Иванъ Сергѣевичъ рѣшительно не можетъ выдать денегъ послѣднему воспитаннику графа Уварова. Благородный графъ, истратившій слишкомъ 5,000 руб. сер. для воспитанія четырехъ Болгаръ, безъ сомнѣнія не откажетъ пожертвовать въ послѣдній разъ какихъ-нибудь 150 или 200 рублей. Изъ четырехъ питомцевъ графа одинъ—Поподовичъ находится въ Бѣлградѣ учителемъ Болгарскаго и Русскаго языка; другой—Камбуровъ, юноша съ отличными способностями, въ прошломъ году окончилъ свою жизнь въ Туринѣ, куда былъ отправленъ графомъ для излеченія. Третій—Тодоровичъ (Ѳедоровичъ), годъ тому назадъ отправился въ Болгарію, гдѣ, потерпѣвъ разныя гоненія и непріятности,

бѣжалъ въ Бѣлградъ же, гдѣ и занимаетъ мѣсто учителя, разумѣется въ Болгарскомъ училищѣ; четвертый—это Боньевъ, которому настаетъ очередь уѣхать на родину... Итакъ, несмотря на то, что благородный графъ прикажетъ Лазаревскому снабдить Боньева золотыми или серебряными бумажками, но все-таки ваше слово не будетъ лишнимъ въ этомъ дѣлѣ, при удобномъ только случаѣ. Въ знакъ же благодарности и признательности, какъ его питомецъ, такъ и я, сумѣемъ сдѣлать его имя извѣстнымъ среди Болгаръ; больше нечѣмъ, Петръ Ивановичъ, выражать свою признательность Русскому Славянину-графу...

П. П. Въ прошлое воскресенье, 7-го Іюня, въ церкви Вдовьяго дома освящено было брачное сочетаніе дочери Даля съ Дмидовымъ; шаферомъ былъ Станишевъ [1]).

*

„Вашъ хорошій знакомецъ и образованный человѣкъ“, т.-е. я вчера вечеромъ былъ у Вальгарда [2]), съ которымъ побесѣдовалъ не больше 20 минутъ. Такъ какъ вамъ опять придется быть посредникомъ между ними и мною, то я считаю, что необходимо и полезно для той и другой стороны сказать вамъ слѣдующее. Во-первыхъ, онъ читалъ только первую половину вашего рекомендательнаго письма; во-вторыхъ, разговоръ былъ большею частію о моемъ воспитаніи и знаніи. Я ему сказалъ всю правду, т.-е. я до сихъ поръ занимался съ болѣе взрослыми; что я не знаю ни аза изъ новыхъ языковъ; относительно моего нравственнаго поведенія, я сослался на васъ и на Аксакова; относительно знаній, я сослался на нѣкоторыхъ изъ моихъ профессоровъ; я желаю чтобы всѣ вечера Пятницъ и Воскресеній были моими и 4 часа ежедневно посѣщать университетъ, да еще разъ или два раза въ мѣсяцъ побывать въ театрѣ. На вопросъ его „люблю ли я Русскій театръ“, у меня языкъ не вытерпѣлъ, и я ему сказалъ, что я объ этой оперѣ не имѣю и понятія. Вѣдь ему я сказалъ правду. На вопросъ его ходить ли мнѣ къ нему или жить въ домѣ его, отвѣчалъ, какъ онъ считаетъ полезнѣе для своихъ дѣтей. О цѣнѣ не было ни слова, и только мнѣ показалъ дѣтей (ихъ трое) и что съ ними придется заниматься по 6 часовъ въ день. Вотъ и вся сущность моего разговора съ господиномъ Вальгардомъ. Сказавъ мнѣ, что ему на-

---

[1]) Который позднѣе женился на другой дочери В. И. Даля. П. Б.

[2]) Александръ Осиповичъ Вальгардъ, знакомый мнѣ по родному моему городу Липецку (гдѣ отецъ его былъ докторомъ при минеральныхъ водахъ), въ это время богатый Тамбовскій помѣщикъ. П. Б.

добно повидаться съ вами, я распростился съ нимъ. Слѣдовательно, если онъ явится къ вамъ, то я прошу васъ убѣдительно вотъ что. Такъ какъ никто меня не знаетъ такъ хорошо, какъ вы, я васъ прошу разсказать ему весь мой характеръ, всѣ мои привычки, наклонности, образъ мысли, словомъ весь мой нравъ, развѣ только..., впрочемъ онъ самъ увидитъ, что я изъ трезвыхъ людей? Не могу скрывать отъ васъ, что я не могу ограничиться только однимъ формальнымъ преподаваніемъ уроковъ, а буду стараться, по возможности, развить въ нихъ мысли народности, тоже любовь къ Славянамъ, словомъ, быть, можетъ, они сдѣлаются маленькими Славянолюбцами. Я видѣлъ возрастъ дѣтей, и поэтому скажу вамъ, что я смѣло берусь за это дѣло, и не краснѣя буду преподавать имъ все нужное; что же касается математическихъ наукъ, то я могу преподавать имъ что̀ требуется до 6 кл. гимназіи, т.-е. первоначальную математику...

Итакъ, добрѣйшій Петръ Ивановичъ, я желаю имѣть это мѣсто по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, я желаю отказаться отъ Славянскаго Комитета не потому, что этого требуетъ моя гордость, а потому, что мысль тревожитъ мой духъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ исчезнетъ и займется другою болѣе отрадной и спасительною. Я хочу сказать слѣдующее. Мнѣ было 17 лѣтъ, когда мой отецъ былъ принужденъ бросить свое семейство и оставить его на моихъ рукахъ безъ ничего, и я могъ на родинѣ не оставить безъ куска хлѣба мать, сестру и меньшого брата. Теперь же скоро стукнетъ мнѣ 24 годъ, и меня другой одѣваетъ, кормитъ и воспитываетъ; вѣдь... это немного тяжело, тѣмъ болѣе, что еще не извѣстно... ли выдавать мнѣ пособіе отъ Славянскаго комитета, но это дѣло еще впереди, и если только обстоятельства позволятъ мнѣ жить, то тогда убѣдятся мои благодѣтели, стоилъ ли я 1,200 руб. сер., которыя потребуются для моего образованія.

Во-вторыхъ, мнѣ необходимо сберечь какую-нибудь деньгу на черный день, а этотъ черный день ни за горами. Скоро мнѣ придется разстаться съ Москвою и уѣхать въ Турцію, гдѣ у меня нѣтъ ничего. Отецъ мой постоянно твердилъ правило: „если ты умный, то ты самъ себѣ пріобрѣтешь денегъ, средство для жизни, а если ты выйдешь негодяемъ, то нисколько не поможетъ тебѣ твое наслѣдство, оставленное тебѣ мною“... Такое и подобное тому правила, спикуренизмъ и цинизмъ его заставляли его не заботиться о завтрашнемъ днѣ. Такъ что не только меня онъ оставилъ нищимъ (я не краснѣе говорю это всѣмъ), но и все семейство, а что̀ печальнѣе, единственную свою дочь, мою же сестру... Такимъ образомъ, когда я уѣду, мнѣ необхо-

димо имѣть въ карманѣ путевыхъ издержекъ еще, по крайней мѣрѣ, 200 руб. сер., пока я тамъ найду себѣ мѣсто или въ случаѣ опасности (которая съ каждымъ годомъ въ Турціи увеличивается), я съ ними могъ бы бѣжать. Какъ вы видите, Петръ Ивановичъ, въ этихъ короткихъ словахъ заканчивается цѣлая исторія. Да, кромѣ того, мысль, что мы Болгаре, не имѣемъ литературы, убійственна для меня. Ну и буду издавать какую-нибудь Краледворскую рукопись, какой-нибудь Братскій Трудъ, на трудовыхъ деньгахъ. Понятно вамъ теперь почему я желаю найти себѣ мѣсто. Если вы замѣчали какъ дитя радуется, когда ему покупаютъ игрушку или дѣлаютъ ему обновку, такъ и я вчера радовался при полученіи вашей записки, хотя это признакъ не очень твердаго характера. Вѣдь это бываетъ, я думаю, со многими. Итакъ, распростившись съ помѣщикомъ, я пошелъ прямо въ театръ, гдѣ смотрѣлъ Долгорукова и Пушкина не хорошо выполненныхъ да еще „Крестницу“—очень, очень милое произведеніе Плещеева, котораго зрители вызывали 3 раза съ продолжительными рукоплесканіями. До свиданія, добрѣйшій Петръ Ивановичъ, и будьте увѣрены въ моей къ вамъ признательности.

Весь вашъ К. Жинзифовъ.

1862 г. Мая 18.
Москва.

*

Петръ Ивановичъ!

Пишу къ вамъ подъ вліяніемъ извѣстнаго вамъ настроенія души моей, но сперва скажу вамъ на счетъ Библіотеки, что она находится въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ вы ея оставили, стало быть вамъ нечего безпокоится съ этой стороны, потому что, я думаю, что вы увѣрены въ томъ, что я честно исполняю все, что̀ вы мнѣ поручили. Вчера принесли пожарную трубу, которая поставлена, гдѣ слѣдовало. Взявши расписку, я отдалъ принесшему трубу 30 р. с. Ни одинъ ни другой изъ переплетчиковъ пока еще не явился. Я обыкновенно встаю въ 7 час. утра и съ 8 до 2 постоянно нахожусь въ Библіотекѣ, потомъ уже, заперши окна и двери, ухожу, а возвращаюсь въ 10 ч. веч.; по крайней мѣрѣ эти два дня такъ. Разумѣется, что окна отпираются только при хорошей погодѣ, которая вчера была непостоянна, какъ женщина образованнаго Парижа. А если вы находите, что нужно мнѣ побольше сидѣть въ Библіотекѣ, то пожалуйста вы мнѣ напишите. Итакъ, повторяю, будьте покойны на счетъ Библіотеки, о которой я буду писать къ вамъ два раза въ недѣлю. Теперь позвольте мнѣ описать вамъ въ короткихъ словахъ, какъ провожу я остальную часть дня.

Выходя изъ великолѣпнаго дома, я отправляюсь обѣдать, а потомъ прогуливаюсь съ намѣреніемъ изучать „цивилизацію“ XIX в. и „прогрессъ“ женщинъ. Наблюдая надъ разными явленіями городской жизни и разсуждая долго, я вывожу невольно заключеніе, что нѣтъ цивилизаціи, нѣтъ прогресса, а есть... (сдѣлайте филол. переходъ буквы *ц* въ *с* и *в* въ *ф*). Ужасно, но, по моему, это на самомъ дѣлѣ такъ. Сижу я на скамейкѣ, и вотъ проходитъ Гарибальди съ пѣтушьими перьями, другія съ гусиными, другія не знаю съ какими еще перьями разнаго цвѣта, доходящими до смѣшнаго, одѣтыя въ платья всевозможнаго покроя, произведеніе, доходящее до безобразія, образованнаго Парижа. Вотъ двѣ обхватили своими руками одного, а ихъ головы-Гарибальди опираются на грудь его; вотъ двое провожаютъ подъ руку одну, которой говорятъ разныя любезности; вотъ и маменька вывела своихъ дочерей воспользоваться свѣжимъ воздухомъ и строитъ воздушные замки, вотъ и красавица, захватившая своимъ кринолиномъ цѣлую скамейку, куритъ папиросу съ улыбкою, въ которой такъ и видна пошлость, а по другимъ пріятность и любезность, вотъ къ ней подходитъ ея знакомая и освѣдомляется на счетъ ея наряда, сколько стоитъ и у кого заказано, а въ результатѣ оно выходитъ, что это подарокъ милаго и добраго N. N.

Письмо Екатерины Великой къ Сенаку-де-Мейлану [1]).

Mai 1791. Mercredi au matin. Je vous renvoie, Monsieur, la feuille et une copie de la comparaison de l'Eglise de Saint-Pierre [2]), etc., que vous avez eu la complaisance de me laisser hier.

Voici à peu-près mon portrait. Je ne me suis jamais cru l'esprit créateur, j'ai rencontré quantité de monde auquel j'ai vu sans envie ni jalousie beaucoup plus d'esprit qu' en moi. Il a été toujours très facile de me mener, parce que pour y parvenir il ne fallait que me présenter toujours des idées infiniment meilleures et plus solides que les miennes; alors j'étais docile comme un agneau. La raison de ceci siégeait dans l'extrême désir que j'ai toujours eu que le bien de l'Empire se fit; j'ai eu le bonheur de rencontrer les bons et vrais principes, ce qui fait qu'il s'en sont suivis des fautes auxquelles je n'ai eu aucune part et peut être parce qu' on n'avait pas exécuté avec exactitude ce que j'avais prescrit. Malgré une flexibilité naturelle j' ai su être opiniatre ou ferme, comme on voudra, quand il m'a paru que cela a été nécessaire; je n'ai jamais eu de la rancune, la Providence m'ayant placé de telle manière qu' il n'y avait pas de quoi en avoir contre les individus et que je ne trouvais pas la partie égale de tout peser avec justice.

J'aime en géneral la justice, mais je suis de l'opinion que stricte justice n'est pas justice et qu il n'y a que l'équité qui soit supportable à la Faiblesse de l'homme. Mais dans tous les cas j'ai préféré l'humanité et l'indulgence pour la nature humaine aux règles d'une sévérité qui m'a parue souvent mal entendue; à ceci j'ai été menée par mon propre coeur que je crois doux et bon. Quand les vieillards me prêchaient la sévérité, je leur avouais, en fondant en larmes, ma faiblesse et j'en ai vu qui se rangeaient de mon avis la larme à l'oeil aussi. Mon naturel est gai et franc, mais j'ai trop vécu dans le monde pour ignorer qu'il y a des esprits atrabilaires qui n'aiment pas la gaîté, et tous les esprits ne sauront comporter la vérité et la franchise. Adieu?

Catherine.

(Сообщилъ С. Фарфоровскій).

---

[1]) Отецъ Сенака-де-Мейлана былъ главнымъ врачемъ у Людовика XV.

[2]) Archives du ministère des Affaires Etrangères. Correspondance inédite de Russi Tome CXXXV.

ПЕРЕВОДЪ.

Май 1791. Среда поутру.

Милостивый государь, возвращаю вамъ листъ и копію сравненія церкви святого Петра, и т. д., которые вы были такъ любезны оставить мнѣ вчера.

Вотъ приблизительно, мой портретъ. Я никогда не воображала въ себѣ творческаго ума; я встрѣчала пропасть людей, у которыхъ безъ зависти и ревности замѣчала гораздо больше ума, чѣмъ въ себѣ самой. Руководить мною было всегда очень легко; для этого нужно было только постоянно предлагать мнѣ мысли безконечно лучшія и болѣе основательныя, чѣмъ мои собственныя. Въ такихъ случаяхъ я бывала послушна, какъ ягнёнокъ. Причина тому лежала во всегдашнемъ моемъ сильнѣйшемъ желаніи блага для государства; я имѣла счастье напасть на добрыя, истинныя начала; поэтому проистекли отъ нихъ ошибки, въ которыхъ я не принимала никакого участія; произошли же онѣ, можетъ-быть, оттого, что мои предписанія не были исполнены въ точности. Несмотря на прирожденную податливость, я умѣла быть упрямой или настойчивой, назовите, какъ хотите, когда мнѣ казалось, что это было необходимо; я никогда не была злопамятной, ибо Провидѣніе поставило меня въ такія условія, что мнѣ не изъза чего было помнить зла противъ отдѣльныхъ лицъ, и я находила, что взвѣсивъ все по справедливости, стороны не равны. Я вообще люблю справедливость, но держусь того мнѣнія, что строгая справедливость не есть справедливость и только милосердіе подъ силу человѣческой слабости. Но во всѣхъ случаяхъ я отдавала предпочтеніе человѣчности и снисходительности къ человѣческой природѣ передъ правилами, суровость коихъ мнѣ часто казалась недоразумѣніемъ; къ этому приводило меня мое собственное сердце, которое считаю кроткимъ и добрымъ. Когда старики проповѣдовали мнѣ строгость, я, заливаясь слезами, признавалась имъ въ своей слабости и видывала такихъ изъ нихъ, которые со слезою въ глазу присоединялись къ моему мнѣнію. По природѣ я весела и откровенна, но я слишкомъ много прожила на свѣтѣ, чтобы не знать, что существуютъ люди мрачнаго настроенія духа, нелюбящіе веселья и что не всѣ умы могутъ совмѣстить правду съ откровенностью. Прощайте!

Екатерина.

РЕТИВЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ.

Въ царствованіе Императора Павла.

I.

Современники [1]) и позднѣйшіе изслѣдователи Павловскаго времени увѣряютъ, что кратковременное суровое это царствованіе тяжело отзывалось лишь на приближенныхъ въ столицѣ и совсѣмъ-де не имѣло вліянія на прочее населеніе въ имперіи. Между тѣмъ въ архивахъ найдется немало бумагъ, которыя, наоборотъ, показываютъ, что это страшное правленіе ложилось непосильнымъ гнетомъ на жителей Россіи, особенно глухихъ городовъ, гдѣ власть имущіе, пользуясь случаемъ и отдаленностью отъ Петербурга, какъ говорится, подъ шумокъ, производили всевозможныя самоуправства и насилія, иногда, впрочемъ, и не по собственному вчинанію.

Въ Январѣ 1798 г., по высоч. повелѣнію, ген.-прокуроръ кн. А. Б. Куракинъ прислалъ Астраханскому губернатору т. с. Аршеневскому [2]) „примѣрное положеніе издержкамъ на полковыя надобности“, по которому должно было „приступить къ удовлетворенію требованій воинскихъ командъ“, предписывая при этомъ, чтобы губернаторъ, „не упуская времени, учинилъ расчисленіе, сколько слѣдовало таковыхъ суммъ собрать со всѣхъ обывателей, въ городахъ Астраханской губерніи обитающихъ, соразмѣрно числу войскъ, на непремѣнныхъ квартирахъ въ той губерніи расположенныхъ [3]). По сдѣланному „расчисленію“ причиталось съ жителей г. Астрахани — „Россійскихъ“ 49,106 руб. 2 коп. и со всѣхъ прочихъ „незаписавшихся по городовому положенію“ обывателей, большинство изъ коихъ были Армяне, 12,320 руб. 11 коп. Деньги эти губернаторъ предписалъ (5 Апрѣля) городовому магистрату и „общему суду Азіянъ“ доставить „непремѣнно

---

[1]) Какъ, напримѣръ, декабристъ Фонвизинъ въ своихъ „Запискахъ“, изданныхъ въ Лейпцигѣ въ 1859 г.

[2]) Николай Яковлевичъ Аршеневскій, бывшій до того Нижегородскимъ губернаторомъ, правилъ Астраханской губерніей съ 1796 г. по Іюль 1798 г.

[3]) Изъ дѣлъ Астрах. Губерн. архива за 1798 г., № 44/80.

въ двѣ недѣли", сообщивъ въ тоже время о „понужденіи ихъ къ тому" коменданту генералъ-маіору Гедеонову. Но, конечно, въ короткій срокъ невозможно было произвести столь большой сборъ. „Въ облегченіе городскихъ жителей" князь Куракинъ въ концѣ Мая разрѣшилъ „расположить" сборъ помѣсячно, начиная съ 1 Апрѣля. По этому разсчету жившіе въ Астрахани Армяне должны были вносить каждый мѣсяцъ 1110 руб. 1 коп., и къ 1 Августа, согласно требованія Аршеневскаго, представить въ Астраханское уѣздное казначейство 4440 р. 4 к. Къ Іюню Армяне собрали 2,000 руб. и, навѣрно, въ назначенный срокъ успѣли бы собрать остальныя деньги; но губернаторъ, не дождавшись имъ же назначеннаго времени, по прибытіи въ Астрахань новаго коменданта генералъ-лейтенанта Николая Ѳедоровича Ртищева, 5 Іюня, увѣдомилъ послѣдняго, что на Астраханскихъ жителей положенъ сборъ и что онъ, Аршеневскій, „за истеченіемъ срока никакого въ томъ сборѣ успѣха не усматриваетъ, *а между тѣмъ всевысочайшая Его Императорскаго Величества воля остается неисполненною*", почему и просилъ „понудить Астраханскій магистратъ и общій Азіанъ судъ къ немедленному сбору причитающихся на каждое общество суммъ, и объ успѣхѣ его увѣдомить". Получивъ такое отношеніе, комендантъ „почелъ должностію выполнить его въ точности". 8 Іюня онъ призвалъ къ себѣ членовъ городского магистрата и Азіатскаго суда и настойчиво требовалъ взноса денегъ. Члены, хотя считали себя обязанными уплатить слѣдуемыя съ ихъ обществъ суммы, но, зная распоряженіе князя Куракина и разрѣшенную отсрочку до Августа, были въ нерѣшительности, какъ поступить и что Ртищеву отвѣчать. Страннымъ казалось, что губернаторъ имъ предписывалъ одно, а коменданту „предлагалъ" другое. Денегъ собрано не было, и городскіе выборные просили отсрочки; но комендантъ рѣшительно заявилъ:

„Мой долгъ взыскивать, вашъ долгъ платить. Даю вамъ сроку недѣлю. Ежели послѣ того исполненія не увижу, то донесу Государю Императору".

Недѣля протекла быстро. За это время городъ, конечно, не успѣлъ собрать или хотя бы занять всю сумму. Тогда комендантъ самъ явился въ магистратъ съ требованіемъ денегъ, но такъ какъ ихъ не было въ наличности, то онъ въ своемъ присутствіи „велѣлъ" свое „требованіе записать въ журналъ". Потомъ поѣхалъ въ общій Азіатскій судъ „и тамъ учинилъ тоже".

„Желаете вы платить сіи деньги?" грубо обратился онъ къ судьямъ. „Всеусердно желаемъ, ваше превосходительство, и имѣемъ

уже въ готовности 2,000 рубл., но не знаемъ куда ихъ дѣвать, ибо до сихъ поръ не получили на то соотвѣтствующаго повелѣнія".

„Я знать ничего не хочу", отрѣзалъ комендантъ, чтобы къ четыремъ часамъ всѣ деньги мнѣ были представлены.

Ртищевъ уѣхалъ. Армяне, посовѣтовавшись между собой, рѣшили отвезти собранныя 2,000 рубл. ему на домъ, но комендантъ ихъ не принялъ и приказалъ отдать губернатору, а самъ „ту же минуту донесъ рапортомъ Государю Императору все происшествіе въ подробности".

Это было 15 Іюня. Губернаторъ хотя взялъ принесенныя ему Армянами деньги, однако черезъ два дня отослалъ ихъ обратно въ судъ, предписавъ сдать ихъ въ Казенную Палату (что̀ и было исполнено 22 числа).

Между тѣмъ „чрезъ обыкновенное оборота почты время" на имя Ртищева послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, которымъ повелѣвалось „расположить полкъ въ домы ослушниковъ". Комендантъ исполнилъ это повелѣніе съ замѣчательной жестокостью.

„19 Іюля въ 4 часа пополуночи", когда весь городъ покоился сномъ безмятежнымъ, въ дома богатыхъ купцовъ Русскихъ и Армянскихъ явились вооруженные солдаты, подъ начальствомъ штабъ и оберъ-офицеровъ, и начали ломиться въ двери, неистово стучали въ окна, „производя необычайный шумъ". Солдаты кричали и безобразничали, а офицеры надрывались еще больше своихъ подчиненныхъ. Жители перепугались до невозможности.

„Когда я,—разсказываетъ одинъ изъ пострадавшихъ, Армянинъ Калустовъ *), разбуженный шумомъ многочисленныхъ голосовъ, придя въ робость, открылъ окно, то увидѣлъ на своемъ дворѣ маіора Булыгина съ ротой вооруженныхъ солдатъ. Маіоръ кричалъ: „Отворяй двери отъ покоевъ!" Увидя такое „множество солдатъ", дѣти мои „испугались почти до полусмерти и съ плачемъ и воплемъ бѣжали въ другіе покои"; моя сноха, „которая три мѣсяца была больна", „пришла въ отчаяніе жизни"; самъ я перепугался до того, что „чуть параличъ меня не ударилъ".

Не зная за собой никакой вины, Калустовъ „возымѣлъ смѣлость" спросить маіора, зачѣмъ онъ пришелъ?

„Такъ комендантъ приказалъ, грубо отвѣтилъ Булыгинъ".

*) См. въ дѣлѣ 44/80 его прошеніе на имя генералъ-прокурора, 27 Іюля 1798 г.

„Ежели солдаты присланы для постоя“, продолжалъ Калустовъ, я имѣю „три хорошихъ каменныхъ постоялыхъ дома и одну казарму; ведите ихъ туда“. Но маіоръ одно кричалъ: „Отворяй двери!“ Полураздѣтый, въ одной рубашкѣ, хозяинъ принужденъ былъ исполнить строгое приказаніе. „Веди, гдѣ у тебя лучшія комнаты!“ Калустовъ, ничего не понимая, указалъ „большую залу, коя вся мебелями была убрана на немалую сумму“. Маіоръ въ сопровожденіи тридцати девяти солдатъ ввалился туда.

„Позвольте!“ „съ учтивостью“ обратился къ Булыгину Калустовъ, „зачѣмъ же ихъ ведете въ „горницы?“

„А затѣмъ, что ты долженъ въ казну деньги и до сей поры не заплатилъ“.

„Но я не долженъ ни казнѣ и никому другому“.

„Покажи квитанцію!“ заоралъ на него маіоръ.—„Ваше Армянское общество должно платить казнѣ 12,320 руб.“.

„Что̀ слѣдуетъ съ меня я заплатилъ, только не успѣлъ еще получить росписки, какъ и многіе нашего общества люди“.

„До тѣхъ поръ пока ты мнѣ не представишь квитанціи, я тебѣ не повѣрю и постоя съ твоего дома не сниму“, отвѣтилъ Булыгинъ и велѣлъ солдатамъ составлять въ залѣ ружья „и сѣсть на канапѣ“.

Тридцать девять человѣкъ остались въ этомъ домѣ, а съ тридцатью другими маіоръ отправился въ находившійся противъ домъ брата Калустова, гдѣ, не взирая на то, что хозяинъ только за двѣ недѣли передъ тѣмъ перенесъ тяжкую болѣзнь, „учинилъ“ тоже самое“.

Можно судить, что̀ испытала въ это время семья сего послѣдняго, вновь заболѣвшаго отъ такой неожиданности „ослушника“; и вообразите, какой переполохъ надѣлала столь крутая мѣра выбиванія денегъ. „Астрахань,— говоритъ современникъ *),—въ это время представляла видъ плѣненнаго города, гдѣ воины, разсыпясь по домамъ, все наполняли ужасомъ; ибо здѣсь даже того хозяину не позволяли, чтобъ онъ перешелъ въ другой покой, но велѣно жить вмѣстѣ съ солдатами. Охальничество и поведеніе солдатское по симъ хорошо убраннымъ меблированнымъ комнатамъ производило ужасъ и содроганіе. Вотъ

*) Протоіерей Ник. Скопинъ. См. его „Записки дневныя“ въ „Саратовскомъ Историческомъ сборникѣ“.

какъ вынуждаютъ контрибуцію! И по неволѣ отдашь то, что имѣешь, послѣднее. Отъ сего по всему городу разсѣялось уныніе. Такая строгость приводитъ въ недоумѣніе всѣ умы".

На другой день купцы внесли въ казначейство часть денегъ, а 24 Іюня уплатили всѣ остальныя. Однако, когда коменданту были представлены въ этой уплатѣ квитанціи, онъ не принялъ ихъ „въ резонъ", а отослалъ губернатору, который также не счелъ нужнымъ удостовѣриться, дѣйствительно ли деньги внесены сполна, и не освободилъ горожанъ отъ тягостнаго постоя".

„И солдаты по нынѣ въ домахъ нашихъ и въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ мы бываемъ и дѣла свои отправляемъ, съ нами живутъ вмѣстѣ", жаловались потомъ горожане. Домы приведены въ безобразность, какъ-то: иные (солдаты) на полахъ моются, другіе трубку курятъ и горѣлый табакъ на полъ высыпаютъ, иные сѣмена и корки дынь и арбузовъ бросаютъ, гдѣ хотятъ, и разными неприличностями поступаютъ и несносное притѣсненіе чинятъ, чего всего въ подробности и описать не можно, а натура человѣческая не можетъ таковаго притѣсненія и непристойности видѣть и терпѣть" [1]).

Прибывшій въ Астрахань (28 Іюля) новый губернаторъ, д. с. с. И. С. Захаровъ [2]), хотя „облегчилъ" положеніе гражданъ, но также окончательно „не освободилъ ихъ отъ постоя". Тогда члены Азіатскаго суда принесли новому ген.-прокурору жалобу. П. В. Лопухинъ потребовалъ отъ Захарова объясненія. Въ огражденіе себя и Ртищева, губернаторъ [3]) представилъ дѣло въ иномъ видѣ, чѣмъ о томъ писали Астраханцы, обвинивъ во всемъ Городовой Магистратъ и Азіатскій Судъ и при этомъ увѣривъ Лопухина, что, какъ только „всѣ суммы собраны и внесены въ Казначейство, послѣ сего, нимало не медля, экзекуція была снята и каждый гражданинъ остался спокоенъ, кромѣ обыкновенныхъ солдатскихъ постоевъ, которые, по неимѣнію здѣсь казармъ, и до нынѣ въ домахъ ихъ, по распоряженію коменданта, остаются".

Можетъ быть, по обыкновенію, и это дѣло кончилось бы ничѣмъ, но за своихъ единовѣрцевъ вступился архіепископъ Русскихъ Армянъ, извѣстный Іосифъ, князь Аргутинскій-Долгорукій [4]), пользовавшійся

---

[1]) Изъ прошенія Калустова генералъ-прокурору.

[2]) Изъ Бѣлорусскихъ вице-губернаторовъ, назначенъ въ Астрахань указомъ 22 Апрѣля 1798 г.

[3]) Письмомъ отъ 26 Октября 1798 г., за № 1275.

[4]) Впослѣдствіи Католикосъ Эчміадзинскій.

большимъ расположеніемъ императора Павла. Будучи въ Петербургѣ, при удобномъ случаѣ онъ доложилъ всѣ подробности Астраханской экзекуціи Государю, и Ртищевъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто 15 Ноября былъ присланъ генералъ Талызинъ [1]), человѣкъ, однако, тоже мало отличавшійся мягкосердечіемъ. О немъ, напримѣръ, разсказываютъ [2]) такой характерный случай.

Одинъ офицеръ позволилъ смѣнившемуся съ часовъ и перезябшему отъ мороза солдату выпить рюмку вина. Талызинъ, прійдя въ казарму и обойдя всѣхъ солдатъ, замѣтилъ офицеру: „У васъ одинъ солдатъ пьянъ“. Капитанъ, зная о комъ идетъ рѣчь, прямо на чистоту разсказалъ коменданту „всю исторію, какъ она была“. Талызинъ вскипѣлъ сильнымъ гнѣвомъ, видя въ этомъ поступкѣ нарушеніе закона: тотчасъ же приказалъ капитана арестовать, а солдата на другой же день прогналъ сквозь строй.

Такова была тогда строгость, граничившая съ безчеловѣчіемъ. Однако и въ это суровое время не могъ быть терпимъ такой рьяный исполнитель закона: черезъ три мѣсяца Талызинъ былъ смѣненъ [3]) и на его мѣсто въ Февралѣ слѣдующаго года прибылъ въ Астрахань болѣе мягкій человѣкъ генералъ-маіоръ князь Николай Юрьевичъ Урусовъ.

II.

Смѣна ненавистныхъ комендантовъ, навѣрно, была пріятна многимъ Астраханцамъ, хотя далеко не облегчила ихъ участи, такъ какъ дома горожанъ попрежнему разрушались безобразнымъ солдатскимъ постоемъ. Чтобы избавить жителей отъ этого непосильнаго ига, высочайше было повелѣно построить въ Астрахани каменныя казармы. Обсуждая эту благодѣтельную монаршую волю, городская дума, вмѣстѣ съ выборными отъ купцовъ и мѣщанъ, въ Февралѣ 1799 года рѣшила, до выстройки „оныхъ“, нанять подъ постой воинскихъ чиновъ „партикулярные“ дома, на что предложила ассигновывать ежегодно по 10,000 руб. Но потомъ, въ засѣданіи 23 Марта, „имѣла иное разсужденіе“. Въ виду того, что „вѣрнаго свѣдѣнія нѣтъ“ о томъ, когда „начнутся стройкою“ тѣ казармы, „по не отводу отъ Астраханскаго губернатора д. с. с. Захарова и коменданта князя Урусова удобныхъ подъ нихъ мѣстъ“, да ежели и будутъ отведены мѣста, то врядъ ли

---

[1]) Впослѣдствіи командиръ Преображенскаго полка, участвовавшій въ заговорѣ противъ Павла I.

[2]) Въ „Дневныхъ запискахъ“ протоіерея Н. Скопина.

[3]) Не это ли обстоятельство было причиной сильной ненависти Талызина къ Павлу, что онъ явился однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ противъ него?

въ два года могутъ быть выстроены зданія, а между тѣмъ городъ долженъ нести расходы и на постройку казармъ и одновременно на наемъ помѣщеній для воинскаго постоя, и поэтому „на гражданство немпнуемо“ ляжетъ „сугубое отягощеніе“, то, дабы избѣжать двойныхъ поборовъ съ общества, дума постановила: купить у именитаго гражданина Никиты Калустова каменный гостинный, называемый „*Милліонщиковымъ*“ и рядомъ съ нимъ деревянный, бывшій купца Волковойникова домы, которые Калустовъ продавалъ за 65,000 руб., для чего поручить городскому головѣ заключить съ владѣльцемъ условіе.

На покупку назначены были деньги, вырученныя отъ бывшихъ на откупѣ у князей Куракиныхъ рыбныхъ промысловъ, и ассигнованная на постройку казармъ сумма. На „обдѣлку“ же и содержаніе сихъ домовъ произвести сборъ: „росписать оный въ два срока... на гражданство самымъ вѣрнымъ и одному противъ другого необиднымъ росчисленіемъ, которыя немедленно собрать“. По пріемкѣ домовъ, если окажутся въ нихъ „годные къ помѣщенію покои, то въ нихъ немедленно перевесть военнослужащихъ и гражданъ отъ постоя облегчить“; „неспособные же покои“ „обстроить“ подъ наблюденіемъ городского головы „и потомъ ужъ въ оные военнослужащихъ помѣстить, однакожъ наблюдая въ семъ переводѣ порядокъ: если кто по раскладкѣ внесетъ деньги впередъ, у того „и постояльцевъ свезть всѣхъ, а кто будетъ платить по третямъ, у такихъ и постояльцевъ сводить противъ платежа, дабы всякъ, желая облегчить себя отъ постоя, могъ скорѣе положенныя деньги отдавать, исключая изъ сего побора самыхъ бѣдныхъ вдовъ, сиротъ и мѣщанъ...“ „Когда же покупка законнымъ порядкомъ къ концу приведена и обдѣлка совершенно кончится, то о вводѣ военнослужащихъ по узаконеніямъ, равно что высочайшее повелѣніе въ построеніи казармъ Россійскимъ купечествомъ выполнено, дума имѣетъ куда слѣдуетъ учинить донесеніе“.

Казалось бы, что, ради скорѣйшаго исполненія высочайшей воли, мѣстная власть сочувственно отнесется къ затѣи городской думы; однако, вышло наоборотъ. Губернаторъ Захаровъ, по свойственной ему подъяческой привычкѣ все порицать, усмотрѣлъ въ приговорѣ городского общества нарушеніе „правилъ, начертанныхъ въ высочайшемъ о городахъ положеніи“. Придравшись къ тому, что дума составила собраніе „безъ позволенія начальства“ и не донесла ему „о подписаніи горожанами приговора“, а также и на то, что городской голова Сергѣй Сѣдовъ, „не давъ ему ни малѣйшаго свѣдѣнія о началѣ и движеніи сего дѣла, уже заключилъ съ Калустовымъ торгъ, давъ по-

слѣднему въ задатокъ пять тысячъ руб.“, онъ потребовалъ къ себѣ составленный обществомъ приговоръ, изъ котораго, „увидѣлъ нѣкоторыя черты (неизвѣстно только какія), заключающія причину сей таинственности“. Вслѣдствіе этого Захаровъ „предложилъ думѣ учинить новое собраніе“, на которое 4 Апрѣля явился самъ въ сопровожденіи губернскаго прокурора и совѣтника Губернскаго Правленія. Тутъ онъ обратился къ общественникамъ съ вопросомъ:

— Всѣмъ ли вамъ извѣстно о покупкѣ дома для постоя воинскихъ чиновъ и желаете ли купить оный на „прописанномъ въ приговорѣ основаніи?

Всеобщимъ отвѣтомъ были желаніе и согласіе.

— Истинно, намѣреніе общества благоразумно и не подлежитъ никакому противорѣчію, больше ничего не могъ сказать губернаторъ, но только „не соблюденъ законный порядокъ какъ въ собраніи общества, такъ и въ самой покупкѣ дома“; и „предлагалъ“ выборнымъ „средства къ поправленію того положенія, въ коихъ порядокъ закона соблюлъ бы и общественную пользу“.

„На сіе все общество изъявило во-первыхъ, извиненіе, а потомъ благодарность и согласіе привести дѣло въ законный порядокъ новымъ приговоромъ“. Но тому воспротивился городской голова Сѣдовъ, который, по уходѣ губернатора, склонилъ общественниковъ утвердить составленный 23 Марта приговоръ и „остаться при своихъ намѣреніяхъ“.

Узнавъ объ этомъ поступкѣ Сѣдова, Захаровъ „многократно призывалъ городского голову и нѣкоторыхъ почетныхъ гражданъ“ къ себѣ, „паки представлялъ имъ незаконность поступка, склонялъ къ поправленію онаго и убѣждалъ къ тому правилами закона. Но при всемъ томъ одинъ голова остался непреклоненъ, отзываясь тѣмъ, что такъ обществу угодно“, а въ томъ, „что собраніе и покупка дома были скрыты“ отъ губернатора, „представлялъ такія отговорки, которыя доказывали только, что есть въ семъ дѣлѣ чей либо интересъ, или упрямство противостоять начальству“, какъ потомъ жаловался Захаровъ генералъ-прокурору *).

„Испытавъ такимъ образомъ всѣ средства убѣжденія и не получивъ успѣха“, губернаторъ возвратилъ приговоръ въ Думу и, „не приступая ни къ какому подвигу во огорченіе общества, рѣшился обстоятельство сіе предать благоуваженію“ его свѣтлости князя Лопухина,

*) Письмомъ отъ 12 Апрѣля 1799 г., № 735 въ дѣлѣ Астрахан. губерн. архива за тотъ же годъ № 76.

настроивъ и губернскаго прокурора Тарасова донести генералъ-прокурору „подробнѣйшія объясненія дѣла“.

„Имѣя данное мнѣ законами право,—говорилъ Захаровъ въ своей жалобѣ,—могъ бы я отослать виновныхъ къ суду; но дабы не явить свѣту, что въ личной моей обидѣ учиняюсь истцемъ и судіею, признаю за приличнѣйшее предать себя защитѣ высшей власти, а поступокъ общества, наипаче же городского головы Сѣдова, правосудному разсмотрѣнію оной“.

На самомъ же дѣлѣ, какъ увѣряетъ современникъ протоіерей Скопинъ, цѣль этой придирки губернатора къ городскому обществу была иная и не имѣвшая въ основѣ отстаиванія существовавшихъ правилъ и узаконеній. Захаровъ „воспылалъ гнѣвомъ на купеческое сословіе потому, что, благодаря этому случаю, хотѣлъ взять съ него себѣ въ даръ 10,000 руб. Какими побужденіями руководствовался онъ въ своихъ дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ, мы не знаемъ, ибо слово и сердце у такихъ людей почти всегда не согласны“ (между собой). „Онъ бралъ на себя слишкомъ много и говорилъ такія слова, которыя оказывали въ немъ очень великаго самохвала. Въ городѣ его называли „старымъ подъячимъ“, ибо происходилъ онъ изъ низкихъ людей; но, имѣвши случай научиться приказнымъ дѣламъ, а также и другимъ свѣдѣніямъ, обратилъ сіе въ худую сторону. Одна корысть была предметомъ всѣхъ его начинаній и дѣлъ. Имѣя покровителемъ свояка своего, любимца и гардеробмейстера Государева, графа Кутайсова, онъ не боялся все предпринимать и дѣлать...“ (противозаконно).

Однако не такъ взглянулъ на его происки генералъ-прокуроръ Лопухинъ. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ отъ 20 Іюня того же года, князь счелъ обязанностью отозваться: „буде вы, милостивый государь мой, усматриваете, что Городская Дума не повинуется законной власти и выходитъ изъ предѣловъ, ей законами предначертанныхъ, въ такомъ случаѣ имѣете власть отослать присутствующихъ въ оной къ суду по законамъ“.

Но Захаровъ, видимо, не хотѣлъ затѣвать такой огласки, гдѣ онъ могъ бы изъ обвинителя обратиться въ отвѣтчика. Поэтому онъ началъ дѣйствовать, мимо Лопухина, чрезъ Кутайсова, писалъ въ Петербургъ „разные несправедливые доносы“, дѣлалъ различныя злобныя о городскомъ головѣ представленія, „склоняя свои рѣчи къ тому, что онъ (Сѣдовъ) возмущаетъ общество“. „Слѣдствіемъ этого было то, что весь городъ остался въ порицаніи, а голова (въ Декабрѣ 1799 г.) взятъ въ Петербургъ къ отвѣту“. Въ Мартѣ слѣдующаго года были

потребованы къ Государю Императору еще пять человѣкъ изъ городскихъ депутатовъ Русскихъ и Армянъ. Послѣдніе, впрочемъ, вскорѣ возвратились въ Астрахань, но голову посадили на мѣсяцъ въ Петербургскую крѣпость „на хлѣбъ и на воду“, и, кромѣ того, „въ прекращеніе ссоръ его велѣно смѣнить“. Захаровъ же, черезъ нѣсколько дней послѣ того, получилъ орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, неизвѣстно только за это ли событіе или за какія другія подобныя же заслуги...

П. Юдинъ.

УКАЗЪ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВУ ОТЪ ГРАФА П. Б. ШЕРЕМЕТЕВА.

Просилъ меня графъ Романъ Ларивоновичъ Воронцовъ, чтобы позволено ему было отъ меня ѣздить въ дачахъ Копорскихъ моихъ мызъ съ собаками; но какъ я всегда обязанъ дружбою Романа Ларіоныча, ѣздить ему дозволилъ, о чемъ къ нему писалъ, а притомъ послалъ къ тамошнему прикащику и указъ. Того ради тамошнему прикащику подтвердить, чтобы въ силу указа моего онъ бы съ нимъ обходился учтивѣе, а притомъ можетъ быть ему случится въ моихъ мызахъ ночевать, чтобы какое можно ему старался сдѣлать удовольствіе.

Г. Петръ Шереметевъ.

Въ Москвѣ 20 Марта 1777 г.

*

Петръ Александровъ отписываетъ въ отвѣтъ.

Присланное отъ вашего сіятельства письмо его сіятельству графу Роману Ларивоновичу отнесено мною самимъ и вручено персонально сего Марта 25 числа, на что отъ его сіятельства приказано вашему сіятельству отписать нижайшее почтеніе и благодарность. Не оставитъ же и самъ къ вашему сіятельству писать.

Въ С.-ПБ. 27 Марта 1777 г.

ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА.

I.

Копія съ письма полковника Янковскаго отъ 19 Января 1879 г. изъ Филиппополя къ военному министру.

Еще разъ позволяю себѣ сдѣлать докладъ вашему сіятельству, руководясь побужденіемъ хотя сколько-нибудь содѣйствовать къ уясненію положенія дѣлъ въ Восточной Румеліи.

Въ концѣ Ноября и Декабря минувшаго года я сдѣлалъ объѣздъ изъ Ямбола въ Сливенъ, Кизиль-Агачъ, Карнабатъ, Айдосъ, Бургасъ,-Акіолу и Ени-Загру.

Главная цѣль объѣзда состояла въ томъ, чтобы примѣнить къ дѣлу возможно-прочно писанныя правила о полиціи.

Въ числѣ жандармовъ, кромѣ Болгаръ, есть Греки и нѣсколько Турокъ. Приставá всѣ Болгары: народъ большею частью способный, здоровый и трезвый. Но почти всѣмъ чинамъ здѣшней полиціи присущи два порока: принимание отъ жителей подачекъ, въ видѣ жизненныхъ продуктовъ, фуража и даже денегъ, и грубое обращеніе.

Пороки эти, составляя прямое наслѣдіе Турецкихъ временъ, до такой степени вкоренены, что даже сами жители, повидимому, не усматривали въ нихъ ничего дурного, и мнѣ приходилось выслушивать отъ сравнительно-интеллигентныхъ Болгаръ убѣжденіе, что принятіе подачекъ не можетъ ослабить энергіи чиновъ полиціи и что здѣшній народъ настолько привыкъ видѣть полицейскихъ съ калянками (нагайками), что только съ помощью ихъ жандармы будутъ въ состояніи добиваться исполненія ихъ законныхъ требованій. Я старался убѣдительно внушить чинамъ полиціи, что должна существовать большая разница между Турецкимъ заптіемъ и Болгарскимъ жандармомъ, такъ какъ первый бывалъ обыкновенно притѣснителемъ, а послѣдній назначается для охраны и защиты общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ реко-

мендовалъ окружнымъ начальникамъ и приставамъ принять самыя серьезныя мѣры для возможнаго устраненія этихъ пороковъ.

Замѣчательно, что Болгары съ особенною охотою поступаютъ на службу въ полицію. Хотя здѣсь еще нѣтъ покуда способныхъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, которыми со временемъ будетъ по преимуществу пополняться полиція, тѣмъ не менѣе, за малыми исключеніями, во всѣхъ округахъ комплектъ жандармовъ полный. Казеннаго оружія полиція еще не получила; но мнѣ почти не случалось встрѣтить жандарма, который бы не имѣлъ собственнаго ружья (большею частью Мартини) и какой-нибудь сабли или ятагана.

Кромѣ полиціи здѣсь, въ послѣднее время, принимаетъ широкіе размѣры устройство сельскихъ вооруженныхъ карауловъ.

Я уже имѣлъ честь доложить вашему сіятельству тѣ главныя основанія, на которыхъ учреждаются здѣсь караулы. Розданныхъ для этой цѣли 2,500 ружей въ Восточной Румеліи признается весьма недостаточно. Въ настоящее время генералъ-губернаторъ, съ разрѣшенія Императорскаго комиссара, предполагаетъ выдать изъ существующихъ складовъ нѣсколько десятковъ тысячъ винтовокъ Кренкока съ патронами, для вооруженія, почти поголовно, Болгарскихъ селеній въ Родопскихъ горахъ и для устройства сельскихъ карауловъ въ частяхъ округовъ: Карнобатскаго, Адоескаго, а также и Ахіоскаго, лежащихъ въ Балканскихъ горахъ и у ихъ подножія.

Такая мѣра признана вполнѣ необходимою въ виду полученныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что Турки поспѣшно вооружаютъ и обучаютъ поголовно все Магометанское населеніе Родопскихъ горъ.

Устройство же сельскихъ карауловъ въ Балканахъ послужитъ къ самозащитѣ тѣхъ Болгарскихъ селеній, которые лежатъ или въ предѣлахъ бывшей демаркаціонной линіи, или вблизи ея, такъ какъ въ той мѣстности находится много Турецкихъ деревень, у жителей которыхъ, по всей вѣроятности, хранится спрятанное оружіе.

О намѣреніи вооружить жителей Родопскихъ горъ генералъ-лейтенантъ Столыпинъ сообщилъ Европейскимъ комиссарамъ и доложилъ главнокомандующему дѣйствующею арміею.

Обученіе людей карауловъ обращенію съ ружьемъ и стрѣльбѣ по распоряженію генерала Столыпина производится унтеръ-офицерами отъ частей пѣхоты, при чемъ жители съ особенною охотою относятся

къ дѣлу *). Въ городѣ Ени-Загрѣ мнѣ случилось видѣть, какъ съ разрѣшенія унтеръ-офицера обучалъ селянъ, въ присутствіи множества зрителей, мѣстный табачный фабрикантъ, въ длиннополомъ кафтанѣ, служившій прежде въ Болгарскомъ ополченіи. Интересно было видѣть, съ какою, можно сказать, яростью онъ произносилъ командныя слова и поправлялъ прикладку и съ какимъ серьезнымъ вниманіемъ относились къ его наставленіямъ стоявшіе въ шеренгѣ поселяне.

Переходя за симъ къ описанію положенія страны въ политическомъ отношеніи, я, прежде всего, долженъ повторить, что, по крайнему моему убѣжденію, Болгары вообще народъ добрый, нравственный, честный и безпредѣльно и вполнѣ искренно преданный Государю Императору и нелицепріятно любящій Россію и Русскихъ.

Я стараюсь изучить здѣшнюю страну не только въ городахъ и на большой дорогѣ, но и въ деревняхъ, лежащихъ совсѣмъ въ сторонѣ. Мнѣ часто приходилось и приходится слышать порицанія Болгарскаго народа за его несообщительность и недружелюбныя къ намъ отношенія.

Такое обвиненіе едва ли вполнѣ основательно. Тяжкое прошлое, пережитое Болгарами, испытанныя разочарованія и разбитыя надежды не могли конечно выработать въ нихъ довѣрчиваго и особенно веселаго характера. Кромѣ того, самыя климатическія условія не содѣйствовали ли въ теченіе продолжительнаго времени созданію характера Болгарина, во многомъ сходнаго съ нашимъ Малороссомъ? Тамъ и здѣсь замѣчается сосредоченность, недовѣрчивость и неохотная сообщительность. Наконецъ, въ случаѣ неизбѣжности, движеніе усиленное войскъ чрезъ всякую страну служитъ къ нѣкоторому ея обремененію, причемъ трудно ожидать, особенно отъ малоразвитыхъ жителей, наружныхъ проявленій радости и удовольствія.

Народный характеръ Болгаръ и ихъ политическія убѣжденія обрисовываются болѣе важными общими проявленіями, изъ коихъ нѣкоторыя позволяю себѣ привести.

Дорога изъ Ямболя въ Бургосъ была вѣроятно въ прежнее время шоссирована, но теперь, особенно въ распутицу, она возможна для проѣзда только съ величайшими трудностями. Въ концѣ Ноября и въ началѣ Декабря минувшаго года грязь чернозёма, доходящая до сту-

*) Въ одномъ только Хаскіоскомъ округѣ было нѣсколько случаевъ отказа жителей брать раздаваемое оружіе. Явленіе это, полагаю, слѣдуетъ отнести къ безтактности начальника округа.

пицъ колесъ, составляла обыкновенное явленіе. Мѣстами дорога была усыпана крупнымъ неукатаннымъ щебнемъ, и на ней часто попадались большіе булыжные камни.

По пути я встрѣчалъ обозы, погонщики которыхъ жестоко били заморенныхъ лошадей и бросали нѣкоторыхъ на дорогѣ, оставляя ихъ околѣвать отъ изнуренія и голода. У самой дороги можно было видѣть падаль, пожираемую воронами и собаками, благодаря которымъ и холодному времени, воздухъ казался не зараженъ смрадомъ *).

Дорога эта, послѣ Берлинскаго договора, получила особенное значеніе, движеніе по ней усилилось, и представилась настоятельная необходимость привести ее въ возможно лучшее состояніе.

Это было косвенною причиною разоренію придорожныхъ мѣстностей.

Количество рабочаго скота въ Восточной Румеліи весьма значительно уменьшилось вслѣдствіе большой войны, но и остающійся скотъ у придорожныхъ жителей окончательно изнуряется непосильною подводною повинностью. Безъ сомнѣнія, нужды нашей арміи должны быть прежде всего удовлетворены, и во что бы то ни стало; но нельзя не входить и въ положеніе жителей, вынужденныхъ истощать послѣднія силы своего скота, составляющаго главный источникъ ихъ благосостоянія.

При такомъ положеніи мнѣ ни разу не приходилось слышать ропота или нареканій, несмотря еще на то, что, по заявленіямъ нѣкоторыхъ начальниковъ округовъ, бывали случаи, когда войска вынуждались необходимостью подводы, взятыя на одинъ переходъ, задерживать на дальнѣйшій путь, что̀ приводило къ окончательному изнуренію и даже смерти рабочаго скота.

Не могу также не доложить вашему сіятельству одной изъ подробностей происшествія 30 Ноября въ г. Ени-Загрѣ, куда главный директоръ финансовъ Восточной Румеліи Шмидтъ, Австрійскій комиссаръ Калай и второй Англійскій комиссаръ Донмаръ прибыли для пріема казначейства.

Наши недоброжелатели хотѣли придать дѣлу значеніе сопротивленія, чуть даже не насилія со стороны мѣстнаго населенія, противъ

*) Ген.-лейт. Столыпинъ донесъ главнокомандующему о состояніи дороги. Ген.-ад. Тотлебенъ, признавъ свѣдѣнія о дорогѣ вѣрными, рѣшился принять энергичныя мѣры для возможнаго ея исправленія.

Европейскихъ комиссаровъ. Въ дѣйствительности же оказалось, что ежели бы со стороны г. Калая было высказано болѣе такта, то, несмотря на всю ненависть, которую здѣшніе жители питаютъ къ Европейской Комиссіи и ея работамъ, а въ особенности къ г. Шмидту (замѣчательному Туркофилу), все окончилось бы благополучно, хотя, впрочемъ, и такъ Европейскіе делегаты не подверглись никакимъ оскорбленіямъ. Но когда г. Калай началъ объяснять жителямъ, что комиссія имѣетъ въ виду улучшить ихъ бытъ, дать имъ зерно для обсѣмененія полей и рабочій скотъ, то Енизагрскіе Болгары, которымъ дѣйствительно угрожаетъ голодъ *), отвѣтили, что принять отъ Комиссіи не желаютъ ничего, что постараются безъ ея помощи перенести угрожающій имъ голодъ, что когда въ прошломъ году ихъ рѣзали Турки, то они обращались къ консуламъ въ Адріанополѣ, прося защиты, но просьбы ихъ были отвергнуты и что они знаютъ своихъ друзей и недруговъ, что одинъ лишь Русскій Царь и его народъ сочувствуютъ Болгарамъ, и въ заключеніе толпа возгласила „да живе Царъ Александръ!“

Такіе возгласы были, конечно, не на руку г. Калаю и его спутникамъ, почему они и поспѣшили представить происшествіе едва не въ видѣ бунта.

Замѣчательное самообладаніе и политическій тактъ, съ которымъ до сего времени держали себя жители Восточной Румеліи въ виду настоящихъ событій.

Извѣстна ненависть здѣшняго народа къ Европейской комиссіи, почему, при подобныхъ обстоятельствахъ, даже и въ странѣ болѣе цивилизованной, возможны были бы печальныя столкновенія. Здѣсь же, несмотря на то, что господа комиссары нерѣдко подаютъ поводъ къ безпорядкамъ, таковыхъ почти не случается. И точно, Англійскіе делегаты посылаютъ своихъ подчиненныхъ производить дознанія въ деревни, и народъ, имѣя устроенную нами полицію, не оскорбляетъ и не задерживаетъ производящихъ дознаніе. Кавасы комиссаровъ свободно ходятъ по городу въ фескахъ и нѣкоторые при оружіи. Недавно первый Англійскій комиссаръ Друммондъ Вольфъ, не обращаясь къ

*) Голодъ угрожаетъ не только Ени-Загрскому округу, но и нѣкоторымъ другимъ, въ которыхъ недостаетъ хлѣба до новаго урожая, особенно въ случаѣ ожидаемаго наплыва бѣженцевъ изъ мѣстностей, которыя будутъ оставлены нашими войсками. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, озабочиваясь предотвращеніемъ бѣдствій, полагаетъ перевезти для раздачи нуждающимся въ Восточной Румеліи изъ Болгаріи хлѣбъ, взятый въ Турецкихъ складахъ и собранный съ оставленныхъ Турками полей.

мѣстной полиціи, послалъ своихъ кавасовъ для приведенія водовоза, позваннаго въ другой дворъ.

Но особенно ярко Болгары выразили политическій тактъ 4 Января, въ день празднованія годовщины занятія нашими войсками Филиппополя, который чрезъ это былъ спасенъ отъ разграбленія. Никакой предосудительной выпадки, никакой враждебной Туркамъ демонстраціи и вообще ни малѣйшаго безпорядка не было произведено Болгарами. Наружное спокойствіе не исключаетъ однако возбужденія и броженія умовъ, которыя здѣсь усиливаются съ каждымъ днемъ. До послѣдняго времени Болгары твердо вѣровали, что прежде ухода нашихъ войскъ состоится сліяніе Восточной Румеліи съ Болгаріею, благодаря усиліямъ нашего правительства. Такое убѣжденіе они основывали между прочимъ и на томъ, что вводимыя нами учрежденія были тождественны для Румеліи и Болгаріи и что земское войско формировалось на однихъ началахъ и имѣло общее начальство.

Въ настоящее время, особенно послѣ передачи Европейской Комиссіи, финансовъ страны здѣшніе Болгары начинаютъ думать, что, не смотря на самое искреннее желаніе, наше правительство, въ силу сложившихся политическихъ обстоятельствъ, не въ состояніи будетъ провести дѣло сліянія частей Болгаріи.

Но снова попасть подъ власть султана большинство Болгаръ считаетъ положительно немыслимымъ. „Кто послѣ жестокаго рабства“, говорятъ они, „испыталъ въ теченіе года блага свободы и хорошаго управленія, тотъ не можетъ добровольно положить шею подъ ярмо“. Султану они не вѣрятъ и считаютъ его безсильнымъ. Они выражаютъ, что на основаніи ст. XVI Берлинскаго договора, генералъ-губернатору предоставляется право призвать въ страну Оттоманскія войска, причемъ Порта обязана поставить лишь въ извѣстность представителей державъ въ Константинополѣ о принятомъ ею рѣшеніи и о причинахъ его вызвавшихъ. Такимъ образомъ, еще прежде сообщенія Порты, войска ея внесутъ въ страну убійство и разореніе.

Когда въ здѣшней газетѣ „Марица“ начали печатать вырабатываемый Комиссіею проектъ Устава для устройства Восточной Румеліи, то немедленно въ той же газетѣ появилось отъ жителей Казанлыкскаго и Татаро-Базарджикскаго округовъ телеграммы, въ которыхъ высказывается рѣшимость скорѣе умереть до послѣдняго человѣка, нежели снова подпасть подъ власть султана. Полагаю, что съ уходомъ нашихъ войскъ здѣсь легко можетъ вспыхнуть возстаніе, что, повидимому, тѣмъ болѣе вѣроятно, что, во время моихъ поѣздокъ, я могъ убѣ-

диться въ существованіи въ рукахъ Болгаръ большого числа исправнаго оружія и большого количества патроновъ.

Въ послѣднее время здѣсь стали ходить слухи, что именитые Болгары, на предстоящемъ собраніи въ Тырновѣ, откажутся разсматривать органическій Уставъ, который имъ будетъ представленъ Императорскимъ коммиссаромъ на томъ основаніи, что будутъ считать себя неуполномоченными безъ присутствія представителей другихъ частей Болгаріи: Ѳракіи и Македоніи.

Кромѣ того въ Болгаріи появилась печатная прокламація (какво трѣба да са прави" (какъ нужно дѣйствовать). Въ прокламаціи этой совѣтуютъ именитымъ гражданамъ Болгаріи, по заявленію на собраніи въ Тырновѣ о томъ, что они не могутъ разсматривать органическаго Устава, разойтись по домамъ. Сверхъ того прокламація рекомендуетъ предупредить Турокъ занятіемъ охотниками Балканскихъ проходовъ.

Нужно полагать, что князь Дондуковъ-Корсаковъ, которому извѣстны и слухи, и прокламаціи, устроитъ дѣло такъ, что въ Тырновѣ безпрепятственно будутъ происходить предположенныя занятія.

Въ заключеніе имѣю честь доложить, что изъ разныхъ частей Восточной Румеліи собираются также депутаты отправиться на собраніе въ Тырново. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я говорилъ и объяснялъ, что они не будутъ допущены на собраніе. На это мнѣ отвѣчали, что почти увѣрены, что ихъ не допустятъ, но, что, явившись въ Тырново, ни исполнятъ свой политическій долгъ.

II.

Копія съ конфиденціальнаго отношенія генералъ-губернатора Восточной Румеліи г. послу въ Константинополѣ отъ 10 Марта 1879 г. № 460.

Уѣзжая въ Адріанополь 20 Февраля, я наканунѣ моего отъѣзда узналъ, почти случайно, что директоръ финансовъ г. Шмидтъ собирается совершить объѣздъ окружныхъ казначействъ Сливенской губерніи и части Филиппопольской.

Не имѣя времени до отъѣзда принять мѣры къ обезпеченію этой поѣздки, я немедленно послалъ мѣстнаго полицеймейстера Соколовскаго къ Французскому делегату Кутули и просилъ его отклонить поѣздку г. Шмидта впредъ до моего возвращенія. Мнѣ казалось это тѣмъ возможнѣе, что директоръ финансовъ почти два мѣсяца какъ собирался объѣхать окружныя казначейства, къ исполненію чего я

его даже вначалѣ поощрялъ, считая его ознакомленіе на мѣстѣ съ финансами страны далеко не безполезнымъ и находя, что въ то время спокойное настроеніе жителей обезпечивало безопасность этого путешествія.

Къ сожалѣнію не таковы были взгляды г. Шмидта и его руководителя Австрійскаго делегата Каллая; имъ нужно было для объѣзда страны болѣе возбужденное время; имъ, какъ видно, желательно было дождаться Тырновскаго собранія и Адріанопольской эмиграціи, чтобы заручиться такимъ настроеніемъ умовъ, которое служило бы порукою того, что безпорядки будутъ и что удастся доказать безсиліе Русской власти къ подавленію оныхъ.

Тѣмъ не менѣе я могъ уѣхать спокойно въ Адріанополь, такъ какъ полицеймейстеръ принесъ мнѣ отъ г. Кутули совершенно успокоительный отвѣтъ: поѣздка Шмидта видимо отлагалась до моего возвращенія.

Послѣдовавшее, за время моего отсутствія, засѣданіе международной комиссіи совершенно измѣнило первоначальныя предположенія. Отъ Шмидта нѣкоторые изъ делегатовъ потребовали, чтобы онъ ѣхалъ немедленно; г. Кутули не удалось отстоять даннаго мнѣ имъ обѣщанія; отъѣздъ директора финансовъ былъ рѣшенъ, причемъ опять-таки совершенно противно моимъ неоднократнымъ просьбамъ: объѣздъ Сливенской губерніи долженъ бы начать быть г. Шмидтомъ не съ города Сливны, а съ округовъ.

Получивъ это извѣстіе въ Адріанополѣ, я немедленно телеграфировалъ временному председателю Европейской комиссіи барону Рингу и просилъ его либо отложить, согласно данному мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ обѣщанію, поѣздку Шмидта до моего возвращенія, либо во всякомъ случаѣ направить ее прямо въ городъ Сливну, гдѣ онъ могъ бы предварительно сговориться съ губернаторомъ и получить отъ него надлежащія инструкціи и предписанія.

Въ помянутой телеграммѣ я указывалъ барону Рингу на послѣдовавшее по настоящему дѣлу совершенное пренебреженіе моими совѣтами и просьбами и слагалъ съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія подобнаго рода образа дѣйствій.

Какъ имѣлъ честь уже сообщить вашему сіятельству въ предпослѣднемъ моемъ донесеніи отъ 27 Февраля, съ перваго шага директоръ финансовъ встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны Болгаръ. Въ

Хаскіоѣ толпа окружила зданіе казначейства и потребовала отъѣзда нежеланнаго гостя.

Отправившійся немедленно на мѣсто происшествія Филиппопольскій губернаторъ принялъ энергическія мѣры къ подавленію безпорядковъ, арестовалъ предполагаемыхъ зачинщиковъ и доставилъ г. Шмидту возможность произвести ревизію казначейства. Въ Хаскіой мною была въ наказаніе назначена эксекуція, т.-е. распредѣлена въ городѣ на постой и на полное содержаніе жителей войсковая часть.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я отправилъ въ распоряженіе г. Шмидта, для охраны его личности, двухъ вполнѣ надежныхъ Русскихъ жандармовъ.

Съ легкой руки города Хаскіоя, дальнѣйшая поѣздка г. Шмидта вызывала все сильнѣйшіе безпорядки. Въ Ямболѣ толпа гораздо уже многочисленнѣе и грознѣе окружила домъ, въ которомъ остановился директоръ финансовъ, и требовала немедленнаго выѣзда его изъ города.

Впереди толпы стояли женщины и дѣти, за ними мужчины, и масса эта занимала не только пространство передъ домомъ, но и крыши сосѣднихъ домовъ; всѣ увѣщанія окружнаго начальника, уговаривавшаго толпу разойтись, оказались тщетными; смѣльчаки стали пытаться вломиться въ двери, отдѣлявшія толпу отъ помѣщенія, занимаемаго Шмидтомъ, и жандармы съ большимъ лишь трудомъ могли сдержать напоръ толпы.

Старшій въ городѣ по чину генералъ-маіоръ Маркозовъ, узнавъ о происходящемъ, вышелъ къ толпѣ и старался вразумить ее на счетъ дѣйствительнаго положенія г. Шмидта и его дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Маркозовъ потребовалъ роту сапёръ и полусотню казаковъ. Сапёры и казаки, оцѣпивъ толпу, заставили ее разойтись. Лишь тогда были допущены депутаты для переговоровъ съ директоромъ финансовъ. Г. Шмидтъ, обратясь къ депутатамъ, объявилъ имъ, что онъ не Турокъ и не Англичанинъ, что работа его не имѣетъ ничего общаго съ политикою, что назначенъ онъ на занимаемую имъ должность по волѣ, между прочимъ, и Русскаго Государя; что онъ любитъ Болгарскій народъ и т. п. При этомъ г. Шмидтъ прибавилъ, что его совершенно искреннее желаніе видѣть Восточную Румелію скорѣе слившеюся съ Сѣверною Болгаріею. Депутаты благодарили его, пожимали ему руки, приговаривая: „это все очень хорошо, но ты-то все-таки уѣзжай отъ насъ сейчасъ же, мы тебѣ желаемъ счастливаго пути“. „Нельзя было“,—пишетъ генералъ Маркозовъ,—„внутренно не смѣяться, слушая эту любезность депутатовъ; невольно

какъ-то вспоминалось извѣстное: „bona sero—Don Basilio“, изъ „Севильскаго Цирюльника“.

Видя безуспѣшность своихъ переговоровъ съ депутатами и опасаясь сильнѣйшихъ безпорядковъ, директоръ финансовъ 28 Февраля выѣхалъ по дорогѣ въ Сливну, сопровождаемый конвоемъ изъ десяти казаковъ.

Въ то время, какъ происходили вышеизложенныя волненія въ Ямболѣ, въ народѣ Сливнѣ съ утра 28 Февраля заволновался и зашумѣлъ, провѣдавъ о предстоящемъ пріѣздѣ г. Шмидта.

Десятитысячная народная масса, собравшаяся въ городѣ наканунѣ для привѣтствованія проѣзжавшаго въ тотъ день черезъ Сливну главнокомандующаго, стала сходиться къ зданію, занимаемому присутственными мѣстами. Губернаторъ вышелъ къ толпѣ и спросилъ о цѣли сборища. Ему отвѣчали одни, что въ Сливну ѣдетъ какой-то паша съ Турецкими войсками; другіе, что желаютъ видѣть г. Шмидта. Разъяснивъ народу дѣйствительную цѣль пріѣзда Шмидта, губернаторъ приказалъ сборищу немедленно разойтись, что̀ и было исполнено. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о командированіи навстрѣчу г. Шмидту вице-губернатора и полицеймейстера съ жандармами и казаками.

Нѣсколько часовъ спустя, губернаторъ лично выѣхалъ по дорогѣ въ Ямболи. Близъ города онъ встрѣчалъ ежеминутно кучки народа, съ которыми говорилъ и которымъ приказывалъ расходиться. Народъ сходилъ съ дороги; но, какъ стало извѣстно лишь потомъ, не расходился домой, а прятался по канавамъ вдоль шоссе. На случай новыхъ безпорядковъ были вызваны 2 роты расположеннаго въ городѣ 4-го резервнаго баталіона. Около 4 часовъ дня прискакали вице-губернаторъ и полицеймейстеръ и доложили губернатору, что г. Шмидтъ, будучи остановленъ по дорогѣ толпою, состоявшею почти исключительно изъ женщинъ, заявившихъ ему на Турецкомъ языкѣ, что населеніе города не желаетъ его видѣть, не рѣшился продолжать своего путешествія и вернулся назадъ въ Ямболи.

Губернаторъ немедленно командировалъ вице-губернатора догнать г. Шмидта и уговорить его вернуться въ Сливну. Въ томъ же смыслѣ вечеромъ была послана губернаторомъ телеграмма г. Шмидту въ Ямболи.

Но всѣ убѣжденія оказалась тщетными: директоръ финансовъ не рѣшился ѣхать въ Сливну, такъ какъ бывшій въ Ямболи началь-

никъ этаповъ генералъ Тихменевъ не далъ ему ручательства въ безопасности поѣздки, какъ того требовалъ отъ него Шмидтъ и, переночевавъ въ Ямболи на станціи желѣзной дороги, онъ на другой день, т.-е. 1 Марта, вернулся въ Филиппополь.

Получивъ извѣстіе о происходившемъ и узнавъ о возвращеніи въ Филиппополь г. Шмидта, я немедленно рѣшилъ ѣхать лично въ Сливну и предложилъ директору финансовъ сопровождать меня въ этой поѣздкѣ. Вмѣстѣ съ Шмидтомъ вызвался ѣхать со мной и 2-й Французскій делегатъ г. Кутули, докладчикъ финансоваго комитета.

По пріѣздѣ моемъ въ Ямболи, господствовалъ полнѣйшій порядокъ. Народъ привѣтствовалъ меня восторженными кликами въ честь Россіи, Русскаго Царя, и одновременно, провѣдавъ, что со мною ѣдетъ Французскій делегатъ г. Кутули, выразилъ свое сочувствіе къ Франціи и ея политикѣ самыми искренними и единодушными привѣтствіями.

Я не счелъ возможнымъ принять въ Ямболи строгихъ карательныхъ мѣръ. Я ограничился лишь вызовомъ къ себѣ наиболѣе вліятельныхъ жителей города, разъяснивъ имъ совершенную неумѣстность произведенныхъ демонстрацій. Вмѣстѣ съ тѣмъ я удалилъ отъ должности окружнаго начальника, который выказалъ себя, при бывшихъ въ Ямболѣ безпорядкахъ, непредусмотрительнымъ и весьма нераспорядительнымъ. Наблюденіе за порядкомъ въ городѣ возложено было мною *на мѣстное гимнастическое дружество.*

3 Марта утромъ я выѣхалъ въ Сливну въ сопровожденіи г. Кутули и Шмидта. Встрѣченный у въѣзда въ городъ почти всѣмъ народонаселеніемъ, я продолжалъ путь среди громкихъ криковъ восторженной толпы. Кидали цвѣты, кричали да здравствуетъ Русскій Царь! да здравствуетъ Русскій народъ и Русское войско! Вдоль улицы были разставлены шпалерами члены гимнастическаго дружества, числомъ до двухъ тысячъ человѣкъ.

Въ 5 часовъ дня большая толпа собралась у зданія конака, въ которомъ помѣщается касса, и у дома занимаемаго губернаторомъ, въ которомъ я остановился. Раздались громкія требованія о немедленномъ выѣздѣ изъ города г. Шмидта, непріязненныя ему восклицанія перемѣшивались съ восторженными привѣтствіями намъ, Русскимъ и Франціи, въ лицѣ ея симпатичнаго представителя г. Кутули. Стремясь разсѣять толпу, я выслалъ къ ней губернатора и полковника Кисякова. Затѣмъ я вышелъ и самъ къ толпѣ. Головы обнажились,

раздались обычныя восклицанія, женщины кидались на меня, цѣловали мнѣ руки и ноги и слезно молили не выдавать ихъ Туркамъ. „Бей насъ, кричали онѣ, убей насъ, если хочешь, но не дадимъ мы кассы Шмидту“. Я приказалъ арестовать наиболѣе выдававшихся крикуновъ и подвергнулъ ихъ административному взысканію.

Требовать рѣшительно удаленія толпы я не счелъ нужнымъ, такъ какъ, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь 80 человѣкъ резервнаго баталіона и неиспытанную еще мною дружину, мое требованіе вѣроятно не было бы исполнено, что меня компрометировало бы.

Въ это самое время толпа старухъ и вдовъ, мужья коихъ были убиты Турками, собралась у крыльца конака и выражала рѣшимость скорѣе умереть, чѣмъ допустить Шмидта къ кассѣ. Возбужденіе и ненависть къ возвращенію Турецкихъ порядковъ особенно сильны между женщинами. Причину этого мы находимъ въ тѣхъ словахъ, съ которыми одна изъ матерей-Болгарокъ обратилась къ Шмидту въ тотъ же день 3 Марта, когда онъ, въ сопровожденіи воинскаго начальника, вышелъ гулять по городу: „я потому не люблю Турокъ“,— кричала одна женщина, обращаясь къ г. Шмидту и смотря ему прямо въ лицо,—„что у меня было пять такихъ же какъ ты рослыхъ болвановъ-сыновей, и всѣ они пали въ борьбѣ съ Турками“.

Желая доказать толпѣ, что не боюсь ея и считая въ тоже время необходимымъ показать иностранцамъ, что созданныя нами гимнастическія дружества не производятъ безпорядковъ и пріучены къ дисциплинѣ, я приказалъ поставить какъ къ двери моей квартиры, такъ и къ дверямъ конака караулъ изъ членовъ дружества. Одновременно я сдѣлалъ секретное распоряженіе о вводѣ въ Сливну Шуйскаго полка, стоявшаго въ двухъ переходахъ отъ Сливны.

Къ вечеру 3 Марта народъ сталъ расходиться, но, къ сожалѣнію, лишь для того, чтобы на другой день, т.-е. 4 Марта, съ утра собраться еще въ бо́льшихъ размѣрахъ. Стекался народъ изъ окрестныхъ ближайшихъ къ Балканамъ селеній, и всѣ выражали одну упорную, мрачную ненависть къ Шмидту, какъ предвѣстнику возвращающагося Турецкаго управленія. Толпа пыталась окружить и занять домъ, въ которомъ помѣщались начальникъ Румелійской милиціи, полковникъ Кисяковъ и гг. Кутули и Шмидтъ, но натискъ ея былъ блистательно отбитъ Болгарскою дружиною, которою я рискнулъ воспользоваться, не имѣя другой части. Это молодое войско, славное созданіе Императорскаго комиссара, выказало стойкость и дисциплину, достойную Русской гвардіи. Милиціонерамъ, охранявшимъ помѣщеніе гг. Шмидтъ

и Кутули, было предписано удерживать натискъ толпы, держа ружья на перевѣсъ. Въ это время стали пускать изъ толпы въ милиціонеровъ камнями. Одинъ камень попалъ въ лицо молодого солдата и разбилъ ему челюсть. Раненый спокойно оставался на своемъ посту, держа ружье на перевѣсъ. Лишь потомъ, видя, что одного пассивнаго противодѣйствія оказывалось недостаточно, полковникъ Кисяковъ приказалъ дружинникамъ разогнать толпу прикладами, что и было ими немедленно исполнено.

Не могу не обратить особаго вниманія вашего сіятельства на поведеніе въ этомъ случаѣ Румелійской милиціи. Она положительно и безусловно необходима для поддержанія порядка въ странѣ. Ея организація оказывается превосходною, а потому я позволяю себѣ повторить сказанное мной въ донесеніи отъ 27 Февраля. Всякое измѣненіе, на основаніи предположеній Европейской комиссіи, въ организаціи земскаго войска страны будетъ положительно вредно и можетъ обратить милицію противъ мѣстной администраціи, тогда какъ нынѣ она является вполнѣ покорнымъ и твердымъ орудіемъ въ рукахъ этой администраціи. Подводя итогъ подъ все сказанное мной по этому предмету, какъ приличномъ вамъ докладѣ, такъ и въ предшествующихъ моихъ донесеніяхъ, я прихожу къ твердому убѣжденію, что принятая нашими комиссарами организація (по мысли комиссіи и по увѣренію совершенно незнающихъ края гг. Диксона и Торси) громадной жандармеріи и ничтожной милиціи, окончательно подорветъ автономію Румеліи. При семъ я нахожу совершенно невозможнымъ оставить наши кадры и нашихъ офицеровъ, такъ какъ имъ во главѣ дружинъ, образованныхъ на новый ладъ, предстоятъ лишь два исхода: или принять сторону Турецкаго правительства въ неуспѣшномъ подавленіи неминуемаго народнаго возстанія, чѣмъ подорвется наше нравственное вліяніе, или участвовать въ самомъ возстаніи, что запятнаетъ Русскій мундиръ.

Возвращаюсь къ Сливенскимъ происшествіямъ. Вечеромъ 4 Марта я хотѣлъ воспользоваться прибытіемъ перваго эшелона Шуйскаго полка, состоящаго изъ трехъ ротъ, чтобы внезапно занять конакъ и кассу. Но при видѣ движенія войскъ, народъ сильно заволновался, ударили въ набатъ. Полковникъ Кисяковъ, собравъ дружину, стремился разогнать толпу и готовъ былъ стрѣлять. Къ счастію, я успѣлъ предупредить и на этотъ разъ кровопролитіе, приказавъ войскамъ оставаться на мѣстѣ и оставить толпу въ покоѣ; это кажущееся съ моей стороны послабленіе было вызвано тѣмъ общимъ направленіемъ, котораго я не переставалъ держаться.

Какъ я говорилъ уже выше, безпорядки были, если не подготовлены, то во всякомъ случаѣ желаемы партіей международной комиссіи, намъ враждебной. Ходятъ даже слухи, за достовѣрность которыхъ впрочемъ не ручаюсь, что подстрекателями народа являются агенты Австро-Венгерскаго делегата. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ спора, что благоразумные Болгары, дѣйствительные и серьезные народные вожаки, были не только чужды, но даже враждебны Сливенскимъ безпорядкамъ. Было ясно, что народъ сорвался съ той цѣпи, на которой вожаки эти думали его держать, и нѣтъ спора, что въ народѣ дѣйствовали вожаки другого рода, работавшіе по наущенію изъ Филиппополя. Работа ихъ была, конечно, значительно облегчена тою подготовленною и возбужденною почвою, которую они нашли въ населеніи Сливенской губерніи; но полный успѣхъ ихъ трудовъ былъ бы достигнутъ лишь въ томъ случаѣ, если бы я стрѣлялъ и если бы братская тѣсная связь Русскаго народа съ Болгарскимъ была бы, быть-можетъ, разорвана на вѣки пролитіемъ Болгарской крови Русскимъ солдатомъ и Русскимъ ружьемъ.

5 Марта, около двухъ часовъ дня, къ гг. Кутули и Шмидту являлась депутація отъ жителей и поднесла имъ обоимъ адресъ. Адресъ г. Кутули заключалъ почти исключительно выраженія благодарности за сочувственную къ Румелійскому вопросу политику его и перваго делегата барона Ринга; въ адресѣ Шмидту депутаты просили его не трогать кассы. Они не хотятъ и не могутъ признать Берлинскаго трактата; сдавъ кассу Шмидту, они тѣмъ самымъ покоряются одной изъ статей трактата и боятся подать поводъ къ тому, чтобы ихъ впослѣдствіи не укорили въ подчиненіи основаніямъ готовящагося для Румеліи положенія и въ недостаткѣ своевременныхъ противъ онаго протестовъ. Депутація хотѣла явиться и ко мнѣ, но я отказался принять ее и ограничился высылкою къ депутатамъ полковника Кисякова, которому поручилъ выразить депутатамъ мое полнѣйшее неудовольствіе за происшедшіе безпорядки и настоятельное требованіе, чтобы они всѣми силами повліяли на толпу и побудили ее разойтись.

6 Марта съ утра наплывъ народа все увеличивался. Толпа окружила конакъ и домъ, занимаемый губернаторомъ. Г. Шмидтъ, съ разрѣшенія моего, вышелъ къ толпѣ и старался убѣдить ее, что онъ не врагъ Болгарамъ, что его распоряженія клонятся къ благу страны. Его слушали вѣжливо, но крайне при томъ неохотно, и отвѣчали лишь однимъ—просьбою ему поскорѣе уѣхать.

Видя, что убѣжденія тутъ ровно ни къ чему не поведутъ и зная о предстоящемъ въ тотъ день по маршруту прохожденіи черезъ Сливну Эстляндскаго полка, а равно и объ ожидаемомъ прибытіи Шуйскаго полка, я не трогалъ уже толпы и, выжидая войсковыя части, составилъ планъ маневра, по которому оба полка могли бы окружить народъ и заставить его разойтись по домамъ.

Приказъ мой состоялъ въ слѣдующемъ. Проходящій Эстляндскій полкъ расположить въ двухъ отдаленныхъ кварталахъ и не выпускать оттуда жителей; Шуйскому же полку идти церемоніальнымъ маршемъ во всю ширину трехъ улицъ, ведущихъ къ занятой народомъ площади и этимъ безостановочнымъ маршемъ очистить ее.

Въ два часа вступилъ въ городъ Эстляндскій полкъ, въ четыре часа Шуйскій. Движеніе произошло вполнѣ правильно; масса народная была окружена, стиснута и, увидя себя захваченною въ ловушку, разошлась. Ни штыками, ни прикладами дѣйствовать не приходилось, нѣсколько человѣкъ изъ толпы были ушиблены во время натиска.

Вслѣдъ за разгономъ толпы, я объявилъ городъ на военномъ положеніи, такъ что никто вечеромъ не смѣлъ выходить на улицу безъ фонаря подъ страхомъ штрафа.

Спокойствіе было возстановлено, и вечеромъ г. Шмидту могли уже безопасно принести кассовыя книги, которыя были имъ просмотрѣны и найдены въ совершенномъ порядкѣ. При этомъ г. Шмидтъ заявилъ, что онъ не считаетъ необходимымъ провѣрить кассу, и въ 1 часу ночи, закончивъ свое дѣло, онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ г. Кутули обратно въ Ямболи, а оттуда въ Филиппополь.

Таково совершено точное и подробное описаніе грустныхъ Сливенскихъ событій. Въ донесеніи моемъ отъ 8 сего Марта я имѣлъ честь изложить вашему сіятельству тѣ общіе выводы, къ которымъ меня привели происшествія послѣднихъ дней. Я сообщилъ вамъ также копію съ моего приказа за № 400, изъ коего ваше сіятельство соблаговолите усмотрѣть о принятыхъ мною, по отношенію къ Сливенскому населенію, карательныхъ мѣрахъ.

Помимо этихъ мѣръ я поручилъ губернатору произвести дополнительное тщательное дознаніе и обнаружить зачинщиковъ безпорядковъ, какъ въ Ямболѣ, такъ и въ Сливнѣ.

Но приходится сознаться, что розыски эти, по всей вѣроятности, ни къ чему не поведутъ: виновны всѣ безъ исключенія, такъ что

принятіе какихъ-либо карательныхъ мѣръ, по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, немыслимо.

Что же касается до зачинщиковъ, то они, во-первыхъ, тщательно прячутся за толпою, ею бдительно охраняются и не были и не будутъ выданы. Еще труднѣе было бы розыскать ихъ, если дѣйствительно они, какъ я полагаю и какъ я имѣлъ честь выразить выше, агенты намъ враждебныхъ делегатовъ Европейской комиссіи. Въ послѣднемъ случаѣ даже самый фактъ розыска ихъ едва ли желателенъ; найденные и приговоренные къ наказанію, они едва ли понесутъ послѣдствія онаго, ибо за нихъ всегда будутъ сильные тому ходатаи.

Грустнымъ подтвержденіемъ моихъ словъ можетъ служить извѣстное вашему сіятельству дѣло Османъ-бея. Османъ-бей, какъ ясно обнаружено предварительнымъ слѣдствіемъ, совершилъ подлогъ по наущенію, и даже говорятъ, по подкупу, одного изъ лицъ, близкихъ къ сэру Генри-Друмонду Вольфу. Судъ приговорилъ его за подлогъ къ наказанію, котораго онъ, ввиду послѣдовавшаго за него заступничества, вѣроятно не понесетъ.

Не та ли же судьба ожидала бы, въ случаѣ ихъ розыска, дѣйствительныхъ зачинщиковъ Сливенскихъ безпорядковъ и не могло ли бы случиться, что рядомъ съ ихъ оправданіемъ, потерпѣли бы лица менѣе виновныя, но дѣйствовавшія не по наущенію, а по своему, правда опрометчивому, но совершенно искреннему разумѣнію?

Какъ я писалъ въ послѣднемъ моемъ донесеніи, возбужденіе Болгарскаго народа становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе мы удаляемся въ глубь страны. Я не стану утомлять вашего сіятельства передачею всѣхъ тѣхъ единичныхъ случаевъ, о которыхъ мнѣ говорили и которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

Не могу не сообщить вамъ однако характернаго отвѣта Болгарки на вопросъ: посылаетъ ли она своего сына въ гимнастическое дружество. „Да“,— отвѣчала мать,—„я посылаю его, пусть учится умирать“.

Эта фраза яснѣе всего представляетъ настроеніе Болгарскаго населенія; они учатся умирать, и умрутъ, отстаивая добытую Русскою кровью свободу.

Я былъ бы крайне счастливъ, если бы мои предположенія не оправдались въ будущемъ, но, къ сожалѣнію, нынѣ я могу лишь вновь подтвердить, что цѣною однихъ дѣйствительныхъ и крупныхъ уступокъ можетъ быть, по отходѣ нашихъ войскъ, поддержанъ порядокъ въ Восточной Румеліи. Стремленіе и желанія Румеліотовъ вовсе

не направлены исключительно къ соединенію этой провинціи съ Сѣверною Болгаріею. Это ихъ мечта, правда; но они не требуютъ ея немедленнаго осуществленія. Они просятъ теперь однѣхъ лишь дѣйствительныхъ, а не призрачныхъ гарантій ихъ автономіи и видятъ эти гарантіи въ двухъ основныхъ пунктахъ:

1) Въ недопущеніи Турецкихъ гарнизоновъ въ Балканы, и

2) Въ назначеніи, съ согласія державъ и утвержденія Порты, Христіанина-Европейца генералъ-губернаторомъ Румеліи.

Лишь при этихъ двухъ уступкахъ можно было бы, по моему мнѣнію, оставить нашихъ офицеровъ въ милиціи, но при непремѣнномъ также условіи, чтобы милиція осталась въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ нынѣ.

Въ заключеніе вопроса о милиціи, ввиду преобразованія ея, прошу ваше сіятельство почтить меня разъясненіемъ по двумъ вопросамъ, которыхъ я уже касался въ донесеніи отъ 27 Февраля.

1) Стоитъ ли еще нынѣ пополнить составъ милиціи призывомъ Турокъ и Грековъ, и

2) Нужно ли на остающееся короткое время пригласить иностранныхъ офицеровъ? По моему мнѣнію, на эти двѣ мѣры, какъ и на оставленіе въ кадрахъ нашихъ офицеровъ, можно только согласиться въ томъ случаѣ, если комиссія согласится временно, хотя бы на годъ, впредь до умиротворенія края, оставить милицію и жандармерію въ настоящемъ ихъ численномъ составѣ и предложенной мною организаціи.

Если Европейскія правительства дѣйствительно желаютъ мира, они должны на это согласиться.

III.

Копія съ конфиденціальнаго отношенія генералъ-губернатора Восточной Румеліи послу въ Константинополѣ, отъ 22 Апрѣля 1879 г., за № 875.

Вашему сіятельству уже извѣстно изъ моихъ предъидущихъ сообщеній о существованіи повсемѣстно почти въ Восточной Румеліи Комитетовъ, руководящихъ народнымъ движеніемъ.

Комитеты эти за послѣднее время весьма часто мѣняли характеръ своей дѣятельности. То, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о вѣроятномъ удовлетвореніи завѣтныхъ желаній Румеліотовъ, брала въ нихъ верхъ партія умѣренная, считающая во главѣ своей экзарха, то одновре-

менно съ мрачными извѣстіями о вступленіи Турокъ въ страну, одерживала верхъ партія либеральная или, другими словами, партія возстанія.

Я хорошо зналъ о дѣятельности этихъ Комитетовъ, зналъ лично наиболѣе вліятельныхъ членовъ оныхъ и потому предпочелъ установить отношенія мои къ нимъ на почвѣ взаимнаго довѣрія безцѣльному, вѣроятно, принятію рѣшительныхъ мѣръ къ ихъ прикрытію.

Тактика эта мнѣ до сихъ поръ удалась, и подтвержденіемъ тому можетъ служить то обстоятельство, что до сего времени, не смотря на крайнее возбужденіе умовъ, я могъ сдержать народную массу въ предѣлахъ благоразумія, и достигъ того, что вожаки движенія ходятъ ко мнѣ за полученіемъ имъ нужнаго mot-dordre руководства.

На сихъ дняхъ, между прочимъ, узнавъ, что въ Филиппополѣ собрались депутаты отъ Комитетовъ для обсужденія мѣръ, которыя должны быть приняты при новомъ положеніи дѣлъ, и для составленія мемуара къ представителямъ великихъ державъ въ Константинополѣ, мемуара при томъ крайне рѣзкаго, я призвалъ къ себѣ депутатовъ самой радикальной партіи и имѣлъ съ ними довольно продолжительную бесѣду.

Вамъ извѣстно, господа, началъ я, что Государю Императору угодно поддержаніе мира и что, слѣдовательно, предпринявъ какія либо дѣйствія, клонящіяся къ нарушенію этого мира, вы возстановите противъ себя не только остальныя Европейскія державы, но и Россію и ея Государя.

Становясь на эту безусловно необходимую мирную почву, я не одобряю послѣднихъ прокламацій, пущенныхъ въ народъ Комитетами; особенно не одобряю и той формы, которою вы вводите народъ въ заблужденіе, обѣщая ему помощь 80 милліоновъ Славянъ. Это положительно неправда:—вамъ никто не поможетъ, и вы рѣшительно должны отказаться отъ надежды вовлечь Россію въ новую изъ-за васъ войну.

Мнѣ также прискорбно, прибавилъ я, что вы, не смотря на ваши обѣщанія не дѣлать ни шага помимо меня, издали эти прокламаціи безъ моего вѣдома и согласія.

Депутаты мнѣ отвѣчали, что прокламація была напечатана въ Сливнѣ и преждевременно распространена тамъ помимо ихъ воли; что написана была эта прокламація въ то время, пока я былъ въ Тырновѣ, что мнѣ они намѣревались ее показать по моемъ возвращеніи и что въ Филиппополѣ ее не распространяли и распространять не будутъ.

Послѣ этого я передалъ моимъ собесѣдникамъ сущность послѣднихъ инструкцій, полученныхъ мною какъ отъ вашего сіятельства, такъ и отъ статсъ-секретаря Гирса.

На вашемъ мѣстѣ, сказалъ я, я въ настоящее время оставилъ бы въ сторонѣ всякую мысль о соединеніи съ Сѣверной Болгаріею.

Да и притомъ, продолжалъ я, переходя уже на почву совершенно частнаго конфиденціальнаго разговора, управленіе Болгаріи чрезвычайно, по моему мнѣнію, дорогое, выработанная конституція черезчуръ либеральна и пригодна развѣ для государства вродѣ Бельгіи, а отнюдь не для Славянскаго народа, которому еще нуженъ опытный и твердый руководитель. Вамъ же, по настоянію Государя Императора, дали въ генералъ-губернаторы человѣка опытнаго и Болгарина родомъ. Издержки по управленію Румеліею, не смотря на то, что страна богаче Болгаріи, гораздо ограниченнѣе Болгарскихъ; чего же вамъ болѣе?

Словами своими я, какъ видно, затронулъ самую почти чувствительную струну Болгарскаго сердца, а именно струну денежную.

Депутаты всѣ въ одинъ голосъ согласились съ моими доводами. Мы согласились уже, сказали они, оставить въ сторонѣ мысль о соединеніи съ Болгаріею, мы хотимъ прежде всего лишь одного,—это чтобы дали ручательство, что Турецкіе гарнизоны не вступятъ въ Балканы.—Гарнизоны и не вступятъ, перебилъ я ихъ, ибо Турція, даже и при всемъ ея желаніи послать свои войска въ Балканы, не въ состояніи этого сдѣлать; если вы хотите представить мемуаръ по этому вопросу, то оставьте это намѣреніе. Теперь между державами идутъ переговоры о томъ, какъ бы обойти этотъ пунктъ Берлинскаго трактата, не оскорбляя самолюбія Султана. Вы же своимъ мемуаромъ, противнымъ постановленіямъ трактата, только можете испортить все дѣло: Султанъ можетъ заупрямиться, въ опасеніи, чтобы не подумали, что онъ поддался вашимъ настояніямъ и дѣйствуетъ подъ вашимъ давленіемъ.

„Вообще, господа, вы не должны задѣвать Берлинскаго трактата; не забывайте, что актъ этотъ скрѣпленъ подписью и представителей Государя Императора: идя противъ трактата, вы идете противъ вашего же Освободителя.

Теперь, повторяю, гарнизоновъ въ Балканахъ не будетъ, а если, чего не дай Богъ и что́ невѣроятно, Султанъ пожелалъ бы черезъ годъ-другой воспользоваться своимъ на это правомъ, то не успѣете-ли вы возстать тогда?

КНЯЗЬ ЦЕРТЕЛЕВЪ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ ГИРСУ.

Филиппополь, 31 Октября 1878.

Вслѣдствіе распоряженія нашихъ властей о передачѣ кассы и финансоваго управленія въ руки комиссіи [1]) въ городѣ волненіе. Лавки заперты. Собраніе гражданъ протестовало, едва согласилось подчиниться и объявило, что если комиссія смѣнитъ выборныхъ казначеевъ, народъ не признаетъ новыхъ. Къ пріѣзду князя Дондукова готовятся демонстраціи [2]).

ВОСПОМИНАНІЯ А. И. ВАСИЛЬЧИКОВОЙ.

О 1812 годѣ [3]).

Я провела первые годы своей молодости въ Москвѣ, гдѣ мы тогда постоянно жили, переѣзжая ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ въ подмосковную (село Ославское, нынѣ принадлежащее г-ну Лорису-Меликову), нами очень любимую, и гдѣ намъ было такъ хорошо, что мы ничего лучшаго желать не могли. Казалось, ничто никогда не измѣнитъ порядка нашей жизни, когда насталъ двѣнадцатый годъ. Я помню печаль моего отца, когда онъ получилъ неожиданное извѣстіе, что Наполеонъ взошелъ въ Вильну. Съ тѣхъ поръ угрожающая опасность тревожила всѣхъ насъ. 11-го Іюля отецъ мой получилъ письмо отъ Московскаго главнокомандующаго, графа Растопчина, приглашав-

---

[1]) Т. е. Европейской. П. Б.

[2]) Это донесеніе, какъ и предъидущія бумаги („Послѣ Берлинскаго конгресса“) сообщено въ „Русскій Архивъ“ Маріею Сергіевною Татищевой. П. Б.

[3]) Со словъ ея записаны ея сыномъ Александромъ Алексѣевичемъ Васильчиковымъ, авторомъ превосходной книги „Семейство Разумовскихъ“. А. И. Васильчикова, рожд. Архарова, въ 1812 г. была еще дѣвицею. П. Б.

шее его прибыть въ Москву по поводу пріѣзда Государя Императора. Мы всѣ поѣхали. Видѣли 12-го Іюля въ Успенскомъ соборѣ Государя печальнаго и смиренно молящагося; слышали о его воззваніи къ дворянству Московскому; слѣдили за всѣмъ, что происходило въ это время. Чувство любви къ отечеству было сильно и выражалось во многихъ: графъ Салтыковъ, князь Гагаринъ и графъ Дмитріевъ-Мамоновъ жертвуютъ частью крестьянъ своихъ, формируютъ изъ нихъ полки, снабжаютъ ихъ всѣмъ и сами назначаются ихъ начальниками.

По отъѣздѣ Императора всѣ занялись исполненіемъ новыхъ своихъ обязанностей. Отецъ мой, Петръ Хрисанѳовичъ Обольяниновъ *) и Степанъ Степановичъ Апраксинъ назначены членами комитета для снабженія Московской милиціи. Родные и знакомые посѣщали насъ ежедневно. Графъ Растопчинъ часто къ намъ пріѣзжалъ для того, чтобы насъ успокоивать. Онъ самъ былъ вполнѣ увѣренъ, что Французы не возьмутъ Москвы. Всѣмъ извѣстны его замѣчательныя воззванія къ народу, но не всѣ знаютъ, что они были писаны Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою. Съ каждымъ днемъ опасность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и безпокойство увеличивались. Слухи объ измѣнѣ Барклай-де-Толли тревожили всѣхъ. Всѣ молились, ходили пѣшкомъ въ соборы и къ чудотворнымъ иконамъ, надѣялись, что угодники Московскіе защитятъ столицу. Послѣ взятія Смоленска Смоленская Божія Матерь, какъ изгнанница, на рукахъ народа перенесена въ Москву. Какъ молились ей!

Плѣненные Французы тянулись къ Москвѣ. Привозили нашихъ раненыхъ. Ихъ встрѣчали съ благороднымъ участіемъ. Многіе помѣщали ихъ въ свои дома, во всемъ помогали имъ. Москва начинала пустѣть. Предусмотрительные помѣщики нанимали барки для отправленія престарѣлыхъ и малолѣтнихъ; укладывали и увозили съ собою дорогія вещи или же зарывали ихъ въ землю. Шестьдесятъ лошадей тояло на нашемъ дворѣ. Людей наскоро вооружали для отъѣзда.

26-го Августа весь городъ былъ въ смятеніи. Гулъ Бородинскихъ пушекъ былъ ясно слышенъ. Вечеромъ у насъ былъ съѣздъ; мы узнали, что два сына Алексѣя Николаевича Оленина пали отъ одного ядра, что генерала Тучкова не стало, что молодой Бибиковъ лишился руки. Я только говорю о родныхъ или близкихъ знакомыхъ. Отечество оплакивало многихъ другихъ вѣрныхъ сыновъ своихъ. Многіе, теряя надежду, рѣшились выѣзжать изъ Москвы. Мать моя долго не хотѣла оставлять Москву, но, убѣжденная совѣтами С. С. Апраксина, выѣхала съ нами, съ нѣкоторыми родными и со всѣмъ домомъ 30-го Августа.

*) Губернскій предводитель Московскаго дворянства. П. Б.

Мнѣ было очень грустно разставаться съ моею мамушкою, 80-лѣтнею старушкою, съ которою я тутъ простилась навсегда.

Отъѣздъ жителей Московскихъ, особенно же мужчинъ, возбуждалъ сильный ропотъ въ народѣ; мы старались въ каретѣ скрывать доктора Гибальтиса и слышали многіе упреки. Говорили вокругъ кареты: „всѣ насъ покидаютъ безъ защиты“. Намъ было страшно и тяжело это слышать; каково же было несчастнымъ, не имѣвшимъ возможности спасать себя и семейства свои!..

Мы ѣхали во Владиміръ и остановились въ городѣ Покровѣ въ ожиданіи извѣстій отъ отца моего, который, будучи занятъ службою, выѣхалъ только 1-го Сентября, наканунѣ взятія Москвы. Горестно было свиданіе съ нимъ; еще горестнѣе извѣстіе о сдачѣ Москвы безъ боя. Зарево ея пожаровъ сопровождало насъ. Ничего не могло быть поразительнѣе зрѣлища этого общаго бѣгства. Вся дорога отъ Москвы до Владиміра была тѣсно установлена экипажами всѣхъ родовъ. Множество семействъ, въ телѣгахъ и пѣшкомъ, спасались отъ непріятеля. Счастливы тѣ, которые могли получить пріютъ въ деревняхъ своихъ, у родныхъ или близкихъ знакомыхъ. Многимъ суждено было гибнуть въ лѣсахъ отъ рукъ Французскихъ мародёровъ. Дворовые люди толпами слѣдовали за господами; но многіе еще оставались въ Москвѣ, гдѣ претерпѣли самую горькую участь.

Все Московское общество собралось во Владиміръ, потомъ всѣ поѣхали въ Нижній-Новгородъ, гдѣ мы были приняты съ радушіемъ и гостепріимствомъ, какія свойственны однимъ только Русскимъ.

Скоро получено радостное извѣстіе о выходѣ непріятеля изъ любезнаго отечества нашего.

(Сообщено А. А. Милорадовичъ, рожд. Васильчиковой).

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАССКІЙ.

Его письмо изъ Тульской губерніи въ Петербургъ къ княгинѣ Е. Э. Трубецкой.

Письмо это (сообщенное намъ въ спискѣ получившею его) цѣнно и для жизнеописанія такого государственнаго въ царствѣ Польскомъ и въ Болгаріи дѣятеля, какимъ былъ князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій, и какъ историческое свидѣтельство о настроеніи представителей Русскаго общества передъ послѣднею войною нашею съ Турціею. Вынужденный оставить должность головы Московской Городской Думы, князь жилъ въ имѣніи супруги своей, княгини Екатерины Алексѣевны (которое нынѣ принадлежитъ ея племянницѣ, графинѣ Екатеринѣ Павловнѣ Хрептовичъ-Бутеневой), а между тѣмъ военное движеніе уже начиналось въ Сербіи. Въ лицѣ князя Черкасскаго Тульская деревня заговорила съ княгинею Трубецкою, проводившею по цѣлымъ мѣсяцамъ заграницею и бывшею въ близкихъ сношеніяхъ съ Гамбетою, съ Тьеремъ, съ кн. Горчаковымъ и съ другими Европейскими политиками. Въ исходѣ 1877 г., послѣ Кремлевской рѣчи Александра II, князь предложилъ себя на службу и получилъ назначеніе въ Болгарію. Ея устройству посвятилъ онъ неутомимый трудъ свой, отъ котораго изнемогъ. Онъ работалъ почти до послѣднихъ часовъ жизни. Князь Дондуковъ-Корсаковъ говорилъ мнѣ, что оставшіяся послѣ князя Черкасскаго бумаги были драгоцѣнностью и что онѣ, вопреки его настоянію, были увезены въ Петербургъ. Любопытно, что доклады князя Черкасскаго главнокомандующему, т.-е. великому князю Николаю Николаевичу, происходили не иначе, какъ въ присутствіи Поляковъ, Непокойчицкаго и Левитскаго. П. Б.

*

Le 16 Juin 1876.

Selo Wassiliefskoyé G-ment de Toula, distr. de Venef.

Vous possédez mille talents, chère Princesse, dont le moindre, mais celui que je Vous envie le plus, est de savoir tout dire sans initier personne au fond de Votre pensée. Vous ne seriez pas tout-à-fait correcte dans Vos opinions que bien fin serait celui qui saurait Vous prendre sur le fait.

Aussi ai-je bien ri des naïfs efforts des agents de la poste, qui m'ont fait parvenir Votre lettre à demi-ouverte, sans même dissimuler les effets de leur vaine curiosité.

Je manque de presque tout ce que Vous possédez en si grande abondance Vous ne Vous étonnerez donc pas, chère Princesse, si un vieux gentilhomme-campagnard ne se tire pas aussi bien que Vous de cette correspondance à trois D'ailleurs la solitude et le grand air prédisposent, comme Vous le savez, à la franchise; et la vue des misères, qui nous entourent à la campagne et que la perspective d'une mauvaise récolte ne parait pas devoir adoucir, excuse jusqu'à un certain point ce grain de défiance pour l'avenir.

Hé bien oui, chère Princesse, la défiance d'un avenir plus ou moins rapproché, voilà le sentiment qui m'obsède en ce moment bien plus encore, qu'il ne m'a toujours dominé depuis 5 ou 6 ans.

J'ai dû faire cet hiver de grands efforts pour dissimuler ce sentiment aux étrangers avec lesquels il m'arrivait de causer à Paris.

En Russie nous pouvons être moins discrets et exprimer plus ouvertement nos craintes et nos regrets.

Hé bien oui, l'avenir me paraît peu rassurant; et telle est, ce me semble, l'impression générale dans le pays. Je me sentirais heureux de pouvoir attribuer ce sentiment de malaise involontaire, mais malheureusement assez commun, rien qu'à la conscience de l'impuissance dans laquelle on se trouve de contribuer à y porter remède, voir même à un effet d'imagination surexcitée ou de maussade bouderie; il n'en est rien pourtant, et le mal paraît avoir de plus profondes et de bien redoutables racines.

D'ailleurs l'Europe entière partage, à un point de vue quelconque, ces mêmes angoisses. Vous, qui en revenez et qui y passez Votre vie, qui savez très bien combien l'on y est disposé dans les regions sérieuses à ne pas favoriser l'éclosion de la question d'Orient, à la traiter de chimères irréalisables et à chercher à en remettre la solution à une échéance lointaine, Vous ignorez moins que d'autres que là aussi, en dépit de toutes ces dispositions traditionelles, on croit les choses bien avancées. C'est bien là ce qui explique la faveur que rencontre à Paris la politique Anglaise. On y espère, comme on l'a toujours pensé du temps de Lord Palmerston, que des démonstrations menaçantes et formidables de l'Angleterre sont la seule garantie effective de la paix, le plus sûr moyen de nous amener à la réflexion et de nous faire sacrifier nos intérêts en Orient. On espère par là en France gagner assez de temps pour la laisser réorganiser son armée et lui permettre d'assurer plus tard sa part dans les éventualités de l'avenir. Et malgré cette confiance de l'Europe dans l'efficacité de la force brutale de l'Angleterre et dans notre modération, que d'autres désigneraient peut-être plus impertinemment d'un autre mot, malgré l'espoir qui en résulte d'un replâtrage transitoire, le monde entier semble

comprendre que le jour de l'épreuve décisive de toutes les fictions et de tous les rêves avance rapidement. Aussi soit que l'heure de cette épreuve sonne bientôt, soit qu'elle soit remise à peu de temps, le danger reste à peu près le même pour la Russie; les gens peu informés, les honnêtes provinciaux, comme moi, se demandent avec anxiété: la diplomatie besogneuse et la vaniteuse jactance dont elle a fait preuve ont-elles amélioré ou amoindri notre position depuis un an? Avons-nous su conserver cette immense liberté d'action et d'alliances, que nous avait procurée notre longue et sage modération, jointe à l'heureux effondrement de l'Europe du traité de Paris?

En avons-nous suffisamment profité? N'avons-nous pas donné à la Turquie, à l'Angleterre, à l'Autriche, peut-être même à d'autres puissances, le temps de renoncer une coalition hostile, d'armer, d'écraser les Slaves et de nous imposer leurs volontés? Ne les avons-nous pas naïvement aidés à nous rendre impuissants, en enchaînant nous mêmes le concours qu'aurait pû dès les premiers jours prêter à notre diplomatie l'explosion subite et simultanée de tous les éléments Slaves de l'Orient vis-à-vis de la Turquie prise au dépourvu?

Bref enfin, n'avons-nous pas été ou trop timides ou beaucoup trop besogneux, si nous voulions en effet rester aussi pacifiques que nous le disions? Je suis loin d'avoir l'humeur très belliqueuse; j'apprécie à leur juste valeur les bienfaits que la Russie doit à une paix sage et toute l'utilité qu'elle en pourrait encore retirer et je ne voudrais pas qu'elle se lançât aussi impuissante, qu'elle paraît l'être, dans les hasardeuses péripéties d'une guerre d'Orient; mais la voie qu'on a suivie est-elle bien celle qui conduisait à une paix sûre et honorable? A-t-elle servi les intérêts de notre avenir politique? Nous a-t-elle concilié les esprits, ne fut ce qu'en Orient, au prix de notre rupture avec l'Angleterre et peut-être avec tant d'autres encore?

Voilà bien des questions, chère Princesse, et ce n'est pas moi qui me chargerai de les résoudre. Laissons donc l'avenir se prononcer et espérons que tout va pour le mieux dans le meilleur des mondes. Mais ne soyons pas non plus trop sévères pour ces pauvres Anglais qui persistent à croire que les vieilles traditions diplomatiques d'égoïsme national ne sont pas toujours inférieures aux naïvetés humanitaires du Congrés de Bruxelles ou à la sensibilité d'inaltérable et pieuse gratitude dont la triple-Alliance offre d'un certain côté quelques curieux échantillons; et disons nous qu'un jour viendra peut être,où nous ne croirons ni inutile, ni honteux de suivre leur odieux exemple.

Telle est ma confession politique, chère Princesse: je Vous l'ai faite, comme Vous voyez—pleine et entière, sans sous-entendu et sans réticence. Elle est aussi complète qu'oiseuse et ne s'explique que par mon désir de Vous être agréable et de satisfaire Votre curiosité à sonder les courants d'opinion les plus divers,

quand même ils seraient les plus modestes et les moins importans. Il serait inutile de Vous dire que la nouvelle de Votre prochaine arrivée à Pétersbourg m'a fait un véritable plaisir. Ce sera une raison de plus pour moi de chercher à m'y rendre dans le courant de l'été; et je me fais d'avance une fête de Vous y rencontrer, ainsi que la charmante Princesse Nini, que je prie d'agréer les hommages d'un vieil admirateur. Cette lettre ne Vous trouverait probablement plus à Paris. Je prend donc bravement le parti de Vous l'expédier à Pétersbourg, dans la maison de Votre frère. Puisse-elle Vous dire mieux que je ne le ferais de vive voix, combien je sais, chère Princesse, apprécier Votre brillante intelligence, et combien je fais de voeux sincères pour Votre bonheur et Votre prospérité.

Veuillez me mettre aux pieds de Madame la Princesse Hélène, Votre mère. Je suis... etc...

ПЕРЕВОДЪ.

16 Іюня 1876.

Село Васильевское, Тульской губ., Веневскаго уѣзда.

Дорогая княгиня, вы обладаете множествомъ талантовъ; наименьшій изъ нихъ, но которому я всего болѣе завидую,—ваше умѣніе все сказать, никого не посвящая въ глубь своей мысли. Въ случаѣ даже, если бы вы были не совсѣмъ правы въ вашихъ мнѣніяхъ, нужно быть весьма проницательнымъ, чтобы сумѣть васъ въ этомъ уличить. И посмѣялся же я поэтому надъ нехитростными усиліями почтовыхъ чиновниковъ, которые доставили мнѣ ваше письмо на половину вскрытымъ, не постаравшись даже скрыть послѣдствій своего тщетнаго любопытства.

Я лишенъ почти всего, чѣмъ вы обладаете въ такомъ изобиліи. Поэтому не удивляйтесь, дорогая княгиня, если старый дворянинъ, деревенскій житель, не сумѣетъ такъ же хорошо, какъ вы, справиться съ этой перепиской при участіи третьяго лица. Кромѣ того, одиночество и чистый воздухъ предрасполагаютъ, какъ вы знаете, къ откровенности; окружающая же насъ въ деревнѣ крайняя бѣдность, которую виды на плохой урожай не смогутъ, кажется, уменьшить, извиняетъ до нѣкоторой степени это недовѣріе къ будущему.

Да, дорогая княгиня, недовѣріе къ болѣе или менѣе близкому будущему—вотъ чувство, которое безпокоитъ меня въ настоящую минуту еще гораздо сильнѣе, чѣмъ оно владѣло мною постоянно въ теченіе 5 или 6 лѣтъ. Нынѣшней зимою я долженъ былъ дѣлать большія усилія, чтобы скрывать это чувство отъ чужеземцевъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать въ Парижѣ. Въ Россіи мы можемъ быть менѣе скромны и откровеннѣе выражать свои опасенія и сожалѣнія.

Такъ вотъ, будущее кажется мнѣ малоутѣшительнымъ; таково же, мнѣ думается, и общее у насъ настроеніе. Я чувствовалъ бы себя счастливымъ, если бы могъ приписать это невольное, но, къ несчастію, довольно распространенное чувство безпокойства исключительно сознанію всѣми своего безсилія найти противъ него средства, или хотя бы дѣйствію слишкомъ возбужденнаго воображенія или угрюмой досады; однако, ничего этого нѣтъ, и зло, повидимому, имѣетъ болѣе глубокіе и гораздо болѣе опасные корни.

Впрочемъ, и вся Европа, съ той или иной точки зрѣнія, раздѣляетъ тѣ же тревоги.

Вы, возвращающаяся оттуда и живавшая тамъ, отлично знаете какъ тамъ, въ серьёзныхъ кругахъ, мало расположены содѣйствовать слишкомъ дѣятельному возбужденію Восточнаго вопроса; какъ склонны видѣть въ немъ несбыточныя мечтанія и какъ охотно на долго бы отложили его разрѣшеніе. Лучше другихъ вамъ извѣстно, что тамъ же, вопреки вышеуказанному настроенію, считаютъ дѣло весьма назрѣвшимъ. Этимъ и объясняется то расположеніе, какое Англійская политика встрѣчаетъ въ Парижѣ. Тамъ надѣются, какъ и всегда полагали со временъ лорда Пальмерстона, что только грозное, устрашающее выступленіе Англіи можетъ быть единственнымъ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ мира, вѣрнѣйшимъ способомъ заставить насъ призадуматься и пожертвовать своими выгодами на Востокѣ. Во Франціи этимъ надѣются выиграть время, достаточное, чтобы преобразовать свою армію и чтобы впослѣдствіи имѣть возможность обезпечить себѣ долю въ случайностяхъ будущаго. И несмотря на вѣру Европы въ дѣйствительность грубой силы Англіи и въ нашу умѣренность (которую другіе, быть можетъ, болѣе дерзко опредѣлили бы другимъ словомъ), несмотря на возникающую съ этимъ надежду на временное непрочнее примиреніе, весь міръ, кажется, понимаетъ, что быстро приближается день рѣшительнаго испытанія всѣхъ предположеній и грёзъ. Поэтому, скоро ли пробьетъ часъ этого испытанія, или онъ будетъ на нѣкоторое время отложенъ, для Россіи опасность остается почти все та же; люди, мало освѣдомленные, честные сельскіе жители, какъ я, съ душевнымъ безпокойствомъ спрашиваютъ себя: Усердіе нашей дипломатіи и проявленная ею тщеславная похвальба послужили ли на пользу нашему положенію за этотъ годъ или повредили ему? Сумѣли ли мы сохранить широкую свободу дѣйствій и союзовъ, добытую долговременною мудрою умѣренностью въ связи со счастливымъ нарушеніемъ Европою Парижскаго договора?

Достаточно ли мы этимъ воспользовались? Не дали ли мы времени Турціи, Англіи, Австріи, а можетъ быть даже и другимъ державамъ, отказаться отъ враждебнаго союза, вооружиться, раздавить Славянъ и навязать намъ свою волю? Не простодушно ли мы помогли имъ обезсилить насъ, сами наложивъ цѣпи на содѣйствіе, какое съ первыхъ же дней могъ оказать нашей дипломатіи внезапный одновременный взрывъ всѣхъ Славянскихъ силъ Востока противъ застигнутой въ расплохъ Турціи?

Короче сказать, не были ли мы черезчуръ робки, или ужъ слишкомъ слабы, если дѣйствительно желали оставаться столь миролюбивыми, какъ мы о томъ заявляли? У меня духъ далеко не воинственный; я справедливо оцѣниваю благодѣянія, которыми Россія обязана мудрому миру и всю пользу, какую она могла бы еще изъ этого извлечь; я не желалъ бы, чтобъ Россія, столь безсильная, какою она кажется, ринулась въ случайныя неожиданныя перемѣны, возможныя при Восточной войнѣ; но путь, по которому мы слѣдовали, велъ ли къ вѣрному и почетному миру? Служилъ ли онъ интересамъ нашей будущей политики? Примирилъ ли онъ съ нами умы хотя бы на Востокѣ, цѣною нашего разрыва съ Англіей, а можетъ быть и со многими другими?

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ СТАРАГО ЖУРНАЛИСТА *).

Письма И. И. Лажечникова къ Ѳ. А. Кони.

Славный романистъ Ив. Ив. Лажечниковъ (род. 14 Сент. 1794 г. † 26 Іюня 1869) происходилъ изъ зажиточнаго Коломенскаго купечества. Юношею дрался онъ съ Французами. Съ 1819—1858 годъ онъ служилъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія въ Пензѣ, Казани и Твери, потомъ вице-губернаторомъ въ Твери и Витебскѣ. Послѣдняя кратковременная служба его была цензоромъ въ Петербургѣ. П. Б.

*

С. Коноплино, 15 Мая 1841.

Какъ скоро узнаете, что есть вакансія вице-губернатора въ Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Рязани, Тулѣ, Пензѣ и даже Новгородѣ, тотчасъ доставьте записочку къ доброму Юрію Никитычу Бартеневу и попросите его напомнить обо мнѣ князю Александру Николаевичу Голицыну. Этимъ премного обяжете меня.

Трагедія моя лежитъ у меня: что̀ съ нею дѣлать, не знаю. Не найдете ли книгопродавца, который купилъ бы ее? Я отдалъ бы ее въ вѣчное и потомственное владѣніе за 2,000 р., и если это покажется много, такъ за 1,500 р., съ тѣмъ, чтобы деньги заплачены мнѣ были тотчасъ по доставленіи рукописи изъ цензуры.

Сдѣлайте одолженіе, извинитесь отъ меня передъ Юріемъ Никитичемъ, что я написалъ ему чепуху, сущую чепуху въ альбомѣ его передъ отъѣздомъ моимъ: рука была на бумагѣ, а нога на дрожкахъ, чтобы отправиться въ почтовую контору, откуда я долженъ былъ въ путь. Очень добро бы сдѣлано было, если бъ вырѣзалъ листокъ съ моимъ мараніемъ. А я осенью написалъ бы что-нибудь подѣльнѣе и поразсудительнѣй.

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1909 (III) и 1911 (т. I).

Вы такъ добры, любезнѣйшій Ѳедоръ Алексѣевичъ, что невольно заставляете обращаться съ вами, какъ съ давнишнимъ пріятелемъ. Есть бумажные люди, которые, какъ государственные сановники, такъ заняты и обременены своими дѣлами, что почитаютъ несовмѣстимымъ съ своимъ саномъ сдѣлать услугу доброму знакомому. Вы не похожи на этихъ людей: тѣмъ болѣе васъ любишь и уважаешь.

*

Тверь, 2 Апрѣля 1853.

Въ моемъ молчаніи не извиняюсь: меня постигло ужасное несчастіе, которое сокрушило всю мою жизнь. 4 Ноября прошлаго года скончалась моя добрая подруга, подарившая мнѣ 32 года счастья [1]). Болѣзнь ея была мучительна; сердце мое изныло, смотря на ея ужасныя страданія, продолжавшіяся нѣсколько мѣсяцевъ. Преданная всю жизнь свою Богу, религіозная, какъ первобытныя христіанки, любившая ближняго до самоотверженія, знавшая одну только страсть—страсть къ мужу—эта превосходная, святая женщина кончила жизнь, какъ мученица. Если нѣтъ другой жизни, такъ что и на что добродѣтель въ здѣшней?..

Благодарю васъ за присылку Пантеона на нынѣшній годъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ прочелъ я въ одинъ присѣстъ „Цыганку“ [2]), потому что не могъ отъ нея оторваться. Другой похвалы ей не скажу. А какой тяжелый процессъ чтенія другихъ нашихъ новѣйшихъ повѣстей? То дремлешь надъ ними, то цѣлыя страницы пропускаешь; ни одно лицо не остается живо передъ вами—точно тѣни проходятъ передъ вами или лица изъ какого-то невѣдомаго намъ міра. И теперь, послѣ того, какъ прошло 30 лѣтъ съ того времени, какъ читалъ романы Вальтеръ-Скотта, всѣ лица его рѣзко выступаютъ передъ вами; это ваши родные, ваши друзья, которыхъ черты вы никогда не забудете. Такъ и въ повѣсти „Цыганка“.

Поблагодарите за нее сочинительницу и поклонитесь ей низко, низко за меня.

---

[1]) Повѣсть супруги Ѳ. А. Кони, писавшей подъ своей дѣвической фамиліей—Юрьевой.

[2]) Это была воспитанница графа А. И. Остермана-Толстого, Евдокія Алексѣева. Щурупова. Вторая супруга Лажечникова—Марья Ивановна Озерова. П. Б.

*

Тверь, 4 Апрѣля 1853.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Ѳедоръ Алексѣевичъ, и супругу вашу за прекрасные дамскіе наряды. Съ большимъ вкусомъ и лучше нельзя было выбрать. Они очень понравились молодой женѣ моей, которая также благодаритъ отъ души за нихъ. Вы удивитесь, если я вамъ скажу, что я, 60-лѣтній старикъ, женился на 22-лѣтней дѣвушкѣ. Кажется, это послѣдній мой романъ. Каковъ будетъ его конецъ, Богу извѣстно!..

Зная, какъ безразсудны союзы при такомъ неравенствѣ лѣтъ, я самъ на него рѣшился. Обстоятельства, устроенныя невидимою рукою Правосудія, романтическая голова, пылъ юноши, несмотря на мои годы, все это привело меня къ этой развязкѣ. Покуда я блаженствую... а тамъ... да будетъ, что̀ угодно Вышнему!..

*

Витебскъ, 22 Ноября 1853.

Вотъ я обстоятельствами перенесенъ въ полурусскій, полупольскій, полужидовскій край! Все здѣсь мнѣ чуждо: одно, что̀ меня утѣшаетъ—такъ это здѣшнее начальство. Генералъ-губернаторъ Игнатьевъ достойнѣйшій сановникъ и человѣкъ, губернаторъ Тиличѣевъ тоже человѣкъ прекрасный.

Пришлите мнѣ „Горбуна“ и моего „Новобранца 12 года“. Мнѣ хочется прочесть ихъ въ семействѣ генералъ-губернатора, которое интересуется ихъ слышать. Не замѣшкайте, чѣмъ меня обяжете. Я не имѣю другихъ экземпляровъ: переписавъ, перешлю къ вамъ снова, если вы думаете что-нибудь съ ними дѣлать.

*

Москва, 7 Сентября 1854.

Вы знаете, конечно, что я вышелъ въ отставку и поселился на своей родинѣ, въ Москвѣ. Теперь снова принялся за перо, какъ земледѣлецъ, который, долго бывъ на чугунно-паяльныхъ заводахъ, принялся опять за соху. Вотъ и первую борозду вывелъ... Въ Августѣ придется написать и комедію „Опричникъ“: я обѣщалъ ее для бенефиса Орловой, въ случаѣ, если не пропустятъ моего „Горбуна“, который ей посланъ. Но какъ я писалъ, что сдаю ей комедію въ полное

ея владѣніе, то этимъ хотѣлъ, по неопытности въ театральныхъ дѣлахъ, сказать, что отдаю ее во владѣніе только на ея бенефисъ *). Чтобы она не подумала, что она имѣетъ право распоряжаться ею по своему произволу, то-есть продавши переуступить дирекціи печатать и прочее. Будьте такъ добры, объясните ей это... Я человѣкъ небогатый, должёнъ, при небольшой пенсіи, жить литературными трудами, слѣдственно, не могу дѣлать такія жертвы... Надо объяснить это г-жѣ Орловой во́-время. Кстати, довершите ваше одолженіе, узнавъ въ театральной цензурѣ или дирекціи, что́ дѣлаютъ съ моей пьесой: „Новобранецъ 12 года“. Поспектакльныя деньги за нее пожертвовалъ я въ пользу трехъ нижнихъ чиновъ л.-г. Павловскаго полка, которые наиболѣе отличились въ нынѣшнюю кампанію, а если полкъ не будетъ въ дѣлѣ,— такъ въ артель полковую. Гедеоновъ прислалъ мнѣ оффиціальную бумагу, которая увѣдомляетъ меня, что Государь Императоръ приказалъ благодарить меня за это пожертвованіе... Теперь дѣлаютъ мнѣ вопросъ: въ какую артельную сумму,—на улучшеніе пищи или на пособіе нижнимъ чинамъ, я жертвую деньги. Это похоже на разсказъ, что охотники дѣлятъ шкуру съ медвѣдя, котораго еще собирались убить. Прежде всего, надо получить деньги, а деньги не иначе можно получить, какъ представленіями пьесы. Пьесу же не даютъ. Что́ съ нею дѣлаютъ, не знаю; а доходы съ нея уже дѣлятъ.

Пришлите мнѣ 10 экземпляровъ моего портрета (литографіи).

За что вы Тютчева такъ унизили? Позвольте вамъ сказать, что несправедливо. Поэтъ, какихъ у насъ нѣтъ нынѣ.

*

Москва, 27 Сентября 1854.

Что́ у васъ за сфинксы-лица, отъ которыхъ мнѣ узнать объ участи моего „Новобранца?“ Съ недѣлю или болѣе я получилъ отъ Гедеонова увѣдомленіе, что пьеса, по моему желанію, дана будетъ сначала на Петербургской сценѣ. Зачѣмъ же остановка? За пожертвованіе мною поспектакльныхъ денегъ съ представленія этой пьесы въ пользу нижнихъ чиновъ л.-гв. Павловскаго полка получилъ я благодарность Государя Императора. Неужели и это ни во что не считается?

Статейку изъ моихъ помѣстныхъ записокъ: „Знакомство мое съ Пушкинымъ“ я къ вамъ пришлю до новаго года. Думаю, статья бу-

*) Именно только на одинъ бенефисъ отдалъ ей свою пьесу; если же это нельзя по какимъ-либо установленіямъ, то я не могу и пьесы посылать. „Горбуномъ“ же, если цензура его пропуститъ, можетъ она для театра, но не для печати, пользоваться.

детъ интересною, если еще цензура позволитъ. Это если во всѣхъ моихъ литературныхъ трудахъ стоитъ надо мною, какъ грозное привидѣніе. Буду писать по вашему совѣту; посмотрю, что изъ того будетъ...

За эту услугу, за которую, конечно, вознегодуютъ на меня нѣкоторые журналисты, попрошу отъ васъ еще услуги. Узнайте и увѣдомите меня поскорѣе, понравилась ли моя пьеса „Окопировался“ бенефиціанткѣ Орловой и какая будетъ ея судьба?

Любя васъ, сдѣлаю вамъ слѣдующее замѣчаніе. На 56-й страницѣ „Петерб. Вѣсти“, № 8-й Пантеона, напечатано, что г-жа де-Легранжъ отправилась на Гамбургскія воды, что, пріѣхавъ на Гамбургскія воды, она дала тамъ концертъ, и что наконецъ изъ Гамбурга она поѣхала во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ ей послѣ спектакля устроили такую же серенаду, какъ и въ Гамбургѣ.

Знаемъ, что есть богатый городъ Гамбургъ, но о водахъ его никогда никто и не слыхивалъ. Гдѣ же это вы ихъ открыли? Есть извѣстный городъ Гомбургъ, и Гомбургскія воды давнымъ-давно знаменитыя и ежегодно привлекающія къ себѣ блестящее многолюдное общество. Чтобы не поднесли вамъ ваши собратья на зубокъ, помѣстите эту опечатку, 4 раза повторяющуюся.

*

Москва, 18 Апрѣля 1867.

Читаетъ ли Андрей Александровичъ*) мой романъ? Что онъ объ немъ говоритъ. Теперь, вѣроятно, не до него, какъ подошелъ праздникъ. Я писалъ къ нему, чтобы онъ во 2-й главѣ выключилъ многоговореніе и что онъ найдетъ лишнимъ.

Гонорарія я просилъ у него 1,200 руб., изъ коихъ 1,000 руб. немедленно по изъявленіи согласія на напечатаніе романа и 600 экз. оттиска на бумагѣ редактора; но я выговариваю, что я согласенъ вычесть по 60 руб. за листъ, если не достанетъ 20 листовъ. Если онъ вздумаетъ много исключить, такъ будетъ большій разсчетъ этой суммы. Конечно, я не писатель первой величины, но тѣмъ платятъ по 500 руб. за листъ, какъ заплатилъ Катковъ Тургеневу за „Дымъ“, да еще сверхъ того авторъ получилъ съ книгопродавцевъ за право печатанія повѣсти значительную сумму денегъ, что составитъ за повѣсть въ 10 листовъ чуть не тысячъ 6. Я не такъ самолюбивъ, чтобы посягать даже на приблизительный къ Тургеневскому; но все-таки,

*) Краевскій.

если не ошибаюсь, думаю, что въ моемъ романѣ содержаніе ново и занимательно, читатели прочтутъ его съ удовольствіемъ и прибавятъ подписчиковъ на журналъ. Въ числѣ условій я забылъ помѣстить присылку мнѣ „Отечественныхъ Записокъ“ на нынѣшній годъ черезъ книгопродавца Н. Г. Соловьева, преемника Глазунова. Краевскій, конечно, не откажетъ мнѣ въ этой даровой присылкѣ.

Читали ли вы „Дымъ?“ Общество генераловъ превосходно описано, какъ и все, что̀ выходитъ изъ подъ пера Тургенева; а, признаться вамъ, вся повѣсть не оправдываетъ ожиданій. Согласенъ съ нимъ на счетъ Роя Кохановской*) и тенденцій Славянофиловъ; но за что такое ожесточеніе противъ всего Русскаго? И Брюловъ, и Глинка похерены однимъ почеркомъ пера изъ списка высокодаровитыхъ національныхъ художниковъ. Къ чему тутъ въ наше время память о сѣченіи помѣщиками своихъ крестьянъ и о зуботычинахъ? Русь живетъ на свѣтѣ 10 вѣковъ; но намъ она ихъ прижила, тотъ образъ жизни еще длится. Мы перенимаемъ у другихъ народовъ, насъ опередившихъ, хорошее и дурное; да развѣ это не участь всѣхъ молодыхъ, и народовъ, и единицъ? Тургеневъ, живя безпрестанно не въ своемъ отечествѣ, дѣлался космополитомъ. Онъ видѣлъ въ немъ зло, да и говоритъ о немъ какъ чужой. Смѣшилъ Гоголь насъ зломъ, но этотъ смѣхъ заставлялъ задумываться, отъ него было горько сердцу, отъ него плакать. Видно было, что въ немъ говоритъ добрый, любящій сынъ о порокахъ своей матери. Не то авторъ „Дыма“. Не говорите только никому, почему я ставлю „Дымъ“ не выше повѣсти Боборыкина: „Чужое поле“, едва я не сказалъ, что не пониже. Можетъ быть, я и ошибаюсь очень!.. Прочту еще и, что̀ добраго, покаюсь.

Москва, 30 Апрѣля 1867.

Почтенный другъ Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами не перекинулись словомъ, но я все-таки помнилъ васъ попрежнему, несмотря на обстоятельства. Надѣясь, что дружескій отношенія наши не прекратились, прибѣгаю къ вамъ съ усерднѣйшею просьбою. Вотъ въ чемъ дѣло. На старости лѣтъ я написалъ романъ изъ послѣдняго Польскаго мятежа: „Внучка Панцырнаго Боярина“. Отдавать его въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ и ждать разрѣшенія отъ него, все равно, что̀ ждать

*) Повѣсть Кохановской „Рой Ѳеодосій Савичъ на спокоѣ“. Тургеневъ звалъ эту повѣсть: „Псой Стихичъ“. П. Б.

отвѣта съ Алеутскихъ острововъ. Случалось, что они держатъ рукопись по два года, какъ это случилось съ историческимъ романомъ г-жи Вельтманъ, и потомъ присланъ съ огромными помарками.

И потому я рѣшилъ послать свой романъ въ одну или другую редакцію Петербургскихъ журналовъ. Попытаюсь сначала адресоваться къ Краевскому и, если не удастся, къ Хану. Но мнѣ въ этомъ случаѣ нуженъ посредникъ, и васъ-то прошу быть имъ. Если вы не откажетесь принять на себя это порученіе, то я пришлю къ вамъ свою рукопись въ первыхъ числахъ и при нихъ два письма: одно къ Краевскому, а другое къ Хану, изд. „Всем. Труда“. Сперва вы потрудитесь отвезти рукопись и письмо мое къ первому и спросить его, когда можете получить отвѣтъ. Если по истеченіи означеннаго срока отвѣтъ будетъ неблагопріятенъ, то отвезите рукопись и письмо къ Хану, но во всякомъ случаѣ, при передачѣ рукописи тому или другому издателю, не забудьте взять отъ того или другого расписки въ полученіи ея. Вотъ комиссія, съ которою прибѣгаю подъ дружеское крыло ваше. Вчера былъ у меня сынъ вашъ Анатолій и сказалъ мнѣ адресъ вашей квартиры.

Жду отъ васъ разрѣшенія моей покорнѣйшей просьбы.

Петербургская актриса Липская, съ мѣсяцъ тому назадъ пріѣхавшая въ Москву, писала мнѣ записку, которою просила меня поставить въ бенефисъ въ будущій театральный сезонъ моего „Опричника“. Я далъ ей разрѣшеніе, но какъ посланный съ запискою не могъ сказать мнѣ ни имени ея, ни отчества, то я на простой запискѣ написалъ это разрѣшеніе, и даже вмѣсто выраженія „поставить на сцену“, написалъ „поставить на театръ“, чему конечно читавшіе посмѣялись.

P. S. Адресъ мой: въ Москвѣ, близъ Смоленскаго рынка, въ Ружейномъ переулкѣ, въ домѣ Лебедева.

*

Москва, 7 Мая 1867.

Благодарю васъ, почтенный другъ, что вы озабочивались пристроить мой романъ, хотя оное и не удалось. Остается мнѣ просить васъ взять рукопись отъ Краевскаго и переслать ее ко мнѣ. Разборъ возвращаю вамъ. Ручаюсь, что его писалъ какой-нибудь Финнъ или такое лицо, которое знаетъ политическія тайны міра сего получше насъ, людей такихъ, смотрящихъ изъ своей норы на событія уже совершившіяся, а не на гадательныя послѣдствія ихъ, о которыхъ бабушка на-двое сказала. Я Русскій, знаю, пишу и дѣйствую, какъ Рус-

скій; такъ дѣйствуетъ честный Французъ во Франціи, въ Италіи, Нѣмецъ въ Германіи. А какъ мыслятъ псевдорусскіе, великіе міра журнальнаго, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Большая часть дѣйствующихъ въ моемъ романѣ, лица историческія, не включая Зарницыной, Застрембецкаго, Маврушиной, Людвиновича и Леденцовой. Пусть почиваютъ они въ мирѣ. Критикъ придаетъ мнѣ то, чего нѣтъ въ романѣ; онъ говоритъ, что Зарницына выставлена у меня феноменальнаго ума и неслыханной добродѣтели. Это неправда, потому что я этого нигдѣ не высказалъ. Она просто умная и добрая женщина, а вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ своею экзальтаціей и энергичнымъ характеромъ изъ ряду обыкновенныхъ женщинъ.

Также нечисто поступаетъ онъ со статьею о Ратѣевѣ, будто я одарилъ его всѣми возможными добродѣтелями. У меня онъ только добродушный, благородный человѣкъ. Владиславъ будто бы также выставленъ у меня съ рѣдкими качествами ума и сердца. Это натянутая клевета и пр. и пр., что повело бы меня въ напрасную и безплодную полемику. Никогда Ратѣевъ не посылалъ сына отстаивать права Россіи; юноша по своей доброй волѣ пошелъ служить. Какъ плохо читалъ мой романъ судья мой, видно уже изъ того, что онъ поселилъ ее въ ея имѣніи въ Бѣлоруссіи, между тѣмъ какъ она живетъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ мужъ ея командуетъ полкомъ. Видно, что разборъ написанъ съ завзятою напередъ мыслью уничтожить его, потому что онъ написанъ не въ духѣ, какъ бы желалось критику. Отправляясь съ этой точки зрѣнія, онъ, конечно, никуда не годится. Въ одномъ я съ нимъ согласенъ, это многоглаголаніе во 2-й главѣ 1-й части, о чемъ я писалъ въ первомъ письмѣ къ Краевскому. Затѣмъ я низко откланиваюсь и господину критику, и господину редактору „Отечественныхъ Записокъ“, пожелавъ имъ побольше Петербургскихъ трущобъ съ кабаками, притонами мошенниковъ, съ свахами извѣстнаго рода, съ трескучими происшествіями, и также художественнаго, какъ описаніе путешествія и смерти одного изъ героевъ въ помойномъ каналѣ, которыхъ никто не видалъ и слѣдственно авторъ не могъ ни отъ кого знать. Нынѣ мертвый подъ землею разсказываетъ авторамъ романовъ свои одиночныя приключенія и свои мысли, когда онъ умиралъ. Вотъ вамъ и правда въ искусствѣ! Когда вы возьмете отъ Краевскаго мою рукопись, пробѣгите ее и сдѣлайте мимолетно карандашикомъ ваши замѣтки. Много обяжете. Буду при деньгахъ, напечатаю на свой счетъ, а если нѣтъ, такъ пусть останется мой романъ посмертнымъ моимъ сочиненіемъ.

*

Почтенный и добрый другъ Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Надѣясь, что наши дружескія отношенія остаются въ положеніи, въ какомъ были и прежде и что неудача моего романа не ослабила ихъ, обращаюсь къ вамъ съ новой усерднѣйшей просьбой.

Вы, конечно, слышали, что я отдалъ артисткѣ Липской, которая должна быть вамъ хорошо извѣстна, моего „Опричника“ на бенефисъ ея. Пройдя благополучно, хотя и не безъ хлопотъ, черезъ огонь Главнаго Управленія по дѣламъ печати, она поступила въ дирекцію Императорскихъ театровъ. Но тутъ набѣжалъ неблагопріятный для бенефиціантки шквалъ, какъ она пишетъ ко мнѣ. Ей хотѣлось дать мою драму въ первыхъ числахъ Октября, а Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ объявилъ ей, что пьеса назначается на 15 Сентября, отчего Липская, за невозвращеніемъ будто дачниковъ въ городъ, потерпитъ въ сборѣ и потому проситъ меня, чтобы я похлопоталъ о назначеніи дня бенефиса въ первыхъ числахъ Октября, да прибавляетъ еще, что она боится, чтобы не поставили пьесу на Александрійскомъ театрѣ, а не на Маріинскомъ. Это послѣднее обстоятельство меня очень тревожитъ. И потому я просилъ Павла Степановича, чтобы дали „Опричника“ на Маріинскомъ театрѣ, на которомъ давали смерть Грознаго графа Толстого. Почему такое предпочтеніе сіятельному? Это будетъ для меня большимъ оскорбленіемъ. Вы вѣрно знакомы съ Ѳедоровымъ. Будьте такъ добры, сдѣлайте мнѣ дружеское одолженіе, попросите его исполнить мое желаніе, которое согласуется и съ выгодами дирекціи. Не бывъ долго въ Петербургѣ и потому не зная достаточно актеровъ, я во всемъ отдался на волю бенефиціантки, которой обязанъ уже и за то, что она вызвала въ свѣтъ „Опричника“. Она распредѣлила главныя роли слѣдующимъ образомъ: 1) Іоанна Грознаго—Леонидову который, какъ мнѣ сказалъ Анатолій Ѳедоровичъ, хотя и не создастъ роль, но не испортитъ ея, и артистъ добросовѣстный. Кого я предпочелъ бы—Самойлова, но говорятъ и писали, что онъ и Васильевъ въ смерти Грознаго оказались ниже своей репутаціи, и Грозный вышелъ очень неудачный; 2) роль Морозова, на которой держится нить всей пьесы, отдана Степанову. Вашъ сынъ назвалъ его бездарнымъ, но я никого не знаю, кто бы могъ его замѣнить, и потому волей-неволей долженъ быть согласиться съ выборомъ Липской; 3) Роль молодого Басманова отдана Малышеву, о которомъ хорошо отзывается Анатолій Ѳедоровичъ; 4) Роль Натальи Жемчужиной, хотя не обильная рѣчами, отдана Струйской, тоже очень одобряемой; 5) сама бенефиціантка прини-

маетъ на себя довольно значительную роль матери Морозовой. Я на нее надѣюсь; 6) Роль боярина Митькова предоставлена Сосницкому. Я зналъ его за артиста высоко даровитаго, но боюсь, не старъ ли онъ для роли боярина Митькова, который хотя и съ просѣдью, но еще бодрый и свѣжій старикъ. Впрочемъ бенефиціантка стоитъ за него горой и увѣрена, что онъ выполнитъ прекрасно свое назначеніе. О распредѣленіи прочихъ не знаю и не хочу знать. Выборъ ихъ зависитъ отъ дирекціи. Да,—забылъ я вамъ сказать, что роль мамки отдана Громовой. О, за успѣхъ ея я самъ ручаюсь. Эта между артистками звѣзда первой величины.

Адресъ мой: на Поварской, въ домѣ Николаева.

Москва.
29 Августа 1867.

*

Москва, 30 Октября 1867.

Вашъ сынъ, почтеннѣйшій Ѳедоръ Алексѣевичъ, доставилъ мнѣ ваше пріятное письмецо. Очень радъ, что Анатолій Ѳедоровичъ живетъ въ Москвѣ: онъ былъ у насъ 30 Сентября и провелъ почти цѣлый день. Молодой человѣкъ много обѣщающій. Онъ далъ мнѣ слово насъ навѣщать: умная бесѣда его и для меня, стараго, будетъ очень пріятна. Если я буду жить по близости къ университету, то я перетяну его къ себѣ жить—за малую плату. И ему, и карману его будетъ выгоднѣе. Онъ сказалъ мнѣ, что Ирина Семеновна *) будетъ скоро здѣсь: мы просимъ ее остановиться непремѣнно у насъ.

Съ того времени, какъ мы не видались, мое семейство умножилось. Вотъ ужъ у меня на старости лѣтъ трое дѣтей: старшей дочери слишкомъ три года, сыну скоро два, меньшой дочери, грудной, 7 мѣсяцевъ. Произвожу и литературныхъ дѣтей. Я написалъ романъ въ 4-хъ частяхъ: „Немного лѣтъ назадъ“. По разнымъ причинамъ я печатаю его отдѣльно. Два листа ужъ отпечатаны, остальныя скоро выйдутъ изъ-подъ станковъ непремѣнно къ 1 Ноября. Чего нѣтъ въ этомъ романѣ! И педагогія, и романическія приключенія!

Боюсь на старости лѣтъ шлепнуться лицомъ въ грязь. Послѣ „Отцовъ и дѣтей“ Тургенева страшно выступать на литературную арену. Критика у насъ нынѣ—кто во что гораздъ. Кто палку взялъ, тотъ и капралъ, а солдатики ужъ и выкрикиваютъ его артикулъ капралъ сказалъ. Мѣщанскій конецъ! Добродѣтель награждена, порокъ наказанъ — и почему всѣ твердятъ одно и то же. Въ свободной области искусства нѣтъ капральства, его нѣтъ въ иностранныхъ литературахъ, а у насъ пишите не такъ, какъ законы разума и красота вамъ вну-

*) Супруга Ѳ. А. Кони. П. Б.

шаютъ не вдохновенію, а такъ какъ наши критики установили. Горе быть Диккенсамъ, если бы въ Англіи были бы такіе критики.

Прочтите князя Серебрянаго, графа Толстого, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Право, мы возвращаемся къ временамъ Зотова и Клятвы при гробѣ Господнемъ.

Еще разъ благодарю за ваше обязательное, дружеское посредничество и прошу васъ окрестить мое дѣтище, которое, именно, должно быть моимъ послѣднимъ произведеніемъ.

Зная, что вы принимаете участіе во всѣхъ моихъ радостяхъ и печальныхъ обстоятельствахъ, долгомъ считаю увѣдомить, что Государь Императоръ, узнавъ о моемъ затруднительномъ положеніи при болѣзненномъ состояніи, приказалъ выдать мнѣ въ единовременное пособіе тысячу рублей въ знакъ вниманія къ литературнымъ моимъ заслугамъ. Эта монаршая милость была неожиданна, я никого не просилъ о пособіи, она тронула меня до слезъ.

Тѣмъ болѣе желалъ бы я, чтобы мой романъ былъ скорѣе отпечатанъ во-время, когда оно летитъ и горитъ. Нынѣ время не годами, а по недѣлямъ считаютъ. Я, кажется, просилъ васъ узнать, какъ имя артистки Липской. Она просила меня позволить ей дать въ будущій театральный сезонъ моего „Опричника“. Дай Богъ, чтобы его позволили поставить на сцену. Кажется, теперь можно: „Іоаннъ Грозный“ будетъ на сценѣ. Когда увѣдомите меня объ имени и отчествѣ Липской, напишите тутъ же и адресъ ея квартиры. Воображаю, какъ хорошъ будетъ Самойловъ въ роли Грознаго, когда онъ раздираетъ на себѣ ризу.

О ЗАПИСКАХЪ ГРАФА НИКОЛАЯ ЕГОРОВИЧА КОМАРОВСКАГО.

Изданіи Общества ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Москва, 1912. Больш. 8^0, 112 стр., съ превосходнымъ портретомъ.

Графъ Н. Е. Комаровскій родился въ 1845 году. На послѣдней страницѣ его Записокъ означено „25 Марта 1905 г. С.-Петербургъ“, а 8 Августа того же года онъ скончался въ Виллахѣ (въ Каринтіи) вслѣдствіе неудачной операціи. Предъ отъѣздомъ въ чужіе края, какъ бы предчувствуя кончину, онъ отдалъ эти Записки въ распоряженіе Общества ревнителей, коего былъ членомъ.

Дѣдомъ его былъ графъ Евграфъ Ѳедотовичъ (котораго Записки помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 и 1877 г.г. и въ первой книгѣ сборника „Осмнадцатый Вѣкъ“; отцомъ—другъ И. В. Кирѣевскаго, а матерью—сестра поэта Веневитинова. Въ Запискахъ графа Николая Егоровича много любопытнаго о семьѣ Веневитиновыхъ *). Между прочимъ узнаёмъ, что родители поэта, встревоженные пылкою страстію его къ княгинѣ Зинаидѣ Волконской, перевели его на службу въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ захваченъ и хотя на другой же день выпущенъ на свободу, но ночи, проведенной въ сыромъ казематѣ Петропавловской крѣпости, не выдержало его здоровье и безъ того потрясенное нравственнымъ волненіемъ несчастной любви. Тифъ явился послѣдствіемъ злосчастнаго ареста, и Дмитрій Владимировичъ, всего на 22 году отъ рожденія, скончался 15 Марта 1827 года. Долго, долго потомъ, еще въ нашу молодость, друзья его, Хомяковъ, Шевыревъ, Погодинъ и др. собирались въ Москвѣ на поминальную по немъ трапезу.

На стр. 11 и 12-й читаемъ:

„Въ 1808—1809 году мой дѣдъ Евграфъ Ѳедотовичъ отправился въ Парижъ въ сопровожденіи бабушки Елисаветы Егоровны и своего старшаго сына, моего отца, которому тогда было 6 лѣтъ отъ роду. Не

*) Это выходцы изъ Тульскаго города Венева. Они сдѣлались старожилами Воронежа, гдѣ одного изъ нихъ приблизилъ къ себѣ и одарилъ Петръ Великій. Точно также и другіе выходцы сохранили въ своемъ имени названія своей родины: Тулиновы изъ Тулы, Болховитиновы изъ Болхова, Тверитиновы изъ Твери. П. Б.

вполнѣ установлено, была ли эта поѣздка предпринята для исполненія секретнаго порученія императора Александра Павловича къ Наполеону I; но извѣстно, что дѣдъ былъ принятъ Наполеономъ и вступилъ въ сношенія съ тогдашними Французскими политическими дѣятелями. Дабы не оставлять моего отца одного во время обязательныхъ выѣздовъ и бабушки, къ нему былъ нанятъ молодой Французъ по имени Пелисье, въ качествѣ такъ-называемаго въ тѣ времена menin, т.-е. дядьки, обязанность котораго состояла водить гулять отца по садамъ Парижа и показывать ему все, что̀ могло интересовать ребенка его лѣтъ. Когда снова вспыхнула война 1809 года, дѣдъ мой немедля долженъ былъ оставить Парижъ, и по усиленной просьбѣ этого самаго Пелисье и привычкѣ къ нему моего отца, рѣшилъ взять съ собой 20-лѣтняго Француза, который и отправился въ путь на козлахъ дорожной кареты. Пелисье подлежалъ набору въ военную службу и могъ быть узнанъ и задержанъ по дорогѣ, занятой уже передвиженіемъ Французскихъ войскъ, но благодаря открытому листу, полученному дѣдомъ отъ Наполеона, дѣло обошлось благополучно, и въ Петербургѣ Пелисье снова вступилъ въ исполненіе обязанностей дядьки при отцѣ. Но вскорѣ дѣдъ мой заподозрилъ ментора въ шпіонствѣ и отправилъ его обратно во Францію, гдѣ на этотъ разъ онъ и поступилъ на военную службу. Вторично онъ явился уже въ 1854 году въ чинѣ дивизіоннаго генерала, а затѣмъ маршала подъ стѣнами Севастополя. Мнѣ извѣстно, что отецъ мой интересовался тогда, что̀ было общаго между бывшимъ дядькою и Французскимъ маршаломъ и какъ оказалось, это было одно и то же лицо. Какъ потомъ говорилъ отецъ, онъ бы охотно упросилъ вторично дѣда не отпускать Пелисье, только на этотъ разъ уже изъ Россіи“.

Мать графа Н. Е. Комаровскаго Софья Владиміровна—сестра поэта, а братъ ея Алексѣй Владимировичъ женился на графинѣ Аполлинѣ Михайловнѣ Віельгорской *). Домъ и общество ея родителей и дяди подробно и живо изображены въ Запискахъ нашего графа. Сама собою образовалась цѣлая академія музыки и словесности. Въ числѣ второстепенныхъ лицъ былъ тутъ музыкантъ Ленцъ, написавшій для „Русскаго Архива“ 1878 г. „Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ“.

„Въ народѣ заходили слухи о томъ, что Государь не хотѣлъ пережить Севастополя и несчастія своей Россіи. Говорили въ то время, что передъ Зимнимъ дворцомъ собралась громадная толпа народа, требовавшая выдачи ей лейбъ-медика Мандта. Говорили также, что для того, чтобы спасти его отъ ярости народа принуждены были от-

*) См. наши строки о ней въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884, вып. 9-й.

править его тайно заграницу". Все это только городскіе слухи. Въ письмѣ къ своей женѣ Мандтъ изложилъ подробно, какъ умиралъ Николай Павловичъ („Р. Архивъ" 1884, I) и позднѣе написалъ о томъ особо („Р. Архивъ". 1905, II).

Письмо доктора Мандта писано къ его супругѣ, находившейся тогда во Франкфуртѣ на Одерѣ. Записка, понудившая его сказать Государю, что смертный часъ его близокъ, писана графинею А. Д. Блудовой. Благодаря ей, Николай Павловичъ съ такимъ достоинствомъ могъ провести послѣдніе часы жизни. Благодаря той же графини Антонины Дмитріевны и 1-го Марта 1881 года Александръ Николаевичъ успѣлъ пріобщиться Святыхъ Таинъ), вопреки врачамъ, говорившимъ, что это только встревожитъ истекавшаго кровью Государя. Графиня обратилась къ его любимому сыну, великому князю Владимиру Александровичу, и тотъ немедленно послалъ за протоіереемъ Рождественскимъ. Въ большой дворцовой церкви запасныхъ Св. Даровъ не оказалось. Въ малой церкви, на другомъ концѣ дворца, двери были заперты. Пришлось ломать ихъ, и Рожественскій на дрезинѣ привезъ Св. Дары въ комнаты надъ Салтыковскимъ подъѣздомъ.

„Помнится, какъ при мнѣ разсказывали, что на одномъ изъ вечеровъ въ Михайловскомъ дворцѣ Великая Княгиня Марія Николаевна, находившая повидимому, что вообще сужденія Милютина напоминали собой образъ мыслей извѣстнаго Марата, замѣтила ему: „Я бы желала быть Шарлотой Корде, чтобы покончить съ вами". „Но въ такомъ случаѣ я долженъ въ присутствіи Вашего Высочества сѣсть въ ванну", отвѣтилъ, не смутясь, Николай Алексѣевичъ.

„Слышалъ я и знаменитую Бозіо, смерть которой въ Петербургѣ въ началѣ 60-хъ годовъ ознаменовала начало студенческихъ безпорядковъ. На ея похоронахъ, въ благодарность за участіе во время ея земного существованія на концертахъ въ пользу студентовъ Петербургскаго Университета, толпа изъ нихъ пожелала распоряжаться ея похоронами и помѣстить на катафалкѣ, у кистей, избранныхъ изъ своей среды депутатовъ. Это произошло на Невскомъ. Не довольствуясь участіемъ въ процессіи, студенты вздумали насильственно снимать шапки у проѣзжающей мимо процессіи посторонней публики, въ числѣ которой оказался между прочимъ графъ Б. А. Перовскій, воспитатель Великихъ Князей. Полиція вынуждена была вмѣшаться. Произошла уличная свалка, и нѣсколько студентовъ было арестовано.

Отецъ мой не любилъ посѣщенія свѣтскихъ вечеровъ и обѣдовъ, предпочитая имъ тѣсный кружокъ ему близкихъ людей. Исключеніе онъ дѣлалъ лишь для графини Антонины Дмитріевны Блудовой, у которой бывалъ иногда, по четвергамъ вечеромъ, для Анастасіи Никола-

евны Мальцовой и трехъ сестеръ Смирновыхъ, у которыхъ бывали обѣды съ видными представителями дипломатическаго корпуса, туда для разговора обыкновенно приглашался отецъ вмѣстѣ съ Тютчевымъ.

Марію, Александру и Елену Осиповну Смирновыхъ зналъ весь Петербургъ, и они всѣхъ знали. Жили они по сосѣдству съ нами на Михайловской площади, въ домѣ Крылова, стоявшемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится еще не застроенное пространство земли, противъ Михайловскаго дворца [1]).

Старшая изъ трехъ сестеръ, Марія Осиповна, носила слѣды когда-то замѣчательной красоты, какъ о томъ гласило преданіе. Я ее помню уже старухой, высокаго роста, царственной осанки, съ большими глазами и правильными чертами лица. Она, казалось, никогда не нагибалась: до того она себя держала прямо и величественно. Какъ и ея сестры, она была очень словоохотлива и любила говорить о впечатлѣніи, производимомъ въ былыя времена ея внѣшностью на безчисленныхъ поклонниковъ. Я никогда собственно не могъ разобрать, кто особенно былъ ею очарованъ, Императоръ ли Александръ I, или же Армянинъ Лазарь Якимовичъ Лазаревъ, имя котораго связано было почему-то съ легендами о неотразимой красотѣ Маріи Осиповны.

Въ то время, какъ Марія Осиповна Смирнова царила въ своей гостиной и принимала за обѣдами чужестранныхъ пословъ и посланниковъ, ея младшая сестра, Александра Осиповна завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ и заказами обѣдовъ, а третья сестра, Елена, поддерживала внѣшнія сношенія семьи со всѣмъ Петербургскимъ свѣтомъ [2]). Обѣды и вечера Елена Осиповна постоянно проводила внѣ дома, у своихъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ. Носила она прическу и нарядъ еще временъ Александра I и говорила басомъ, что́ не совсѣмъ соотвѣтствовало ея сердечной добротѣ. Хотя темою ея разговоровъ были всегда пересуды того, что́ дѣлалось въ свѣтѣ, но въ нихъ не замѣчалось и слѣда злословія или враждебности. Она замѣняла собой свѣтскую Петербургскую газету, самаго поверхностнаго, но всегда доброжелательнаго содержанія.

---

[1]) Эти Смирновы неосторожно ссужали большими деньгами знаменитую мать Митрофанію. Она, не возвративъ денегъ, разорила гостепріимныхъ сестеръ. Тогда Тютчевъ сказалъ про нихъ: Elles ont perdu à la baisse, т. е. онѣ потерпѣли отъ пониженія цѣнности денегъ. (Abbaisse—игуменья; baisse—пониженіе цѣнностей на биржѣ). П. Б.

[2]) Герценъ писалъ въ своемъ знаменитомъ „Колоколѣ“, что сестры Смирновы были не чужды внушеній со стороны существовавшаго тогда 3-го Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи, передавшаго впослѣдствіи свое дѣлопроизводство въ нынѣшній Департаментъ Полиціи.

Старшая сестра графа Комаровскаго, гр. Анна Егоровна, поступила во фрейлины къ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, и отсюда сближеніе его съ Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ, съ которымъ онъ учился вмѣстѣ, во дни ихъ отрочества. Графъ не разсказываетъ про его дальнѣйшую судьбу; а про отца его читаемъ:

„Ежедневно днемъ мы ѣздили вмѣстѣ съ Николаемъ Константиновичемъ купаться на море, гдѣ на мелкомъ мѣстѣ была устроена купальня. Но когда на пристани былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, онъ забиралъ насъ въ свою купальню, устроенную на значительной глубинѣ, и поочередно бросалъ въ море, чтобы, какъ онъ говорилъ, улыбаясь, изъ насъ не вышли бабы, и чтобы мы пріучились сами выбираться изъ опаснаго положенія, которое заключалось въ этомъ случаѣ въ томъ, что приходилось проплыть нѣсколько сажень ранѣе, чѣмъ добраться до берега. При сильномъ волненіи, намъ кидался спасательный кругъ, и кромѣ этого на плоту купальни находился матросъ, всегда готовый, въ случаѣ нужды, придти къ намъ на помощь. Помню, какъ однажды Константинъ Николаевичъ сказалъ мнѣ: „Необходимо умѣть плавать; если бы я этого не умѣлъ, то меня давно бы съѣли рыбы“. При этомъ Великій Князь разсказалъ о несчастіи, бывшемъ съ нимъ близъ Кронштадта, когда утонулъ его адъютантъ князь Голицынъ, сынъ того, что завѣдывалъ Комиссіею прошеній, и онъ самъ, оставаясь безпомощно на водѣ въ продолженіи 5 минутъ, спасся лишь потому, что умѣлъ хорошо плавать. Упоминая о Голицынѣ, Константинъ Николаевичъ набожно перекрестился, прибавивъ со вздохомъ: „Какъ мнѣ жаль его бѣднаго! Я его хотѣлъ спасти, но онъ какъ ключъ пошелъ ко дну“.

Великій Князь любилъ иногда участвовать и руководить нашими играми, въ которыхъ онъ всегда старался развивать въ насъ извѣстную самостоятельность и находчивость.

*

Вообще въ обращеніи Великаго Князя Константина Николаевича чувствовалась большая сердечная доброта, которую онъ видимо скрывалъ подъ пріемами нѣкоторой внѣшней суровости, а иногда и рѣзкости.

*

Вотъ какъ графъ описываетъ одну изъ пирушекъ Преображенскаго полка, въ который онъ поступилъ на службу. „Всѣ сидятъ полукругомъ; напротивъ помѣстились Цыгане, которые съ какимъ-то изступленіемъ орутъ: „Когда все пируетъ и блещетъ вокругъ“... Неожиданно ихъ перебиваетъ командиръ полка [1]). Онъ

[1]) Князь Анатолій Барятинскій. П. В.

встаетъ со стаканомъ въ рукахъ. Водворяется полная тишина. Всѣ офицеры разомъ встаютъ и застегиваются. „Господа, за здоровье дорогого, родного полка“, слышится громкій, симпатичный голосъ князя; ему отвѣчаютъ громкимъ „ура“. Всѣ стаканы осушаются залпомъ и летятъ, какъ одинъ, вдребезги объ полъ. Старыя Цыганки визжатъ отъ испуга, и изъ сосѣдней комнаты слышатся снова звуки полкового марша: „Знаютъ про насъ Шведы“... Не успѣла замолкнуть музыка, какъ зазвенѣли бубны, и гдѣ-то вблизи раздалась удалая солдатская пѣсня: „Посѣю лебеду на берегу...“ Неудержимо срывается со своихъ мѣстъ полковая молодежь и пускается въ родную присядку. „Старики“ подпѣваютъ и хлопаютъ въ ладоши.

Около полуночи командиръ полка уѣхалъ, и его проводилъ дежурный по полку. Виновники торжества, Веловзоръ и Львовъ *), уже безмятежно покоются отъ всѣхъ треволненій дня на диванахъ, которыми уставлена огромная дежурная комната, а я отъ массы выпитыхъ брудершафтовъ начинаю усматривать нѣкоторые предметы въ двухъ экземплярахъ и постоянно принимать какую-то старую Цыганку за командира полка и почтительно къ ней обращаться со словами: „Ваше сіятельство“. Но кувшинъ холодной воды, вылитый мнѣ на голову, приводитъ меня въ нормальнае состояніе.

Между тѣмъ огни тушатся, и посрединѣ залы въ ротномъ котлѣ уже пылаетъ жженка. Надъ пламенемъ на шомполахъ лежитъ большой кусокъ сахару, который постоянно обливается коньякомъ и въ растопленномъ видѣ капаетъ въ горящіе коньякъ и Шампанское. Еще тѣснѣе кругомъ пылающаго котла сдвигается семья Преображенцевъ. По командѣ старшаго изъ присутствующихъ сюртуки живо снимаются. Цыгане-пѣвцы удаляются угощаться въ отдѣльное помѣщеніе, а Цыганки разсыпаются между офицерами, какъ стрѣлки по кустамъ. Цыганка Лиза уже не обращаетъ на меня никакого вниманія и лебезитъ со старшими офицерами. Да и мнѣ не до нея. Меня зоветъ для особыхъ порученій мой ротный командиръ, на котораго разъ навсегда была возложена обязанность варенія жженки. Съ растегнутымъ воротникомъ рубашки, подвязанный длиннымъ фартукомъ, съ суповой ложкой на палкѣ въ рукѣ, графъ Николай Петровичъ Клейнмихель съ важностью священнодѣйствуетъ около котла, мѣшая и пробуя варево изъ различныхъ винъ. Его помощники, младшіе въ чинѣ, суетятся около него: одни откупориваютъ бутылки, другіе очищаютъ фрукты, сортируютъ вино и проч. Прислуга въ такихъ случаяхъ уда-

*) Николай Николаевичъ, кончившій жизнь директоромъ Московскаго Вдовьяго дома. П. Б.

ляется. Меня Николай Петровичъ держитъ непосредственно при себѣ, преслѣдуя при этомъ, очевидно, педагогическія цѣли, и то и дѣло отдаетъ приказанія: „Лей красное. Сладковато. Пусти мадеры, посуше, да для аромата еще бутылки двѣ Ямайки. Вали фрукты“. Наконецъ жженка приходится ему по вкусу, достаточной крѣпости, и онъ самодовольно произноситъ: „туши“. Помощники вооружаются бутылками и вливаютъ въ котелъ вторую дюжину, но уже замороженнаго Шампанскаго. Жженка готова и разливается въ стаканы, которые по офицерскимъ группамъ разносятъ Цыганки. „Знай, Комаръ, что во время жженки не принято выражать восторга битьемъ посуды“, на всякій случай, поучаетъ меня, какъ новичка, Николай Петровичъ“.

Веловзоръ и Львовъ, успѣвшіе отойти, уже сидятъ среди товарищей, какъ встрепанные, и дружеская бесѣда, какъ пишутъ въ газетныхъ отчетахъ, „затянулась далеко за полночь“. Ну ужъ и бесѣда!..

У помощниковъ Клейнмихеля давно руки устали наливать, а Цыганки такъ и лѣзутъ съ пустыми стаканами, точно на водопоѣ. Стихійное веселье въ полномъ разгарѣ, душа гуляетъ нараспашку; но все чинно, безъ какого-либо намека на непристойность.

Въ концѣ веселой товарищеской пирушки Веловзоръ и Львовъ подымаются на руки бывшими товарищами, выносятся наружу и торжественно обносятся почему-то вокругъ небольшого находившагося въ то время передъ главнымъ входомъ круглаго садика.

Музыка на крыльцѣ играла похоронный маршъ Шопена. Всѣ поютъ: „Прощай, прощай, мой генералъ...“

Приведенныя выдержки свидѣтельствуютъ о занимательности Записокъ графа Н. Е. Комаровскаго. П. Б.

РУССКАЯ БОРОДА ВЪ 1812 ГОДУ.

Ты, который тронъ и насъ
Твердымъ царскимъ словомъ спасъ,

обращался въ 1839 году В. А. Жуковскій (участникъ Бородинской битвы) къ памяти Государя Александра Павловича. Когда Москва была занята, опозорена, разграблена и сожжена, когда и Петербургу грозила опасность и уже сдѣланы были распоряженія объ увозѣ памятника Петру Великому, когда Государь не находилъ себѣ сочувствія ни въ матери, ни въ братѣ и Наполеонъ уже не разъ предлагалъ ему войти въ переговоры о мирѣ, внукъ Екатерины Великой отозвался полковнику Мишо: „Скорѣе уѣду въ дальніе края моего царства и *отрощу себѣ бороду*, но не соглашусь подписать стыдъ моего отечества“. Этотъ отзывъ приведенъ въ любопытнѣйшихъ Запискахъ А. П. Бутенева, выдержки изъ которыхъ, относящіяся къ 1812 г., вышли отдѣльною книжкою. Въ примѣчаніи къ ней читаемъ:

„Любопытно сопоставить эти знаменитыя слова съ отзывомъ Наполеона, который на островѣ Св. Елены говорилъ: будь я Русскимъ царемъ, я *отростилъ бы себѣ бороду* и держалъ бы въ рукахъ всю Европу“. По милости Божіей, намъ не пришлось прибѣгнуть къ такой рѣшительной мѣрѣ.

Другое любопытное сопоставленіе по отношенію къ тѣмъ же царскимъ словамъ имѣется въ письмѣ княгини Зинаиды Александровны Волконской къ барону Меріану (Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky, Paris & Carlsruhe, 1865, стр. 231). Кучеръ Илья, по кончинѣ Государя въ Таганрогѣ, везетъ бренные останки, т.-е. правитъ погребальною колесницей. Поѣздъ выступилъ изъ Таганрога на другой день Рождества Христова и только въ Мартѣ 1826 г. достигъ Петербурга.

За гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся Имперія идетъ.

Подъѣзжаютъ къ Москвѣ.

Чудесное слово Ильи одному изъ адъютантовъ Императора. Гофмаршалъ, находившійся со всѣми властями Москвы впереди шествія, оповѣщалъ въ селѣ Коломенскомъ графа Орлова-Денисова *) о соблюденіи церемоніала. Но Илья сказалъ генералу, что „онъ никогда не оставлялъ козелъ и никому не согласится уступить эту честь“. Гофмаршалъ настаиваетъ на томъ, что этикетъ требуетъ кучера въ парадной ливреѣ; но онъ долженъ былъ уступить въ концѣ-концовъ. Адъютантъ идетъ разсказать Ильѣ о томъ, что происходило: „Ты носишь бороду (говоритъ онъ ему) и потому не можешь сидѣть на козлахъ въ Москвѣ“. *„Ну что жъ, я побрѣюсь“*, отвѣчалъ Илья.

---

*) Который завѣдывалъ всѣмъ шествіемъ. П. Б.

Вы знаете, какъ Русскому мужику дорога́ его борода. Илья ее сохранилъ".

Княгиня Зинаида Александровна вовсе не вспоминаетъ по этому поводу извѣстныхъ словъ Государя. Но неправда ли, невольно напрашивается сопоставленіе? И сколько взаимной любви въ этихъ будто бы на первый взглядъ несогласныхъ воззрѣніяхъ Царя и крестьянина!

Кн. П. П. В.

А. В. Станкевичъ.

27 Іюля 1912 г. въ Воронежской губерніи, въ имѣніи Новый Курлакъ, скончался *Александръ Владимировичъ Станкевичъ*, младшій братъ извѣстнаго любителя философіи, Николая Владимировича Станкевича. Покойный родился въ 1821 г. и высшее образованіе получилъ въ Харьковскомъ университетѣ. Одно время онъ служилъ членомъ Воронежскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, затѣмъ состоялъ въ Московской городской думѣ и почетнымъ мировымъ судьей въ Москвѣ. Покойный выступилъ на литературное поприще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія съ цѣлымъ рядомъ повѣстей, какъ напримѣръ, „Вечерніе визиты", „Изъ записокъ дорожнаго человѣка", „Дурачокъ Ѳедя" и т. д. Въ пятидесятыхъ годахъ, кромѣ повѣстей: „Идеалистъ" и „Изъ переписки двухъ барышень", онъ помѣщалъ критическія статьи и рецензіи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и въ журналѣ „Атеней": „О сочиненіяхъ Пушкина", „Классическій періодъ Нѣмецкой литературы", „О книгѣ Аксакова—Дѣтскіе годы Багрова-внука". Главнымъ же трудомъ А. В. Станкевича слѣдуетъ признать біографическій очеркъ „Т. Н. Грановскій".

Въ Воронежскомъ помѣстьѣ своемъ скончался въ маститой старости Московскій старожилъ Александръ Владимировичъ Стаховичъ, одинъ изъ братьевъ того Николая Стаховича, который воодушевлялъ на все изящное и доброе многихъ своихъ получившихъ общую извѣстность сверстниковъ (и Катковъ и К. С. Аксаковъ съ сердечнымъ сочувствіе мъпроизносили его имя). Стаховичи происхожденія Сербскаго. Мать нашихъ современниковъ происхожденія Нѣмецкаго. Они получили отличное образованіе. Имя Александра Владимировича не умретъ въ исторіи Русскаго просвѣщенія, благодаря книгѣ его о Грановскомъ. Это образцовая біографія, вполнѣ безпристрастная. Имъ же изданы двѣ книги писемъ Грановскаго, читая которыя невозможно не полюбить Тимофея Николаевича. Рядомъ съ нимъ теперь положили Стаховича на Московскомъ Пятницкомъ кладбищѣ. П. Б.

Павелъ Васильевичъ ЖУКОВСКІЙ,

родился во Франкфуртѣ на Майнѣ 1-го Января 1845 г.

Скончался въ Веймарѣ 13-го Августа 1912 г.

удаляетъ тебя въ одно время и отъ наслажденій истинной поэзіи, и отъ первоначальныхъ друзей твоихъ? Читай Байрона, Мура и Шиллера"... 1823 г.) Булгарину (послѣ похвалъ за его „умныя статьи" то въ „очень сухомъ, то въ очень занимательномъ" Сѣверн. Архивѣ: „кланяйся нашей остроумной сволочи: Гречу, Рылѣеву, Бестужеву, Корниловичу..." 1824 г.). А. Бестужеву (просьба о стихахъ для „Звѣздочки") и М. П. Погодину (объ успѣхѣ „Московскаго Вѣстника" въ Одесскомъ обществѣ. 1827 г.). Три письма къ Пушкину 1827 г. (Они во второмъ томѣ Переписки Пушкина, изд. В. И. Саитова). Исторія Государственнаго Совѣта *), по порученію имп. Николая Павловича, составлена Туманскимъ, который въ 40-хъ годахъ служилъ помощникомъ статсъ-секретаря.

† Л. М. Жемчужниковъ.

24 Іюля скончался въ Царскомъ Селѣ Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ, свидѣтель четырехъ царствованій. Онъ отошелъ въ вѣчность въ благословенной старости, такъ какъ родился въ 1828 г. Два брата: Алексѣй и Владиміръ Михайловичи Жемчужниковы владѣли поэтическимъ и сатирическимъ даромъ; вмѣстѣ съ гр. А. К. Толстымъ они писали подъ именемъ *Кузьмы Пруткова*; пережившій ихъ братъ Левъ отличался способностью въ живописи. Онъ и учился въ Академіи Художествъ, изъ которой вышелъ, впрочемъ, до окончанія курса, и уѣхалъ въ родную Малороссію. Тамъ, гдѣ—

...Все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
...Гдѣ изъ цвѣтовъ плететъ вѣнокъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицко...

На Украйнѣ Л. М. принялся наблюдать бытъ и изучать краевую старь по сохранившимся памятникамъ и типамъ. Онъ не сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, а разъѣзжалъ, и въ это время (50-е годы) явно тяготѣлъ къ Тарасу Шевченкѣ. Къ его „Кобзарю" Жемчужниковъ нарисовалъ немало сценъ и типовъ; онъ же „открылъ" случайно, на придорожномъ постояломъ дворѣ, и „послѣдняго" кобзаря, прославленнаго имъ, Кулишомъ и археологами Кіевскаго съѣзда (1874 г.) Остапа Вересая. Академія Художествъ замѣтила Украинское искусство Жемчужникова, но бо́льшую, можно сказать, Европейскую извѣстность ему доставила его „Малороссіанка", выставленная въ 1857 г. въ Парижскомъ салонѣ. Остапъ Вересай отразился на Жемчужниковскомъ „Кобзарѣ съ поводыремъ". Вся его „Живописная Украйна" (48 листовъ) была приложена къ „Основѣ" Кулиша и Бѣлозерскаго, и нынѣ—большая рѣдкость (покрайней мѣрѣ, въ полномъ видѣ) и продается рублей по 250.

Отдавъ Малороссіи дань живописца, Л. М. Жемчужниковъ почувствовалъ потребность подойти вплотную къ тому новому, живому и плодотворному теченію въ Русской живописи, которое стало извѣстно подъ именемъ передвижничества. Жемчужниковъ переѣхалъ въ Москву и, ставъ членомъ Совѣта Училища Живописи, ваянія и зодчества, оказывалъ вліяніе на ходъ и развитіе отечественной живописи впродолженіе десятковъ лѣтъ. Къ его мнѣніямъ прислушивались Московскіе толстосумы, любители искусствъ, не исключая и братьевъ Третьяковыхъ. Можно сказать, что своимъ подборомъ картинъ, а слѣдовательно образовательнымъ значеніемъ и художественной цѣнностью, Третьяковская галлерея обязана столько же собирателямъ, въ особенности П. М. Третьякову, сколько и Жемчужникову, ихъ вдохновлявшему. И въ этомъ заключается наибольшая заслуга Л. М. передъ искусствомъ которой нельзя забывать и забыть, хотя и въ качествѣ художника онъ былъ недюжиннымъ. Въ той же Третьяковской галлереѣ можно видѣть его мастерства портретъ Вас. Вас. Верещагина, выжженный по дереву (1883 г.). Кромѣ этого, Жемчужниковъ написалъ портреты: художника П. А. Ѳедотова и историка-этнографа Н. А. Маркевича. Въ „Вѣстникѣ Европы" за 1906 годъ Л. М. Жемчужниковъ воспомянулъ свою долгую жизнь, зародившуюся въ дворянскомъ гнѣздѣ Русскаго юга. *) Онъ погребенъ въ Москвѣ, на Пятницкомъ кладбищѣ, гдѣ похороненъ его сынъ-младенецъ. „Не всуе текохъ", можно сказать у свѣжей могилы Льва Михайловича.

П. Россіевъ.

---

*) Эту исторію напечаталъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1903 года (9) племянникъ Туманскаго, Григорій Александровичъ Милорадовичъ. П. Б.

*) Л. М. Жемчужниковъ по матери своей Перовской былъ правнукомъ гетмана графа К. Г. Разумовскаго, потомки котораго почти всѣ отличались даровитостью.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1912 года.

(Годъ 50-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1912 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Контора „Русскаго Архива“ открыта отъ 9 до 2 часовъ дня и отъ 6 до 9 вечера.

Книгопродавцамъ уступка **20** копѣекъ.

За перемѣну адреса—**тридцать копѣекъ**.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки.

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій „Русскаго Архива“.

Нижеслѣдующія годовыя изданія „Русскаго Архива“ разошлись, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ. Пріобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и большею частію возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1891, 1892, 1893, 1895 1896, 1897 годы.

Полный годъ 1884-й продается по три рубля.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

Годы: **1889, 1890, 1894, 1898—1906 продаются по 7 рублей за каждый годъ.**

Годы **1907. 1908, 1909, 1910 1911 по 8 рублей за каждый годъ.**

Не желающіе имѣть при годахъ 1907 и 1908-мъ Указателя къ прежнимъ годамъ платятъ за эти два года по 6 рублей.

Пересылка на счетъ покупателей.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**